

СОЦИС

Журнал основан
в июне 1974 года

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ

- 3 КИСЛЕНКО И.Ю. О колониальной эпистеме и деколониальной социологии
(к дискуссии о канонизации У.Э.Б. Дюбуа)
- 15 ТЕРНЕР С. Деинтеллектуализация американской социологии: попытка истории

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

- 28 ТАТАРОВА Г.Г., КУЧЕНКОВА А.В. Востребованность «типологического поворота»
в эмпирической социологии

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

- 41 БОЧАРОВ В.Ю. Изменение подходов российской социологии к изучению
трудовых отношений
- 53 КРАСОВА Е.В. Интеллектуализация труда как социальный феномен современного
капитализма
- 63 ШЕВЧЕНКО И.О., ШЕВЧЕНКО П.В. От прекаризации занятости –
к прекаризации жизни?

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

- 76 АВКСЕНТЬЕВ В.А., АКСЮМОВ Б.В. «Портфель идентичностей» молодежи Юга
России спустя 12 лет
- 88 НЕУСТРОЕВА А.Б., САМСОНОВА И.В. Проблемы современных коренных
малочисленных народов Севера (по данным исследования в Республике Саха
(Якутия))

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

- 97 БАБИЧ Н.С., БАТЫКОВ И.В. Общество потребления: опыт моделирования
взаимосвязей консюмеризма и религиозности
- 109 ОСТРОВСКАЯ Е.А., БАДМАЦЫРЕНОВ Т.Б. Стратегии буддийских сообществ
в новых медиа
-

СОЦИОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

- 120 ЛИ МУН-ЁН. Корейский конфликт и ядерная проблема: исследования общественного мнения
- 129 НАМ ХЕ ХЕН, ФЕДОРОВА К.С. Языковая идеология России и Южной Кореи (отношение к языкам мигрантов в публичном дискурсе)

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- 142 ДАВЫДОВ Д.А. Классовое господство в эпоху посткапитализма. Часть 1. Этос персоналиата

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 153 ГАБДРАХМАНОВА Г.Ф., МАКАРОВА Г.И. Исследования этносоциальных процессов в российских регионах
- 155 НЕКЛЮДОВА Н.П., ПЫШМИНЦЕВА О.А. О XIII Уральском демографическом форуме

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД НОВОЙ КНИГОЙ

- 157 ВАСИЛЬЕВ А.А., АНИЧКИН Е.С., ПЕЧАТНОВА Ю.В. Лоббизм как форма публичного диалога

- 164 КОРОТКО О КНИГАХ

IN MEMORIAM

- 167 Нагорный В.Г.

- 169 К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

- 175 CONTENTS

СОЦИС: ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ (2-я стр. обл.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (<http://www.socis.isras.ru/>; <http://www.isras.ru/socis.ru>) или на обложке журнала в № 1 и № 7. Статьи присылать по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc. Авторы **несут ответственность** за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение **2-х месяцев** со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна. Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.socis.isras.ru/>, <http://www.isras.ru/socis.html> через три месяца после выхода печатной версии.

Сообщаем, что для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН можно воспользоваться редакционно-издательским порталом ras.jes.su. См. подробнее: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39 или писать на электронный адрес редакции: socis@isras.ru

© 2022 г.

И.Ю. КИСЛЕНКО

О КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭПИСТЕМЕ И ДЕКОЛОНИАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ (К ДИСКУССИИ О КАНОНИЗАЦИИ У.Э.Б. ДЮБУА)

КИСЛЕНКО Иван Юрьевич – PhD по социологии, аффилированный научный сотрудник, Университет Джорджа Мэйсона, Фэрфакс, Вирджиния, США (ivan.kislenko@fulbrightmail.org).

Аннотация. Публикация выстраивается по нескольким линиям. Во-первых, раскрывается содержание понятия «колониальная эпистема» и сопутствующих терминов. Через работы Али Мехджи демонстрируется ключевое отличие деколониальной социологии от южной теории Рэйвин Коннелл. Представлены критические замечания к некоторым элементам деколониальной социологии в ее прочтении Мехджи. Во-вторых, рассматривается научный контекст дискуссии о деколониальном социологическом дискурсе в российских академических реалиях. В-третьих, раскрывается содержание процесса социологической канонизации У.Э.Б. Дюбуа (1868–1963) – афроамериканского социолога и общественного деятеля, борца с расовой дискриминацией и сегрегацией. Изучение этих вопросов помогает оценить перспективы проекта деколониальной социологии в контексте расхождения с парадигмой южной теории.

Ключевые слова: южная теория • деколониальная социология • колониальное различие • колониальная эпистема • Атлантская школа социологии

DOI: 10.31857/S013216250021240-7

Введение. Кто теперь читает Спенсера? Кто теперь читает Конта? Первым вопросом открывает свою работу Т. Парсонс, вторым, спустя семьдесят с лишним лет, – М. Буравой [Parsons, 1937; Burawoy, 2011]. Перефразируя классика: оба (Спенсер и Конт) «мертвы», но кто «убил» их? Руку к окончательному установлению этого факта приложил ряд исследователей, имеющих дело с такими направлениями социальной теории, как постколониальные исследования, деколонизация социологии и переформатирование канона, критика евроцентризма в социальных науках и в особенности «южная теория» [Meghji, 2021; Alatas, 2021; Boatcă & Costa, 2016; Steinmetz, 2017; Connell, 2007]. Последняя, в версии австралийского социолога Р. Коннелл, наносит удар по монолитным представлениям евро-американского мира и по формированию классического социологического канона.

Южная теория фокусируется на рассмотрении социологии за пределами северной перспективы. В какой мере оправдан такой подход, трудно утверждать однозначно. Тем не менее первый шаг сделан, и вопрос об адекватности видения социологии как европейского изобретения поднят. На заре XX в. этого еще не могло произойти, поскольку тогда социология была слишком молодой наукой, поэтому *International Congress of Arts and Sciences* в Сент-Луисе в 1904 г. проходил без установок на переформатирование канона, который существенно отличался от того, что мы имеем теперь. Тот международный форум собрал если не весь социологический бомонд, то существенную его часть. Основатель *Американского журнала социологии* и организатор конференции А. Смолл пригласил на нее ряд спикеров, среди которых оказались Л. Уорд, У. Томас, Ф. Гиддингс.

Эти имена занимали значимое место в американской социологии тех лет. Собрались наиболее видные американские социологи, а от Германии прибыли М. Вебер и Ф. Тённис. Не участвовал и не был приглашен У.Э.Б. Дьюбуа, несмотря на его достаточно широкую известность в США как социолога и исследователя проявлений социальной дискриминации. Это имя и поныне не входит в когорту всемирно известных социологов, по крайней мере, оно не попадает даже в топ-10 авторов, которых любой социолог назовет классиками при удобном случае.

Зачем вообще обсуждать факт приглашения/неприглашения кого-либо на научный форум? Факт игнорирования, исключения, отсутствия тех или иных ученых в повестке представительных конференций оказывается в логике глобальной социологии. Именно эти вопросы становятся ключевыми в дискуссиях по переформатированию канона. Социологическая повестка, которая позволит вспомнить о трудах Дьюбуа на рубеже XIX и XX вв., появится значительно позже его смерти. Дискуссии по осознанию евроцентричности и искусственности западного канона зазвучали в полную силу в 1980–1990-х гг. и стали важной частью глобальной социологии [Kislenko, 2021]. В ходе обсуждений одни требовали признать за глобальным Югом и южной теорией право принятия объяснительных моделей без референсов на западные образцы, другие требовали оставить в покое основателей дисциплины и классиков конца XX – начала XX в. и заняться делами настоящего.

Существенное место в современной социальной теории заняли проблемы глобального производства знания и вопросы того, как этот процесс происходил в прошлом. Российская социология также включилась в дискуссии о соотношении западных и собственных российских практик социологического теоретизирования [Кравченко, 2007; Кирдина, 2011; Романовский, 2007; Филиппов, 2008]. В начале 2010-х гг. особую популярность приобретает в этом ракурсе позиция П. Штомпки в его дебатах с М. Буравым.

Данная статья строится по нескольким сюжетным линиям. Вначале будет рассмотрено то, как деколониальные идеи в широком смысле воспринимаются и позиционируются на пространстве российских социологических дебатов. Другая необходимая для понимания происходящего линия связана с интерпретацией деколониальной социологии А. Мехджи. Предлагается проследить логику этого автора в разведении деколониальной и глобальной социологии, а также их размежевание с дискурсом южной теории. Для подобных целей раскрывается содержание понятия «колониальная эпистема». Будут высказаны критические замечания к некоторым элементам деколониальной социологии в прочтении Мехджи. Заключительный сюжет связан с процессом постепенной канонизации У.Э.Б. Дьюбуа в качестве классика – если не члена первой команды, то завсегдатая упоминаний о «скамейке запасных». Содержание социологической деятельности У.Э.Б. Дьюбуа будет раскрыто в объеме, который достаточен, чтобы понять, почему дискуссии вокруг этой персоналии вообще возникают. Будут рассмотрены также некоторые стратегии попыток его канонизации в социологии. Канон задает тон не только самим исследованиям и не только практике «ритуальных ссылок», но и обучает социологов в той самой северной логике, которую глобальный Север все активнее отрицает.

Миф о белом халате ученого в России. П. Бергер пишет: социология – не практика, а попытка понять [Бергер, 1996]. Однако сегодня чаще говорят скорее о практике, чем о попытке понять. М. Буравой заявляет, что социология – это боевое искусство [Burawoy, 2014], Р. Коннелл стремится к более равному распределению ресурсов в глобальном производстве социологического знания [Connell, 2007]. Мехджи призывает к деколонизации социологии [Meghji, 2021], а Бамбра и Гоу пересматривают постколониальное состояние дисциплины [Bhambra, 2014; Go, 2013]. Глаголы «заявляет», «стремится», «пересматривает» и особенно «призывает» очень близки проявлениям социального и политического активизма в научной деятельности. На первый взгляд это несовместимо, однако иногда активизм и наука требуют соседства, как полагают сегодня многие социологи. Более того, часто сама идея научного призвания напрямую требует социального активизма, вызывает

необходимость предпринять действия для устранения проблем в дисциплине: в первую очередь неравного распределения ресурсов в глобальном производстве знания.

Вопросы отношений северной и южной теории все чаще появляются в русскоязычной литературе. Первые шаги в этом направлении были сделаны довольно давно через различение туземной и провинциальной науки [Соколов, Титаев, 2013], через критику левого активизма в социологии [Покровский, 2011; 2019], а также благодаря ряду других работ [Радаев, 2013; Филиппов, 2008]. Коллеги из Центра институциональных исследований науки и образования ЕУ СПб опубликовали ряд статей, призванных расчертить поле социальных наук в России с точки зрения социологии [напр., Губа, Семенов, 2010; Соколов, 2009]. Некоторые усилия предприняты российскими социологами и на зарубежных площадках [Sorokin, 2016; Sokolov, 2019], с указанием минимальной презентации вопросов *race studies* в российских социальных науках [Yusupova, 2021], а также при осмыслении (пост)колониальности в целом [Тлостанова, 2012; 2020].

Деколониальные устремления в социологии, очевидно, вызывают споры. Парадоксально, но весьма репрезентативный срез таких идей можно найти в России, где активистская составляющая традиционно маргинализирована в науке. Критики стараются остаться в белом халате ученого, отрицая социально ориентированную повестку большей части западной социологии. Например, на круглом столе «Траектории эволюции мировой и отечественной теоретической социологии», проведенном летом 2021 г. в Москве, спектр рассматриваемых вопросов был самый разнообразный, но общий тон выступлений можно оценить как критический. Коллегам удалось собрать большое количество критических аргументов, проиллюстрировав теоретические позиции противников деколониальных позиций [Гофман и др., 2021].

Поскольку такие активистские практики уже находятся не просто в университетских стенах, по эту сторону баррикад, но и активно включены в исследования историко-социологического толка, их наличие больше не может быть рассмотрено отдельно как нечто ненаучное, что любят использовать критики в качестве аргумента. Подобная трансформация уже случилось с наукой; игнорировать ее – это отрицать реальность. Намного проще принять это как факт и рассмотреть некоторые нюансы таких процессов.

Это не единственный парадокс, который тут сокрыт. Обратимся к идее так называемой коренной социологии (*indigenous sociology*), по своей природе абсолютно антиимперской и антиколониальной. Высвободиться из-под академической зависимости от метрополии и установить свой собственный социологический театр действий, основанный на местных ценностях и правилах игры, мечтала до недавнего времени большая часть глобального Юга. В этом отношении Россия представляет интересный случай, который заслуживает отдельной статьи. Коротко обозначим парадокс.

Антиимперскость таких установок легко видна из бывших колоний, но что, если такая идея приходит из самой империи? Казалось бы, это противоречит самой сути идеи, но на деле легко можно игнорировать этот факт. Если отбросить контррегентные устремления, идея независимости дискурса от внешнего влияния все равно устоит.

При большом желании здесь можно увидеть такую же борьбу с доминирующим западным знанием и желание установить свою независимую повестку. В России попытки реализовать эту установку в довольно ограниченном формате и пространстве были предприняты в конце 2000 – начале 2010-х гг. [Добренчиков, 2011]. Также звучали призывы если не разработать такую программу, то уж точно обратиться к локальной повестке, а в идеале и возвести ее в ценностно-национальный абсолют [Кирдина, 2007; Кравченко, 2011; Романовский, 2007]. Теперь можно констатировать, что подобный дискурс будет набирать все больше популярности в будущем.

Успех этого предприятия как с научной, так и с институциональной точки зрения уже сейчас может быть оценен, но важнее то, что произошла та самая инкорпорация активистской составляющей через социологов, которые вряд ли согласятся признать право таких идей на существование. Более того, многие сторонники критики южной идеи

с большой охотой говорят о важности собственных локальных практик российской социологии, которую не сильно хотят признавать за рубежом. Парадокс заключается как раз в том, что южная социологическая перспектива стремится противодействовать доминированию одной модели объяснения и склоняется к контргегемонному знанию. Когда мы говорим о важности российской социологии, русского языка (или любого другого языка разнообразных этнических групп России) как языка научных публикаций или о зарегулированности публикационных практик в университетах в неолиберальной экономике – это то же самое, с чем имеет дело южная теория. Нас не должно смущать слово «южный», которое может ошибочно уводить нас в сторону географии, в то время как в южной теории Юг маркируют по установкам авторов и их аргументам [de Sousa Santos, 2015]; Юг идентифицируется как антиимперский, чем отрицается возможность его наличия в империи [ibid]. Парадокс по современным меркам совершенно уникальный. Это отличный пример того, что активистская повестка – не только участь западных университетов. Она способна к проникновению в более социологически консервативные круги, пусть в ограниченном виде и без должной ссылки на идею. Такой активизм проникает повсеместно, и игнорировать его роль в структуре знания – значит отказываться адекватно понимать то, что происходит в современной версии социологии.

Стоять в белом халате ученого и отрицать предполагаемую научность того, что уже и так проникло в науку, – это не то, что социолог должен стремиться делать. Можно рассмотреть эти вопросы не с точки зрения оппозиции научно/ненаучно, а с точки зрения исключительно научной: изучить, что происходит сейчас и что мы уже имеем. Конечно, следующий шаг будет связан с тем, чтобы такую повестку реализовать, но до этого момента мы можем опереться на те же основания, что используют критики таких идей, оставаясь формально в легальном научном поле.

Friendly fire по южной теории: колониальная эпистема. Али Мехджи в 2021 г. выпустил книгу *Decolonizing Sociology: An Introduction* [Meghji, 2021]. Можно было бы подумать, что это еще одна работа в русле критики северной социологии. Но она содержит неожиданный сюжетный твист: социология всегда была колониальной, а южная теория работает в той же северной логике, которую она желает критиковать. В полку парадоксов прибыло: критики используют раскритикованные ими ходы, сторонники критикуют друг друга. Мехджи определяет колониальную эпистему как «господствующие способы мышления и знания, которые порождали и воспроизводили колониальное различие <...>», как идею о том, что колонизированные по своей сути отличаются от западных колонизаторов [Meghji, 2021: 17]. Она же устанавливает то, что считается легитимным, а также правила и способы производства знания. Здесь появляются два понятия: колониальность и колониализм. Что они обозначают? «Колониализм – исторический феномен, тогда как колониальность является долговременным результатом, в котором мы существуем и по сей день» [Глостанова, 2020]. «Не существует современности без колониальности, так как она и конституирует современность» – они суть две стороны одной медали [Mignolo, 2012: 13]. С приходом колониализма, «начавшимся в шестнадцатом веке, мир, который был онтологически и темпорально разделен и иерархически организован, стал эпистемически оформлен в то, что Анибал Кихано [2007] называет колониальной матрицей власти», которая работает на воспроизводство колониальных различий, поддерживает асимметричные отношения власти между глобальным Севером и глобальным Югом [Meghji, 2021: 19].

В отношении деколониальной социологии Мехджи пишет, что она точно не является глобальной социологией и социологией расы. Это надо разъяснить, поскольку существует мнение, что при некотором допущении деколониальная социология все же является частью той и другой. Мехджи сводит глобальную социологию к простому смещению внимания с социологического глобального Севера на глобальный Юг. Он утверждает, что классики уже были глобальными социологами и что, если Дюркгейм изучал коренные народы Австралии, а Маркс и Вебер для понимания европейского капитализма изучали

религиозные и экономические структуры не только Запада, но и Востока, это вовсе не значит, что они деколониальные авторы.

Тем не менее глобальная социология не ограничивается а) простым привлечением внимания к глобальному Югу, б) подобным вниманием к глобальному Югу со стороны классиков и не значит, что они были глобальными социологами, в) презентацией глобальной социологии с абсолютной фиксацией на классике и имеет г) широкую традицию в социологической литературе, которую неверно сводит лишь к упомянутым выше вопросам. Глобальная социология имеет дело с заявленными Мехджи проблемами, но охватывает значительно более широкий пласт вопросов, чем им описано.

Относительно современный дискурс деколониальной социологии слился с дискурсом глобальной социологии. Хорошим примером их объединения стал М. Буравой. Изначально он работал с собственным проектом глобальной социологии, которая не просто привлекала внимание к социологиям глобального Юга, но и предполагала конкретную весьма утопичную программу действий по нивелированию неравного участия социологов разных стран в социологических структурах [Кисленко, 2019]. Отчасти признав, что проект глобальной социологии в его исполнении провалился, он переходит в русло деколониальной социологии, берущей начало от работ Р. Коннелл. Новейший дискурс обходится без проектов Буравой, но не может обойтись без деколониальной социологии. Сам Буравой, признавая провал своего проекта, остался в поле глобальной социологии, перейдя в ее второе измерение. Забегая вперед, отмечу, что Мехджи отказывается принимать южную теорию Р. Коннелл как деколониальный проект. Видимо поэтому деколониальной социологии, отмежеванной от южной теории в версии автора, было отказано быть в составе глобальной социологии.

Более точной репрезентацией проблемы представляется вторая часть аргументации Мехджи – социология расы. Говоря о том, что современная *critical race theory* имеет мало прямого отношения к истории колониализма и к самому понятию колониальности, Мехджи замечает: расовые отношения в современной версии не сводятся к ключевой характеристике последнего термина – колониальной матрицы власти. В рассуждении о классиках социологии расы он отсылает читателя к Дюбуа как к тому автору, который, будучи встроенным в академические круги глобального Севера, сумел привлечь внимание к проблемам, игнорируемым современниками. Ревизия социологического наследия Дюбуа, а также дебаты о необходимости включения его в социологический канон сейчас занимают существенное место в научной литературе. Мехджи справедливо замечает: несмотря на то, что может существовать деколониальная социология расы, это вовсе не значит, что она будет частью деколониальной социологии.

Мехджи пишет, что если социология развивалась в колониальном мире, то ничего другого, кроме воспроизводства колониального различия, из этого не могло получиться в XIX–XX вв. Вместо того, чтобы предполагать, что социология стала колониальной, следует считать, что она всегда была колониальной. Здесь закрадывается тот самый парадокс южной теории и деколонизации социологии. Мехджи замечает, что даже критика евроцентризма со стороны южной теории воспроизводит логику колониальной эпистемы. Здесь «южане» пытаются противостоять гегемонным устремлениям одной стороны дискуссии, замещая один порядок другим и не выходя за границы этой парадигмы. Тем не менее можно придерживаться более умеренной позиции, где южная теория борется лишь за признание права на свое существование [Кисленко, 2022].

Мехджи идет значительно дальше. Он предлагает отвергнуть саму идею противоборства внутри колониальной эпистемы. Это более серьезный заход, чем у Р. Коннелл и схожих по взглядам теоретиков. Деколониальная социология стремится выйти за пределы колониальной матрицы власти и предлагает попытаться не заниматься борьбой за место под социологическим солнцем, а пересмотреть то, что мы вообще называем социологией. Это значительно более радикальная постановка вопроса, чем предлагается в южной теории.

Социологическое наследие У.Э.Б. Дюбуа и попытки канонизации. Деколониальные дебаты в социальной теории в последнее время усиливаются, хотя нельзя сказать, что раньше эти вопросы не поднимались. Поскольку деколониальный дискурс является относительно новым, своей мифологии в нем еще не сложилось. Можно сказать, что классиком применительно конкретно к социологии здесь может считаться разве что Коннелл. В (пост)колониальных исследованиях самих по себе классиками можно считать Ф. Фанона, Г. Спивака, Х. Баба, У. Родни и т.д. Их идеи стягиваются в социологию в разных контекстах. Здесь следует остерегаться лишней необязательной отсылки к постколониальности: «мы отказываемся от приставки “пост” не только потому, что колониализм жив, как прежде, но и потому, что приставка “пост” ограничивает нас рамками векторной линейной истории» [Тлостанова, 2020]. Действительно, это ровно тот же аргумент, что использует Мехджи: переформатировать текущее положение дел, используя существующие правила игры, не то, к чему стремится деколониальная социология. Она, как уже было замечено, пытается выйти за пределы этой логики.

Тем не менее собственной мифологии деколониальной социологической перспективы пока не существует. Более того, поскольку она претендует на трансформацию дисциплины и выход за пределы колониальной эпистемы, складывается ситуация, при которой условный канон деколониальной социологии пытается вторгнуться в классический канон. Ярким примером этого является случай У.Э.Б. Дюбуа. При жизни он, очевидно, не считался классиком, хотя сегодня вполне мог бы вписаться в парадигму *Participatory Action Research* как социолог-активист. Вопросы, затронутые Дюбуа, если еще не считаются классическими для социологии в полной мере, то для проблем *race studies* и *critical race theory* в текущей социально-активистской повестке точно приобретают все больше популярности и близки к подобному статусу.

Дюбуа во времена максимума своей научной и общественно-политической активности работал в Атланте и был одним из основателей Ниагарского движения, ставившего целью борьбу за права темнокожего населения. В начале научно-активистского пути он идеологически противостоял так называемому компромиссу Атланты (*Atlanta Compromise*), предполагавшему отказ от стремления темнокожего населения к большему равенству (по некоторым гражданским правам с расширением доступа к высшему образованию) в обмен на возможность небольших улучшений экономического состояния: «самые мудрые представители моей расы понимают, что возбуждение (*agitation*) вопросов социального равенства есть крайняя глупость» (цитата Б. Вашингтона по: [Harlan, 1974: 586]). В наиболее известной книге Дюбуа *The Soul of Black Folk* одна из глав посвящена критике компромисса Атланты, где он выступает с негативной оценкой предложенных Букером Вашингтоном идей. Дюбуа был первым афроамериканцем, получившим докторскую степень в Гарвардском университете, и в вопросах борьбы за права темнокожего населения в США занимал позицию, в итоге оказавшую влияние на его последующие труды.

В этой книге Дюбуа представлено одно из важных понятий исследований расовых вопросов – «двойное сознание» (*double consciousness*). Оно предполагает, что темнокожие люди под гнетом расистских тенденций американского общества того времени вырабатывали один паттерн взаимодействия внутри афроамериканского сообщества и другой – в окружении белых людей [Du Bois, 2015].

Несмотря на относительно скромный вклад в развитие социологии как науки – по крайней мере, в сравнении с именитыми участниками конференции в Сент-Луисе в 1904 г., фигура Дюбуа часто появляется сегодня в дискуссиях о переформатировании канона. Нюанс, связанный со слабым влиянием Дюбуа на социологию того времени, объясняется довольно просто: он не был должным образом встроен в социологические структуры, в том числе из-за своего происхождения. Чаще всего имя Дюбуа соседствует со словами «забытый», «исключенный», «стертый», «лишенный права доступа» [Itzigsohn, Brown, 2020; Morris, 2017].

Первые попытки изучения социологического наследия Дьюба предпринимались еще в 1970-х [Blackwell, Janowitz, 1974]. В последнее время канонизировать Дьюба берется сразу несколько влиятельных авторов. Говоря о «влиятельных», следует иметь в виду не только авторитетных ученых, но и тех, кто хорошо вписывается в текущую версию конфигурации власти и глобального производства знания. В последнее время такую повестку актуализирует М. Буравой (бывший президент МСА и АСА), который опубликовал ряд работ по этой теме [Burawoy, 2021a, b]. Действующий президент АСА Алдон Моррис опубликовал книгу *The Scholar Denied* [Morris, 2017], во многом оказавшую влияние на данный дискурс в американской социологии. В своем президентском обращении он акцентирует внимание на особом дьюбазианском языке и его роли в социологии [Morris, 2022].

Чаще всего упоминается аргумент, что расовая конфигурация американского общества того времени не позволяла Дьюба занять место в пантеоне отцов-основателей американской социологии. Несмотря на обучение в Германии и докторскую степень Гарварда, ни один «белый» университет не хотел его принимать [Burawoy, 2021a]. Это в итоге привело к основанию Атлантской школы социологии (точнее – *Atlanta sociological laboratory*). Дьюба предвосхитил некоторые классические результаты Чикагской школы, приложив усилия по изучению городской и сельской жизни темнокожего населения США [ibid].

Буравой обосновывает точку зрения, что идеи Дьюба вписаны в социологический контекст того времени, и указывает на некоторое наследование Дьюба идеям Дюркгейма, Вебера и Маркса, что в концепции А. Мехджи не преодолевает критерий воспроизводства знания, в рамках колониальной эпистемы, воспроизводящей колониальные различия. Деколонизация Буравой работает в логике южной теории и глобальной социологии. Здесь проходит очередной разрыв между влиятельным дискурсом глобального Юга и все еще слабо артикулированным осмыслением колониальной эпистемы. Буравой предлагает форматировать канон через диалог между работами Дьюба и социологической классики. Противостоя некоторым устремлениям по помещению в канон одинокой фигуры Дьюба [Itzigsohn, Brown, 2020], он выступает с защитой социологического прошлого и призывом помнить об отцах-основателях, отмечая, что они продукт своего времени. Повторю: это слабо укладывается в логику деколониальной социологии Мехджи.

Более подходящий для такого контекста анализ представляет А. Моррис. Его книга вносит серьезный вклад в канонизацию Дьюба, в том числе в ущерб Чикагской школе [Morris, 2017]. Он утверждает, что имел место политический сговор Букера Вашингтона с Робертом Парком с целью замалчивания идей рассматриваемого автора. Обвинение вытекает не просто из обстоятельств совместной работы Вашингтона и Парка в Университете Таскиги, но и подкрепляется тем фактом, что Вашингтон находился в прямом идеологическом конфликте с Дьюба. Первый был лидером мнений среди темнокожего населения и держался компромисса Атланты, второй требовал полных прав для афроамериканцев. Основание Ниагарского движения было воспринято Вашингтоном как атака на его позиции. Вашингтон и Парк, по заверению Морриса, приложили немало стараний к дискредитации идей Дьюба через заявления, публикации и газетные колонки. Вопрос о том, насколько это можно оценить как замалчивание, оставим открытым.

Канонизация Дьюба проходит не только путем подобных разоблачений, но и через компенсацию его статуса в прошлом. Известно, что Дьюба бывал в Германии и знал Вебера. Об их отношениях в основном говорилось в терминах известного социолога и его менее известного коллеги. Моррис пытается представить их практически равновеликими фигурами и даже представить доказательства влияния Дьюба на Вебера.

Взгляд Морриса на классика американской социологии сводится до интересного умозаключения о ключевом влиянии на формирование социологической науки двух авторов афроамериканского происхождения – У. Дьюба и Б. Вашингтона. Имеется в виду, что первый оказал влияние на социологию своими исследованиями, а второй повлиял на нее через некие подковерные игры. По большому счету идет противопоставление деятельности Чикагской школы школе в Атланте. В этом традиционном для темнокожих жителей

США учебном заведении того времени Дюбуа получил позицию профессора. Он работал там 13 лет, начиная с 1897 г. – лишь немногим после формального основания Чикагской школы. Интересно, что обычно в американской социологии первое поколение темнокожих социологов локализуется в Чикаго (Чарльз Джонсон, Оливер Кокс, Франклин Фрэзьер) [Morris, 2017]. Моррис доказывает через различные источники, что таким поколением может считаться ряд социологов, связанных с Дюбуа (Монро Уорк, Ричард Райт-младший, Джордж Эдмунд Хэйнс) [ibid]. Исследования атлантской школой расовых проблем и доказательства отсутствия превосходства белого населения над темнокожим ставили под сомнение расистскую картину мира американского общества того времени.

Заключение. Левый марш социологии на фоне Ниагарского водопада¹. Канонизация Дюбуа – процесс, начавшийся относительно недавно, укладывающийся в социологические тенденции последних лет. Главным движущим фактором здесь являются две национальные социологические школы: британская и американская. Они имеют очевидно общую черту: необходимость иметь дело с проблемами расовой сегрегации и колониального прошлого. На пересечении этих вопросов возникают проблемы социальной справедливости и социального неравенства, которые были спровоцированы прошлой политикой обеих стран и до сих пор занимают социологов ревизией прошлого и попыток его интерпретации в рамках текущего момента. «Левый марш социологии на фоне Ниагарского водопада» особенно заметен именно там [Покровский, 2019]. Иронично, что подобное выражение может иметь второе значение, кроме очевидной отсылки к месту проведения конгресса МСА 2018 г. в Торонто.

Дюбуа – один из основателей Ниагарского движения как движения за гражданские права темнокожего населения в США. Левый марш социологии на фоне Ниагарского водопада – это идеальное описание того, что сейчас происходит в дисциплине. Разница в том, что Ниагарский водопад – это не место, а конкретная, весьма удачная метафора социологического движения за равные права. Этот топоним отражает отсылку и к Дюбуа, и к Ниагарскому движению, и ко всем расово-колониальным проблемам социологии, которые сейчас проявляются в самых разных вариантах.

Вопросы деколонизации, развития южной теории и критики социального активизма в пространстве российской социологии все еще достаточно маргинальны. Проблемы изучения в области *race studies* также слабо представлены и часто рассматриваются как нерелевантные [Yusupova, 2021]. Некоторые устремления со стороны критиков такого дискурса по использованию схожих операций можно наблюдать на страницах российских журналов и в выступлениях коллег. Отрицать наличие такого дискурса или маркировать его как ненаучный, недостойный внимания, значит игнорировать целый пласт работ и дискуссий, которые занимают социологов по всему миру, не только на глобальном Юге.

При этом сами сторонники южных идей далеки от консолидированной позиции, позволяющей выступить единым контргегемонным фронтом. Южная теория долгое время представлялась доминирующей и играющей ключевую роль в атаке на монополию северной социологии. Именно она выступает отправной точкой в такой дискуссии. Можно сказать, что подобный дискурс дает о себе знать начиная с конгрессов МСА 1982 и 1986 гг.

Р. Коннелл приложила огромные усилия по оформлению южной программы и объяснению того, как сформировалась доминирующее положение северной социологии [Connell, 2007]. Тем не менее А. Мехджи выступает с критикой идеи южной теории. В его концепции она воспроизводит те же колониальные различия, что и социологи прошлых эпох. Более того, она работает в той же логике, что и ее критики. Мехджи работает с понятием колониальной эпистемы и обосновывает перспективу необходимости ее преодоления [Meghji, 2021].

В этой связи важен дискурс переформатирования классики. Здесь чаще других в последнее время встречается имя У.Э.Б. Дюбуа. Именно он и его деятельность – центр внимания влиятельных социологов сегодня. Его фигура отвечает всем необходимым тенденциям евроамериканской социологии, ставящей расово-колониальную перспективу во главу угла.

¹ Это удачное выражение заимствовано из статьи Н.Е. Покровского [Покровский, 2019].

Рис. Участники первой конференции Ниагарского движения в Форт Эри, Онтарио, Канада.
У.Э.Б. Дюбуа – во втором ряду, второй справа (Источник: Библиотека конгресса США:
<https://www.loc.gov/pictures/item/2014645233/>)

Активистская составляющая, научное внимание к проблеме расовых отношений, исключение/невключение в/из классического набора авторов – все эти факторы делают Дюбуа идеальной фигурой для продвижения соответствующих идей социальной справедливости среди социологов.

В 1905 г. участники первой конференции Ниагарского движения отправились на экскурсию к Ниагарскому водопаду, чтобы сделать знаменитое фото (рис.). 113 лет спустя участники конгресса Международной социологической ассоциации будут искать возможность отправиться на экскурсию туда же [Покровский, 2019]. Символично то, что объединяет эти два события У.Э.Б. Дюбуа и пришедшее в социологическую науку желание переформатировать канон в контексте повсеместных деколониальных устремлений отдельных авторов и организаций. Сегодня мы действительно наблюдаем левый марш социологии на фоне Ниагарского водопада. Вопрос в том, какой смысл мы вкладываем в это выражение и как оцениваем подобные устремления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бергер П. Приглашение в социологию. М.: Аспект Пресс, 1996.
Губа К.С., Семенов А.В. В центре внимания или в центрах внимания? Анализ системы авторитетов локального академического сообщества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 13(3). С. 133–154.

- Добренев В.И. Ценностно-ориентированная социология. Проблемное поле постнеклассической методологии. М.: Альма-Матер, 2011.
- Кисленко И.Ю. Южная теория: существует ли социология за пределами западного канона? Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 1. С. 226–244.
- Кисленко И.Ю. Социологический анализ институционального аспекта глобальной социологии Майкла Бураво // Социологическое обозрение. 2019. 18(3). С. 172–194.
- Кирдина С.Г. Интеллектуальный шанс России // Социологические исследования. 2011. № 1. С. 5–10.
- Кравченко С.А. Куда идет развитие мировой социологии // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 6–12.
- Покровский Н.Е. Левый марш международной социологии на фоне Ниагарского водопада // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 9–15.
- Покровский Н.Е. «Пациент отказался от госпитализации», или В защиту социологии // Социологический ежегодник. 2011. С. 45–47.
- Радаев В.В. Российская социология в поисках своей идентичности // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 3–17.
- Романовский Н.В. О современном этапе развития социологии // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 22–31.
- Гофман А.Б., Залуниин В.И., Кирдина-Чэндлер С.Г., Козловский В.В., Николаева У.Г., Овсянников А.А., Покровский Н.Е., Романовский Н.В., Титаренко Л.Г., Тощенко Ж.Т., Шилова В.А., Щербина В.В. О мировой и отечественной теоретической социологии (круглый стол) // Социологические исследования. 2021. № 9. С. 3–15.
- Соколов М.М. Российские социологи на международном и национальном рынке идей (наукометрический анализ) // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 144–152.
- Соколов М.М., Титаев К.Д. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239–275.
- Тлостанова М.В. Постколониальный удел и деколониальный выбор: постсоциалистическая медиация // Новое литературное обозрение. 2020. № 1. С. 66–84.
- Тлостанова М.В. Постколониальная теория, деколониальный выбор и освобождение эстетизма // Человек и культура. 2012. № 1. С. 1–64.
- Филиппов А.Ф. О понятии теоретической социологии // Социологическое обозрение. 2008. № 7(3). С. 75–114.
- Alatas S.F. Deparochialising the Canon: The Case of Sociological Theory // Journal of Historical Sociology. 2021. Vol. 34. No.1. P. 13–27.
- Bhambra G.K. Connected sociologies. London: Bloomsbury Publishing, 2014.
- Blackwell J.E., Janowitz M. (eds) Black sociologists: Historical and contemporary perspectives. University of Chicago Press, 1974.
- Boatcă M., Costa S. Postcolonial sociology: A research agenda. In: Decolonizing European Sociology. London: Routledge, 2016. P. 27–46.
- Burawoy M. Decolonizing sociology: the significance of W.E.B. Du Bois // Critical Sociology. 2021. Vol. 47. No. 4–5. P. 545–554.
- Burawoy M. Introduction: Sociology as a combat sport // Current Sociology. 2014. Vol. 62. No. 2. P. 140–155.
- Burawoy M. The Last Positivist // Contemporary Sociology. 2011. Vol. 40. No. 4. P. 396–404.
- Burawoy M. Why is classical theory classical? Theorizing the canon and canonizing Du Bois // Journal of Classical Sociology. 2021. Vol. 21. No. 3–4. P. 245–259.
- Connell R. Southern theory: The global dynamics of knowledge in social science. Crow's Nest: Allen & Unwin, 2007.
- Du Bois W.E.B. The souls of black folk. New Haven: Yale University Press, 2015.
- de Sousa Santos B. Epistemologies of the South: Justice against epistemicide. Routledge, 2015.
- Go J. For a postcolonial sociology // Theory and Society. 2013. Vol. 42. No. 1. P. 25–55.
- Harlan L. (ed.) The Booker T. Washington Papers. Vol. 3. Urbana: University of Illinois Press, 1974. P. 583–587.
- Itzigsohn J., Brown K. Sociology of WEB Du Bois. The New York University Press, 2020.
- Kislenko I. Debates on Global Sociology: 'Unity and Diversity' of Interpretations // The American Sociologist. 2021. 52(3). P. 579–590.
- Meghji A. Decolonizing Sociology: An Introduction. N.Y.: John Wiley&Sons, 2021.
- Mignolo W.D. Local histories/global designs. Princeton: Princeton University Press, 2012.
- Morris A. The scholar denied: WEB Du Bois and the birth of modern sociology. University of California Press, 2017.

- Morris A. Alternative View of Modernity: The Subaltern Speaks // *American Sociological Review*. 2022. Vol. 2. Iss. 1. P. 1–16.
- Quijano A. Coloniality and modernity/rationality // *Cultural studies*. 2007. Vol. 21. No. 2–3. P. 168–178.
- Parsons T. *The Structure of Social Action*. N.Y., L.: McGraw Hill, 1937.
- Sokolov M. The sources of academic localism and globalism in Russian sociology: The choice of professional ideologies and occupational niches among social scientists // *Current Sociology*. 2019. Vol. 67. No. 6. P. 818–837.
- Sorokin P. 'Global sociology' in different disciplinary practices: Current conditions, problems and perspectives // *Current Sociology*. 2016. Vol. 64. No. 1. P. 41–59.
- Steinmetz G. Sociology and colonialism in the British and French empires, 1945–1965 // *The Journal of Modern History*. 2017. Vol. 89. No. 3. P. 601–648.
- Yusupova M. The Invisibility of Race in Sociological Research on Contemporary Russia: A Decolonial Intervention // *Slavic Review*. 2021. 80(2). 224–233.

Статья поступила: 11.05.22. Принята к публикации: 21.06.22.

ON COLONIAL EPISTEME AND DECOLONIAL SOCIOLOGY (DISCUSSING THE CANONIZATION OF W.E.B. DU BOIS)

KISLENKO I.Y.*

*George Mason University, Fairfax, Virginia, USA

Ivan Y. KISLENKO, PhD in Sociology, Affiliate Research Fellow, George Mason University, Fairfax, Virginia, USA (ivan.kislenko@fulbrightmail.org).

Abstract. The article discusses issues related to decolonial sociology based on the discussion on the sociological canonization of W.E.B. Du Bois. First of all, this paper deals with an explanation of the concept of the colonial episteme as well as with several other relevant ideas presented in the work of Ali Meghji. It also defines the key difference between decolonial sociology and Raewyn Connell's southern theory. Critical remarks are offered on some elements of decolonial sociology in the version of Meghji. Second, the paper provides a brief description of scholarly discussions on such a topic in Russian academia. Third, this article assesses the attempts of the canonization of W.E.B. Du Bois in sociology. All these issues help to consider the prospects of decolonial sociology and its contradictions with the southern theory.

Keywords: southern theory, decolonial sociology, colonial difference, colonial episteme, Atlanta school of sociology.

REFERENCES

- Alatas S.F. (2021) Deparochialising the Canon: The Case of Sociological Theory. *Journal of Historical Sociology*. 34(1): 13–27.
- Berger P. (1996) *An invitation to sociology*. Moscow: Aspect Press.
- Bhambra G.K. (2014) *Connected Sociologies*. London: Bloomsbury Publishing.
- Blackwell J.E., Janowitz M. (eds) (1974) *Black sociologists: Historical and contemporary perspectives*. University of Chicago Press.
- Boatcă M., Costa S. (2016) Postcolonial sociology: A research agenda. In: *Decolonizing European Sociology*. London: Routledge: 27–46.
- Burawoy M. (2021a) Decolonizing sociology: the significance of W.E.B. Du Bois. *Critical Sociology*. 47(4–5): 545–554.
- Burawoy M. (2014) Introduction: Sociology as a Combat Sport. *Current Sociology*. 62(2): 140–155.
- Burawoy M. (2011) The Last Positivist. *Contemporary Sociology*. 40(4): 396–404.
- Burawoy M. (2021b) Why is classical theory classical? Theorizing the canon and canonizing Du Bois. *Journal of Classical Sociology*. 21(3–4): 245–259.
- Connell R. (2007) *Southern theory: The global dynamics of knowledge in social science*. Crows Nest: Allen & Unwin.
- Dobren'kov V.I. (2011) *Value-Oriented Sociology. Problem field of post-non-classical methodology*. Moscow: Alma Mater.

- Du Bois W.E.B. (2015) *The souls of black folk*. Yale University Press.
- de Sousa Santos B. (2015) *Epistemologies of the South: Justice against epistemicide*. Routledge.
- Filippov A.F. (2008) On the concept of theoretical sociology. *Russian Sociological Review*. No. 7(3): 75–114.
- Go J. (2013) For a postcolonial sociology. *Theory and Society*. No. 42(1): 25–55.
- Guba K.S., Semenov A.V. (2010) In the spotlight or in the spotlights? Analysis of the authority system of the local academic community. *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. No. 13(3): 133–154. (In Russ.)
- Harlan L. (ed.) (1974) *The Booker T. Washington Papers*. Vol. 3. Urbana: University of Illinois Press: 583–587.
- Itzigsohn J., Brown K. (2020) *The Sociology of W.E.B. Du Bois*. New York: New York University Press.
- Kirdina S.G. (2011) Russia's Intellectual Chance. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 5–10. (In Russ.)
- Kislenko I. (2019) A Sociological Analysis of the Institutional Aspect of the Global Sociology of M. Burawoy. *Russian Sociological Review*. Vol. 18, No. 3: 172–194. (In Russ.)
- Kislenko I. (2021) Debates on Global Sociology: 'Unity and Diversity' of Interpretations. *The American Sociologist*. 52(3): 579–590.
- Kislenko I. (2022) Southern Theory: Does Sociology Exist Outside the Western Canon? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1: 226–244. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2007) Where is the development of world sociology going? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 6–12. (In Russ.)
- Meghji A. (2021) *Decolonizing Sociology: An Introduction*. New York: John Wiley & Sons.
- Mignolo W.D. (2012) *Local histories/global designs*. London: Princeton University Press.
- Morris A. (2017) *The scholar denied: WEB Du Bois and the birth of modern sociology*. University of California Press.
- Morris A. (2022) Alternative View of Modernity: The Subaltern Speaks. *American Sociological Review*. Vol. 2. Iss. 1: 1–16.
- Parsons T. (1937) *The Structure of Social Action*. New York, London: McGraw Hill.
- Pokrovsky N.E. (2011) "The patient refused hospitalization", or in defense of sociology. *Sotsiologicheskii Ezhegodnik* [Sociological Yearbook]: 45–47. (In Russ.)
- Pokrovsky N.E. (2019) Against the Backdrop of Niagara Falls, International Sociology Marches Left. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 9–15. (In Russ.)
- Quijano A. (2007) Coloniality and modernity/rationality. *Cultural Studies*. Vol. 21. No. 2–3: 168–178.
- Radaev V.V. (2013) Russian sociology in search of its identity. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 3–17. (In Russ.)
- Romanovsky N.V. (2007) On the present stage of development of sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 22–31. (In Russ.)
- Gofman A. et al. (2021) Theoretical Sociology Abroad and in Russia Today: a 'Round Table' *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 3–15. (In Russ.)
- Sokolov M. (2019) The sources of academic localism and globalism in Russian sociology: The choice of professional ideologies and occupational niches among social scientists. *Current Sociology*. No. 67(6): 818–837.
- Sokolov M.M. (2009) Russian sociologists in the international and national market of ideas (scientometric analysis). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 144–152. (In Russ.)
- Sokolov M.M., Titaev K.D. (2013) Provincial and native science. *Antropologicheskii Forum* [Anthropological Forum]. No. 19: 239–275. (In Russ.)
- Sorokin P. (2016) 'Global sociology' in different disciplinary practices: Current conditions, problems and perspectives. *Current Sociology*. No. 64(1): 41–59.
- Steinmetz G. (2017) Sociology and colonialism in the British and French empires, 1945–1965. *The Journal of Modern History*. No. 89(3): 601–648.
- Tlostanova M.V. (2020) Postcolonial Destiny and Decolonial Choice: Postsocialist Mediation. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literature Review]. No. 1: 66–84. (In Russ.)
- Tlostanova M.V. (2012) Postcolonial theory, decolonial choice, and the emancipation of aesthetics. *Chelovek i Kultura* [Human and Culture]. No. 1: 1–64. (In Russ.)
- Yusupova M. (2021) The Invisibility of Race in Sociological Research on Contemporary Russia: A Decolonial Intervention. *Slavic Review*. Vol. 80. No. 2: 224–233.

Received: 11.05.22. Accepted: 21.06.22.

От редакции. Предлагаемая статья написана более 10 лет назад. Она расширяет сложившиеся представления об истории социологической мысли. Автор размышляет о причинах отхода социологов от дискуссий вокруг концептуализации «социального» как предмета социологии и их выхода на публичную социологию. Приводится оценка наследия русских социальных мыслителей и социологов М.А. Бакунина, П.А. Кропоткина, П.А. Сорокина. Интересны подробности развития социологии США, не отраженные в работах отечественных ученых. Актуален подход автора к проблемам социологической теории.

© 2022 г.

С. ТЕРНЕР

ДЕИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИЯ АМЕРИКАНСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: ПОПЫТКА ИСТОРИИ

ТЕРНЕР Стивен П. – профессор-исследователь университета Южная Флорида, США (turner@usf.edu).

Аннотация. Когда-то социологи обсуждали «социальное» как феномен общественной жизни и знакомили массового читателя с этим широким кругом вопросов. Даже в годы Второй мировой войны социологи привлекали широкую общественность к проблемам природы общества, к дискуссиям об альтруизме и о направлении социальной эволюции. Однако в результате ряда волн профессионализации социологической деятельности эти вопросы исчезли из тематики академической социологии и из популярных работ социологов. Начиная с 1960-х гг. социологи предлагают публике иное: поддерживать общественные движения. Споры в социологии отныне сдерживаются «профессиональными» ожиданиями и политическими табу. Но прежние заботы социологов и их читателей, такие как совместимость социализма и дарвинизма, природа общества, процесс социальной эволюции, не перестали интересовать людей. И если социологи этот спрос не удовлетворяли, то это делали не-социологи, в результате социология, в отличие от групп поддержки, теряла и читателя, и свои претензии на освоение этих проблемных полей.

Ключевые слова: социология в США • Буравой • французская социология • Международный институт социологии (МИС) • публичная социология • релевантность социологии • Р. Вормс

DOI: 10.31857/S013216250020590-2

Социологи часто обвиняют друг друга в «отсутствии концепции социального». Основа этого обвинения в том, что существование социологии как науки зависит от концепции её предмета, а именно от «социального». Это священная мысль учебников социологии. Но восходит она, пусть отдаленно и косвенно, к неокантианским представлениям о научном познании. Для неокантианцев всякая «наука» – концептуальный домен, учреждаемый её и только её организующим концептом. Главным проводником этой идеи был Г. Зиммель [1964 (1908): 1–25, особ. 25; Lask, 1950], это перекликается с приводимым М. Вебером определением социологии как науки о социальном действии. Эту же мысль повторял Э. Дюркгейм как приверженец подхода к философии науки, заимствованного у Э. Бутру [Boutroux, 1914: 18], полагавшего, что у каждой науки есть отдельный специальный предмет. Парсонс также пытался обособить социологию, аргументируя это тем, что у нее свой сущностный элемент объяснения действий людей, ни одной другой социальной наукой не используемый, – элемент нормативный: по определению – «действие» [Parsons, 1968 (1937): 76–77; 1979/1980; Wearne, 1989: 93]. Сам Парсонс признал неокантианский источник своего видения методологии [1979/80: 6–8].

S.P. Turner. De-Intellectualizing American Sociology. A history, of sorts. Впервые опубликовано в: *Journal of Sociology (Australia)*. 2012. Vol. 48. Iss. 4: 346–363. DOI: 10.1177/1440783312458226. Публикуется с согласия автора.

Но почему сегодня мы должны всему этому уделять время или считать важной саму идею «социального»? Думать так можно, лишь предполагая, что «социальное» являлось организующим концептом, утратившим релевантность: таков тезис ряда авторов, утверждающих, что сейчас «медиа» – главное средство интеракции людей [Gane, 2004]. Считать так можно, полагая, что есть особое интеллектуальное преимущество в опоре на некий концепт социального, например такой, как исключение или критика определенного набора теоретических альтернатив. Или считать, что есть и некие выводы – этические или политические, – к которым можно прийти, лишь приняв определенный концепт социального.

Дж. Уикхэм (в этом номере журнала¹) озабочен иным, но сходным обстоятельством. Когда социологи перестали спорить о социальном или об объекте своих исследований, а такие споры велись с XIX в. до славных дней социологии 1960-х гг., они потеряли свою прежде более широкую аудиторию. Уикхэм предлагает всесторонне обсудить эту мысль. Вот некоторые возможные уточнения: широкая аудитория социологии никогда не была очень впечатляющей, по-моему, сейчас дела поправились – социологи выступают как профессиональные эксперты, особенно обращаясь к социальным движениям и участвуя в них – например к таким, как феминизм, у которого своя готовая аудитория. Такова суть выступления М. Буравого с проповедью публичной социологии. Социологи – «органические интеллектуалы» – мысль Антонио Грамши [2001 (1929–33): 1136, 1138, 1141] – или домашние эксперты – могут влиять на публичные настроения гораздо лучше, чем свободные от ценностей, нейтральные «эксперты», лишенные заинтересованной аудитории и единомышленников [Burawoy, 2005; Turner, 2007a].

Но в словах Уикхэма есть доля истины. Поддержка и интерес, добытые социологией 1950-х гг., когда бестселлером была книга Д. Рисмена «Одинокая толпа», были связаны с ее интеллектуальным содержанием, не с близостью к социальным движениям. Чтение книг самых влиятельных «публичных социологов» сегодня целиком связано с этой близостью. Труды коллеги Буравого А. Хохшильд, такие как «Управляемое сердце» (1983) и «Вторая смена» [Hochschild, Machung, 1989], как раз и связаны с феминизмом, который стал примером торжества идеи публичной социологии Буравого.

Во времена Рисмена такого не было: социологи претендовали на универсальность. Выходили мощные тексты в защиту конкретных социальных перемен, такие как книга Г. Мюрдала «Одна американская дилемма: негритянский вопрос и современная демократия» (1962 [1944]). В этой книге обширное методологическое приложение, всеми средствами делалась попытка добиться объективности – как минимум, непредвзятости. Мюрдала выбрали руководить проектом именно потому, что как швед он не был ни южанином, ни северянином, ни афроамериканцем, т.е. не подпадал под обвинение в предвзятости, неизбежное при любой из этих идентичностей.

У книги Рисмена специфическое идеологическое содержание: атака на американский индивидуализм. Эту атаку в США ассоциировали с социологией с момента ее появления. Но она не писалась и не читалась как акция в поддержку некоего движения. Труды Хохшильд (например, «Управляемое сердце») следует читать только так. Но даже говоря о Хохшильд, аргументацию надо подкрепить данными, интерпретируемыми теоретически и – в марксистском смысле – «политически», с некой невысказанной претензией на объективность, связав ее с большими вопросами о природе общества. Парадокс, как замечает Уикхэм, заключается в том, что эти большие вопросы более или менее ушли из социологии и из ее публичных презентаций. Хохшильд работала в очень специфическом левом «политическом» контексте – в университете Беркли: ей не нужно было касаться подобных вопросов, потому что на них за нее (и за ее очевидную аудиторию) уже был имплицитно и эксплицитно дан ответ по всем «политическим» аспектам [Horowitz, 1997].

¹ Номер доступен в Интернете. Публикуемая статья Тернера размещена в свободном (бесплатном) доступе. Что касается других публикаций этого номера, упоминаемых С. Тернером, по ним открытый доступ предоставлен только к аннотациям. (Прим. перевод.)

Труды, близкие какому-то движению, дают автору доступ к интеллигентной аудитории. Но иной вид доступа, не упомянутый Буравым, явно утрачен: к аудитории, интеллектуально интересующейся базовыми вопросами. По крайней мере частично это упомянул Уикхэм: не стало ничего, что могли бы социологи сказать об «обществе», потому что дискуссии о нем нет. Что-то мог сказать функционализм, что-то его оппоненты. Был объект – социальная система, о которой спорили социологи, включая ее существование. И эта дискуссия подняла людей, подобных Р. Мертону и Ч.Р. Миллсу, «Социологическое воображение» которого (1959) и сегодня увлекает читателя, из массы профессоров в статус лиц, которых интеллигентному читателю следует знать.

Могут возразить, что эта утрата – иллюзия, что аудитории с интересом к «базовым вопросам» больше нет. Больше нет интеллигентной аудитории, могут возразить, есть лишь специалисты-ученые, движимые лестницей научных карьер, и аудитории, склонные к конкретным политическим взглядам или предельно особым личным проблемам. Могут сказать, что лишь в немногих странах, таких как Франция, есть такая аудитория, и в таких местах возможны подобные публикации.

Но эти аргументы опровергают успех книг С. Пинкера (Pinker) и Дж. Сирла (Searle)², поднявших подобные проблемы способами, в целом далекими от социологии. К этой теме я вернусь в конце статьи.

Истоки интернациональной социологии. Мы привыкли смотреть на социологию глазами победителей – дюркгеймов и веберов, которых мы считаем основателями социологии, но не глазами проигравших – спенсеров, хобхаусов и вормсов, которые жили раньше их, были их соперниками. Но это ошибка с последствиями, ставшими вызовом для Уикхэма. До того как стать академической, социология была неакадемической социологией (см. статью Харли в этом номере журнала). Академическая социология выросла из успеха и популярности в обществе неакадемической социологии; она строилась на ней, в ряде важных аспектов её продолжая. И неакадемическая социология имела реальный успех для той аудитории, о которой идет речь. К тому же в XIX в. не было аудитории, привязанной к академической машине степенями, должностями, грантами и т.д. Такая социология могла добиться успеха только апелляцией к некой широкой публике. И она сделала это.

Успех Г. Спенсера фундаментален, как и поднятые им проблемы. Дарвинизм – некий вызов религиозной концепции человека, как и ключевым политическим идеям времени. Требовалось пересмотреть сотрудничество людей, социализм, этику и все надежды на социальные реформы – в свете идей борьбы за существование и выживания сильнейшего. Спенсер, академический аутсайдер, исключенный из Оксфорда и Кембриджа за неконформизм, был давним поклонником Дарвина и проповедником его идей. Но самым революционным его вкладом была повестка для обсуждения социальных последствий дарвинизма и его применение этих идей к самой проблеме социальной и культурной эволюции. Эта тематика, пересекавшаяся с социализмом и кооперативизмом того времени, оказалась чрезвычайно плодородным полем дискуссий.

Эти авторы нашли свою аудиторию. Конечно, Спенсер феноменальный автор; его книги, продававшиеся сериями, охватывали всю природную, социальную и этическую эволюцию и живо раскупались во всем мире. П. Кропоткин писал знаменитые книги, изучал животных, проводил обобщения явлений животного мира в отношении человеческого общества и общественной жизни. Целая «библиотека» книжных серий по этим и смежным вопросам была создана Р. Вормсом; многие тексты переводились на французский. Вормс также издавал с 1883 г. старейший социологический журнал *Revue internationale de sociologie*, продолжающий выходить в настоящее время, и публиковал серию книг «Международная социологическая библиотека». Эта библиотека включала «классику» – сочинения М.А. Бакунина [1895–1913] и П.А. Кропоткина [1892, 1913], который активно участвовал в полемике с интерпретаторами Дарвина, не признававшими взаимопомощь

² Названия их книг см. в References в конце статьи. – Прим. перевод.

за фактор эволюции (non-cooperative interpretations)³, а также с публикациями своего времени⁴. Французские версии этих текстов широко читались во всем тогда еще в основном франкофонном мире интеллектуалов.

Список трудов, изданных «Библиотекой», отражает заботы, бывшие общим ядром международной социологии, откуда черпали все ранние социологи. Эти заботы обрели другие формы, некоторые из них заметны и сейчас, например вопрос, в какой мере человеческое общество можно менять по плану, какие средства нужны для таких перемен. А центральной проблеме дарвинизма и социализма предшествовало то, что Уикхэм [2007, 2010] назвал центральной проблемой европейской мысли, – проблема социального мира. Авторы тех трудов предвидели крупные политические конфликты XX в.: «плана» с рынком, либерализма с коммунизмом с крупными интеллектуальными и идеологическими группами их поддержки. Но они смотрели дальше, искали возможность мира во всем мире, роль морального и духовного развития в эволюции общества и т.д.

Здесь началась социология как дисциплина: не с создания кафедр и национальных ассоциаций, а как форум общественной дискуссии по проблеме основ природы общества. И международная социология тогда в начале века и ранее была удивительно активной и уверенной в себе общностью, успешной и в построении институций, и в создании личных связей. МИС (Международный институт социологии) был, конечно, странной организацией – он рекрутировал видных деятелей в свои ряды путем приглашений и пытался тем самым легитимировать себя и свой предмет, но, несмотря на свои элитаристские выверты, это была инклюзивная, интеллектуально открытая организация, как и сама общность интеллектуалов.

Вормс был скорее юристом-бюрокрatom, не профессором. Ему не надо было отстаивать свою позицию в науке, у него не было причин исключать, делегитимировать тех, кто пытался участвовать в дискуссиях. Самой примечательной чертой этой организации были плюрализм и степень, в которой она осваивала и направляла в русло цивилизованной дискуссии великие политические проблемы века.

Контрастом было то, что Дюркгейм и дюркгеймианцы ругали Вормса, были крайне враждебными и непримиримыми к своим французским соперникам, вели себя как империалисты по отношению ко всему, что считали «социологией», как они ее понимали. Сторонник Вормса Дюпра позднее говорил о «деспотии» Дюркгейма (своего «прежнего мэтра») и Мосса, его «старого товарища» по французской социологии, и о тех, кто стал «жертвой очень специфичной нетерпимости Дюркгейма, Мосса, Хальбвакса, Леви-Брюля, etc.»⁵. Ставкой для них было что-то, чего не было у Вормса: дюркгеймианцы пытались контролировать посты в науке, закрепить их за собой.

История, написанная победителями, приняла за правду утверждения дюркгеймианцев, что правы они, а не их соперники. И вот результат: дюркгеймианская мысль победила во французской науке, содействовала «стандартной модели социальной науки» и считалась образцом социологической мысли поколением профессиональных социологов образца социологии Колумбийского университета 1950-х гг., где «Самоубийство» (1951 [1897]) изучалось как образцовый текст и великий источник профессионального эмпирического исследования. Но если вернуть дюркгеймианцев в контекст периода перед Второй мировой войной, то они предстанут менее «современными» и не очень отличными от

³ В книге «Взаимопомощь как фактор эволюции» П.А. Кропоткин приводит аргументы против понимания борьбы за существование в качестве единственной основы эволюции биологических видов, показывая на примерах, что в природе наиболее успешно выживают и развиваются не самые сильные, жестокие и воинственные, а напротив – особи наиболее «общительные» и готовые помогать другим особям внутри вида. (Прим. ред.)

⁴ Может показаться, что такая тематика говорит о досоциологической природе данной серии публикаций. Но после Второй мировой войны такая же серия, руководимая дюркгеймианцами, включала многие из этих книг, Бакунин был фаворитом.

⁵ G. Duprat – C. Ellwood (19 марта 1931), Charles A. Ellwood Papers. Duke University Archives.

современников. Дюркгейма не меньше, чем его соперников, занимали вопросы эволюции, как минимум эволюции социальной, этики и возможных этических подходов в социологии. Не меньше заботили его возможность и условия социализма, жизненность политических форм – таких как синдикализм и пр. Его преемник С. Бугле преподавал социологию как историю социалистической доктрины и применял уроки социологии Дюркгейма к этическому просвещению [Bouglé, 1926]. Если они чем-то отличались от современников, то своей воинствующей исключительностью и стремлением к академической власти.

Власть и вражда. История социологии от этого периода до великого краха зачисления⁶ воспроизводит сценарий профессионализации и эксклюзии – волна за волной. Во многих своих гранях профессионализация всегда принимала форму или социальной эксклюзии, попыток эксклюзии, или очернения – от имени «науки»⁷. Вообще-то тут возможен позитивный момент: профессионализация как поле вне любительства. Но история с «наукой» такого момента не содержит. Сегодня, читая об ожиданиях социологов прошлого – тех самых социологов прошлого, кого пинали сапогом в лицо их «непрофессиональные» соперники, видишь охватившую их почти безумную манию величия [Isaac, 2010]. Достаточно прочесть примечание к парсоновской «Структуре социального действия» с целыми страницами уравнений, якобы объясняющих структуру социального действия (1968 [1937]: 77–84), или его же мнение (1951 [1945]), что редукция социальной системы до набора дифференциальных уравнений ближе, чем кто-либо считает, чтобы понять, как они заблуждались. Не будем ворошить взлеты и падения разных идеалов «науки» в социологии [Turner, 1992]. Достаточно отметить, что «наука» (science) сейчас почти исчезла из само-описаний социологов. Великие устремления к «науке», ранее считавшиеся серьезными, сейчас остались лишь у некоторых группок. Но история науки, вместе с (неудавшейся) виговской историей профессионализации, частью которой она является, лишь половина истории вражды и власти.

Другая часть – проект эксклюзии. Здесь «успех» был полным. История его хорошо известна. На разных стадиях процесса профессионализации прежние добрые союзники социологии в ее разных формах выталкивались из дисциплины. В начале 1930-х гг. Американское социологическое общество (АСА) потеряло много членов из «не ученых», изменив порядок уплаты взносов. Этот новый профессиональный порядок конца 1920-х гг. насаждался учениками Ф. Гиддинкса – У. Ф. Огберном, Ф. С. Чпином и др. Но их представления о профессии вытеснили ученики Мертон, Лазарсфельда и сторонники Парсонса. На каждом этапе дискурс намеренно сужался. В Британии старое и в основном неакадемическое Социологическое общество закрылось после основания соперничавшей в нем Британской социологической ассоциации. Международная социологическая ассоциация в попытке создать более профессиональную модель социологии отвернулась от обвиненного в сотрудничестве с фашистами МИС, в целом переняв его модель международных социологических конгрессов. В социологии каждой страны рамки настоящей профессионализации сжимались.

Поворотным пунктом принято считать 1945 г. Разница с довоенной «теорией» уже очень заметна. До 1945-го среди «теоретиков» тогдашней социологии (это не Парсонс и не – позже – Мертон) было много разнообразия в теории; споры были, но была терпимость, разные точки зрения не были проблемой, тем более – болезнью, требовавшей серьезного лечения; было много точек зрения. Лучшими книгами по теории тогда были «Современная социальная теория» Барнса и Беккера (1971 [1940]) и их же большая «Социальная мысль от сказок до науки» (1961 [1938]). В этих трудах наслаждаешься разнообразием, фиксируемым с максимально возможной объективностью. Книга по теории Дона Мартиндейла «Природа и типы социологической теории» (1960) такая же: Мартиндейл – продукт среды в университете Висконсина, созданной Беккером.

⁶ Речь идет о резком падении в эти годы цифр зачисления на отделения социологии университетов США – см. ниже (Прим. перевод.).

⁷ В оригинале используется термин *science*, обозначающий точные науки. – Прим. перевод.

Противоположный полюс такого подхода к теории представлен Т. Парсонсом. Для него образцом служила идея науки с одной единой и эксклюзивной⁸ «концептуальной схемой». Эта история хорошо известна. К такой идее его двигало влияние неокантианства в Гейдельберге, дополненное во время его ученичества в Гарварде и Л. Гендерсоном в знаменитом кружке исследователей Парето [Isaacs, 2012]. Идея проста: быть «наукой» значит иметь единую концептуальную схему. Чтобы стать наукой, социологии нужна схема, навязанная или данная сверху. Мертон, соперник и союзник Парсонса, оперировал тем же набором идей, в мыслях строя иную траекторию нашей дисциплины. В работах 1940-х гг. Мертон открыто возмущался временами «многих подходов» и историей социологической мысли, в то время представленной Барнсом и Беккером, поддерживал «системность» и стратегию выстраивания теории, которая создаст «некую систему логически связанных положений с эмпирическими референтами, не просто коллекцию несвязных постфактум гипотез, или пересказ отдельных исследований» [Merton, 1941: 282]. Позднее он полагал, что отказ от большой картины и концентрация на теоретизировании среднего радиуса действия сделает это возможным. Но цель сохранялась: создать теорию, которая была бы «научной»-‘scientific’ в смысле исключения альтернатив, тем более типа идей Барнса и Беккера.

Влияние этого процесса закрытия и исключения из обсуждения социологами проблем и на их отношения с публикой было существенным. Вот рассказы двух американцев об этом. В 1938 г. Ч. Элвуду было 65; завершалась его долгая успешная карьера, включавшая президентство в социологической ассоциации США и МИС, он подготовил книгу «История социальной философии» (семь изданий между 1938 и 1948 гг.); она же вышла в 1938 г. под названием «Рассказ о социальной философии». Книга была прибыльной, дважды признавалась «Книгой месяца» – показатель успеха у читателей из среднего класса – в то время как субсидированная книга Парсонса «Структура социального действия», выйдя двумя месяцами ранее, пылилась на складах издательства Harper. Книга Элвуда «Story», состоявшая из глав о социальных мыслителях, начиная от Просвещения, и критики их идей и пытавшаяся показать их ценные элементы, завершалась конфликтом Л. Уорда с У. Самнером по вопросу эффективности реформ, или шире – возможностей и пределов планирования. Она вышла в Англии в то же время, что и книга К. Мангейма о планировании «Человек и общество в век реконструкции» (1980 [1940]). Мангейм вынужденно обращался к широкому читателю, так как в Англии просто не было достаточного числа ученых-социологов, которые поддержали бы эту книгу. И она тоже имела успех.

Книга Элвуда – история, но, конечно, и теория. Она о больших проблемах, об управляемости человеческого общества, средствах и возможностях направленных реформ. Элвуд – выразитель идей Дарвина и социализма, один из первых руководителей университетской кафедры социологии. Он никогда этих проблем не забывал. Элвуд видел в «образовании» средство «лепки» общества – Тюрго герой книги. Но это книга и о настоящем, релевантная спорам по поводу Нового курса. К концу карьеры он оказался профессионально ненужным, отброшенным на обочину профессионализирующимся поколением, находившимся тогда у власти, – его книга именно тот вид теории, который отверг Мертон в работе о систематике (1968 [1957]: 1–38).

Второй пример – П. Сорокин. Парсонс в то самое время, когда писал свои претензионные тексты о том, что скоро социология получит теорию с дифференциальными уравнениями, плел интриги, чтобы отодвинуть своего гарвардского руководителя. Взглянем назад, чтобы понять смелость Парсонса. Неудавшийся экономист, он прикрывался своим гарвардским боссом Л. Дж. Гендерсоном, сумев не только получить место в Гарварде, в социологии, но и опубликовать своей *opus magnum* на деньги гранта по производственным травмам. Книга оказалась мертворожденной уже в типографии, было продано менее 1000 экземпляров за 10 лет – несмотря на субсидию, работу в Гарварде и престижный

⁸ В смысле исключения иных точек зрения. – Прим. перевод.

формат. Парсонс присоединился к другим властным лицам и течениям в Гарварде; он был изошренным инсайдером. В это время Сорокин публиковал ряд самых успешных текстов, когда-либо написанных социологом для широкой публики: «Кризис нашего времени» (1957 [1941]), много раз переизданный в следующие 16 лет и издаваемый до сих пор, за ним последовал *Man and Society in Calamity* (2010 [1942]) – четыре издания. Эти сейчас забытые тексты неподвластны времени. На сессии МИС в Мехико 1960 г. обсуждался «интегрализм» Сорокина, центральная мысль «Кризиса» [Gregor, 1961: 221].

О чем эти книги? «Кризис» популяризирует теорию циклов социальной эволюции Сорокина, которая предсказывала конец и замену сегодняшнего материализма поворотом к некой новой форме духовной связи – или идеализмом. Это – вечные темы до-академических социологов, и Сорокин был не одинок, продолжая поднимать их. Это также были темы Мангейма, отстаивавшего планирование ценностей и предвидевшего новый синтез. Сама циклическая теория Сорокина – произведение социологии, полное статистическими данными о циклах истории, данными, повторенными в «Кризисе». «Человек и общество в годы бедствий» – еще одно применение этих идей: кризис был рассказом о грядущих ужасах Второй мировой, а эта книга показала влияние бедствий на культуру. Замечу, что Мангейм создал во время войны серию очерков, схожих с этой книгой [Mannheim, 2004 (1943)]. Тема – реакция общества на войну – не сразу ушла из дискурса ученых. Можно утверждать, что она в некотором смысле явилась вновь в сменивших ее спорах о «социальной системе» и функционализме, или в социальной психологии – как, например, исследование малых групп. Ясно, что эти эссе не укладывались в новоявленную модель социологического письма, а сама новоявленная модель социологического письма не привлекала широкую аудиторию, до которой доходили работы Элвуда и Сорокина 1930-х – начала 1940-х гг.

Констатируя эту связь, Уикхэм абсолютно прав.

Левые. Установить причину этих перемен в социологии, отвергнувшей своих самых популярных авторов, однако, труднее, чем кажется. Ибо история профессионализации спутана с другой историей, все еще в основном не написанной, – переплетение послевоенной социологии и левых. Ясно, что у многих ярких сторонников новой модели профессионализации в США были левые корни, нередко даже в компартии. Те, чьи интеллектуальные воззрения формировались партией, кто не был «уклонистом», или не слишком уклонялся, были широко представлены в социальных науках, избегая открыто говорить о «марксизме», а также уходя от вопросов, связанных с самой марксистской теорией. Это не значит, что их симпатии в корне менялись. Менялись формы их выражения. А результатом часто было то, что они развивали идеи, не имевшие ничего общего с марксизмом, игнорировавшим ими как источник теоретического вдохновения ради вновь возникшей теории, вписывавшейся в последние формы профессиональной социологии. Фактически профессионализация стала видом прикрытия, особенно после пакта Риббентропа-Молотова, когда партиям сказали: забыть тактику народного фронта 1930-х гг. и поддержать советскую внешнюю политику, а в США после 1945 г., когда партия провела чистку за «браудеризм» и доктрину мирного сосуществования. Но это также означало, что традиционные базовые вопросы социологии, взятые из проблемы: Дарвин – социализм, стали запретными. Это было удобно и для профессиональной социологии. Они не были достаточно эмпиричными, или историческими, чтобы двигать вперед профессиональную карьеру и, еще лучше, от этих вопросов можно было уйти: ведь они не повышали научный статус дисциплины.

Это вызвало странную бифуркацию в социологии (и в других науках), ставшую в 1960-е явной проблемой. Достаточно вспомнить карьеру Ч.Р. Миллса. Интеллектуально он считал себя неким марксистом, не имея ничего общего с компартией, вел социологическую полемику и делал свою социологию, выходя на широкую аудиторию. Р.К. Мертон – социолог с интеллектуально левыми симпатиями; начал карьеру редактором рубрики библиографии журнала по истории науки и техники «Isis». Его задачей была хроника левых движений в науке 1930-х гг.; он поддерживал, по меньшей мере в начале 1940-х гг.,

их главную идею, что наука расцветет полным цветом только в посткапиталистическом обществе (см.: [Turner, 2007b]). Он не раз писал рекомендательные письма Карлу Поланьи, хвалил его «Великую трансформацию» (2001 [1944]). Но Мертон все это скрывал в публичных выступлениях, уходил от больших вопросов, в то же время в письмах активно поддерживая многие заявки Поланьи на гранты фондов и интригуя с Парсонсом и Лазарсфельдом против Миллса [Summers, 2006: 38].

Сознательная попытка отказа от теории. Десятилетие 1960-х гг. стало вызовом, вдохновленным такими мыслителями, как Миллс, и в целом новыми левыми, студенческим движением. Предпосылки этих конфликтов хорошо известны и не раз обсуждались. Нападки Миллса на Парсонса, Мертона и Лазарсфельда в «Социологическом воображении» [1959] говорят за себя. Общие элементы подходов Парсонса и Мертона подвергнуты уничтожающей критике в 1960-е гг. Теоретическое разнообразие, которое Мертон и Парсонс пытались душить, мстило за себя. Теория стала крайне актуальной. И хотя импульс «давить!» был силен, он встретил сильное сопротивление. Но были успехи. «Мертоновцы» неохотно реагировали на критику, особо избегая спорить по метатеоретическим вопросам. Они с презрением писали об оппонентах, уходили от полемики. Особенно Мертон не хотел открыто отвечать критикам [Cole, 2004: 841–842], в частных письмах кипя и негодуя по поводу того, что считал искажением своей позиции, даже по поводу мягкой критики. Хорошо помню одного из видных деятелей такого толка, который в конце 1970-х гг. в выступлении на конференции АСА по-барски отмахнулся от критики фразой: «Собаки лают, караван идет». Они могли себе это позволить. Им вполне удалось уйти от многих теоретических дискуссий в ведущих журналах, в которых сами публиковались. Они хотели быть только наверху.

Но караван не двигался. Не успела критика окрепнуть, как сама социология оказалась в кризисе – далеко не теоретическом. В США упало на три четверти число поступающих на специальность «социология». Вся история конца 1960-х гг. и дискредитации претензий социологии на способность решить социальные проблемы путем «общественных программ» была его важной частью: обнаружилась реакция на неудачу этих программ, рухнула и вера в социологию США, как рухнула она и в Британии при Маргарет Тэтчер. Тут надо предметно обратиться к самой дисциплине, особенно к верхам американской социологии, где делались более или менее сознательные попытки заткнуть рот теоретическим дискуссиям.

Чего не могли сделать Мертон, Парсонс и их ученики – так это воспроизвести себя. Согласно железному закону академической кастовой системы американской социологии, на ведущие кафедры принимают только из короткого списка факультетов. Ведущие факультеты, в прошлом производившие теоретиков: Гарвард, Колумбия, Калифорния и – с оговорками – Чикаго, уже не производят по меньшей мере успешных теоретиков. Возникает фатальная дилемма. Или постмертоновское и постпарсоновское поколение передаст свое место в иерархии враждебному поколению, или найдет других на это место, или отбросит (exclude) саму теорию.

Об этом лучше всего, наверное, говорит такой эпизод. После смерти А. Гоулднера (1973) созданный им журнал *Theory and Society* оказался на распутье. Гоулднер своими личностью и репутацией сколотил выдающуюся международную редакцию, объединившую людей удивительно разных взглядов. Его жена, Джейн Гоулднер, руководила журналом, опираясь на ядро консультантов редакции – намного более узкую группу. Состоялось критически важное заседание издателей с ядром редакции, о чем Дж. Гоулднер пишет Мертону и благодарит его за поддержку. В письме она показала понимание сути ситуации: «Одна из моих забот – место теории в будущем журнале. Состав руководства редакции может быть таким, что восприятие теории окажется в некоторой опасности. Думаю, мы правы в озабоченности тем, чтобы уйти от бесконечных дискуссий о герменевтике, но спросить себя, как Теда Скочпол или Род Айя или даже Джерри Корабель посмотрели бы на статью Ала⁹ Anti-Minotaur, если бы она сегодня пришла в журнал. Конечно, все

⁹ Гоулднера. – Прим. перевод.

они зрелые ученые, и надо надеяться, что это позволит им признать качественный уровень там, где он есть, но также возможно, что их интересы делают их предвзятыми? Теда [Скочпол] нечто подобное высказала при планировании очередного номера: 'Давайте поставим настоящую статью'¹⁰.

Этот пример говорит о многом. Две из самых успешных книг по социологии для широкой аудитории – Р. Линда «Знание для чего?» [1939] и Дж. Ландберга «Спасет ли нас наука?» [1947] – это книги о различении факта и ценностей, как и знаменитая статья А. Гоулднера [1964] г. с критикой Вебера. Их успех, как и включение в книгу Мюрдаля «Дилемма Америки» большого методологического приложения, показал, что ключевые проблемы знания предмета социологии модно излагать публике и обсуждать в интеллектуальной прессе. Но статья Гоулднера уже отражала увядание такого рода дискуссий в «профессиональной социологии» поколения учеников Мертон. Как в то время подчеркнул Х.-Х. Брун, Гоулднер получил Вебера, вывернутого наизнанку (2007 [1971]: 74, п89)¹¹.

Итак, удавка «профессионализма» вновь затягивается. Как это видела Дж. Гоулднер, конфликтуют, с одной стороны, способность к риску и креативность с престижем профессионала – с другой: «Конкретно, я не хотела бы видеть желание выпускать "профессиональный журнал", отвергающий риск, нужный нашей креативности. Я имею в виду, что мы можем потерять, например, авторов и тексты, подобные интервью Гордона Бернсдейла Уильяму Кейсу [8/1], в общем-то статью, чем-то напоминающую шестидесятые, и написанную так хорошо, что мы хотели публиковать ее, даже если это не социология. Растущая озабоченность нашим профессиональным обликом закроет пространство таким статьям, ибо их нельзя поддерживать по профессиональным причинам и несмотря на то, что они говорят важные вещи о том, кто мы и чем должны стремиться быть»¹².

Для этого, в её понимании, во главе редакции нужны люди с широким горизонтом видения: «Не думаю, что слишком низко ценю профессиональные проблемы или самое профессию; я признаю, что в ней есть и гении, и солдаты. Но, не рискуя, мы потеряли идентичность и, возможно, источник креативности. Раньше Ал рисковал за нас. А сейчас кто?»¹³.

Груз ложится на редколлегию, состоящую из «солдат», которые рисковать не stanno, или агрессивных профессионализаторов, жаждущих их исключить. Она также четко видела, от кого исходит самая серьезная опасность: «В этом плане озабоченность Теды профессионализмом меня беспокоит, тем более что Х. Франк намерен видимо через год сделать её следующим главным редактором. Ее жизнь тогда войдет в русло, она будет соглашаться, не говорить "нет" (если мы не скажем "нет" вместо нее). Она производит хорошее впечатление; она более чем компетентный главный редактор. Но ее приход вполне может оказаться концом общности, какой мы ее знаем. Я, конечно, понимаю, что такая напряженность может быть полезна нашему самосознанию и тому, хотим ли мы быть еще одним "American Sociological Review" или "American Journal of Sociology"¹⁴. Это меня беспокоит»¹⁵.

Её опасения полностью оправдались.

¹⁰ Дж. Гоулднер Р. Мертону (21 апреля 1981), Robert K. Merton Papers. Columbia University Rare Book and Manuscript Library, Box 150, Folder 9, курсив оригинала.

¹¹ Х.-Х. Брун писал: Гоулднер [1964: 201] ошибочно считает, что Вебер отрицал право университетских профессоров верить в ценности и придерживаться их. «Иное мнение», нежели у Вебера, формулируемое Гоулднером («...профессора, как и все другие, обязаны и могут быть призваны выражать свои ценности»), фактически идентично собственной позиции Вебера («В прессе, на митингах, в ассоциациях, в статьях – [короче] во всех формах, доступных также любому гражданину – [профессор] может (и должен) желать того, к чему зовет его Бог или демон (MSS, p. 5/GAW, p. 493)» [Bruun, 2007 (1971)]: 74, п89, курсив оригинала; ср. Weber, 2012 (1914): 306)).

¹² Дж. Гоулднер Р. Мертону (21 апреля 1981), R.K. Merton Papers. Columbia University Rare Book and Manuscript Library, Box 150, Folder 9.

¹³ Там же.

¹⁴ Ведущие социологические журналы США. – Прим. перевод.

¹⁵ Там же.

Аллергия на большие вопросы сохранилась в эпоху Буравого, когда образцом была Хохшильд, и по верным причинам, связанным с целеполаганием публичной социологии: органический интеллект, по Буравому, поддерживающий общее дело или движение, не очень озабочен абстрактной проблемой «социального». Органическую феминистку-интеллектуала заботит теория угнетения, против которого выступает движение, то есть теоретическое обоснование конкретного, выведенного из политического анализа феномена непризнанного угнетения (например, мытье женщиной посуды; см. [Hochschild, 1989]), а не теория абстрактных вопросов вроде природы социального. Эти проблемы стали категорией идеологически данного, сомнения в которой оскорбительны. «Угнетение» и угнетательская природа общества уже даны: оспаривать их есть свидетельство бесчувственности или что похуже. Единственная роль теории в этом контексте та, что знакома из марксистского «политического анализа»: есть словарь, отличный от словаря угнетенных и угнетателей, и он раскрывает и выражает скрытый факт угнетения. Интересно, что Буравой просто полностью устраняет теорию из своей схемы категорий социологических трудов, заменив ее категорией критики профессии – нечто совсем иное. Подобный отказ случается в том типе работ, о которых Скорпел говорит: «статья настоящая». Даже в статьях, не примыкающих непосредственно к общественным движениям – хотя в ее случае (она горда поддержкой профсоюзов) эти базовые идеологические параметры были четкими и неоспоримыми. Базовые вопросы об «обществе» просто irrelevantны.

Закключение: «что такое общество?» сегодня. Что же случилось с вопросами, которые академическая социология пыталась убить? Что стало с дарвинизмом и социальной жизнью как проблемой? С будущим культуры как проблемой? С «социальным» как предметом социологии? Как и многие вопросы, эти тоже приняли разные формы. Но потеряли ли они публичную аудиторию? И если таковая была, не могла ли социология соответствовать ей и в более общем плане, не могла ли она ответить на нужды широкой аудитории? На второй из этих вопросов ответить трудно, но каким-то из ответов может стать пример книг, включенных Гербертом Гансом в список социологических бестселлеров в статье «Бестселлеры в социологии: поисковое исследование». Если не брать книги до 1980-х гг., многие из которых были учебниками, не предназначались широкой публике, и нет данных об их влиянии на общество, ответ ясен: кроме книг Лилиан Рубин о помощи в личностных отношениях, все эти бестселлеры связаны или с гендером, или с четко идеологической повесткой. Ни одна из них не может убедительно претендовать на разработку вопросов, названных Уикхэмом забытыми.

Но вопрос: интересуют ли публику эти проблемы, получил иной ответ. Целый ворох очень хорошо продающихся книг несоциологов посвящены традиционной проблеме дарвинизма и жизни общества, особенно работы С. Пинкера «Как работает мозг» (1997), «Чистый лист: современное отрицание человеческой природы» (2002) и «Лучшие ангелы нашей природы: почему сократилось насилие» (2011). Очень абстрактная проблема: что такое социальный институт и что делает нас «коллективом» (проблема Дюркгейма), обсуждена Дж. Сирлом в «Построении социальной реальности» (1995) и в ее продолжении – «Становление социального мира» (2010). Общие вопросы эволюции цивилизации освещены Ф. Фукуямой в его новой книге «Истоки политического строя» (2011), а социальная связь – в «Доверие: Социальные добродетели и сотворение процветания» (1995). Спрос есть. Народ реагирует. И как показывает недавний пример Р. Белла (Bellah) «Религия в эволюции человека» (2011), публика реагирует и на социологов, отвечающих на брошенный вызов. Но этим книгам нет места в схеме Буравого, или в практикуемой ведущими журналами социологии. Многие из них раздражают важные фракции социологии. Некоторые из таких авторов были бы встречены протестами в аудитории социологов. Профессионализация, вместе с чувствами социологов, сделавших себя хранителями политической корректности, удушила такие дискуссии в социологии.

Когда-то социология была местом, где интеллектуалы нашли свободу: Э. Гиддингс, П. Сорокин, А. Шютц и многие другие могли делать карьеру в иных науках, но выбрали социологию

из-за этой свободы. В какой-то мере социология все еще открыта аутсайдерам, хотя сейчас это скорее всего аутсайдеры женского движения. Но кое-кто из таких аутсайдеров на публику повлияли. Дж. Шор, экономист, принятый сейчас на кафедру социологии, один из самых успешных авторов широкой аудитории из занятых на соответствующих кафедрах. Но в целом былая свобода – в прошлом. Перефразирую слова Вебера в конце «Протестантской этики» (1989 [1930]): «бездушные профессионалы, бессердечные сластолюбцы» полагают, что достигли «ранее недоступной ступени человеческого развития». В социологии США сейчас доминируют профессионалы без целей (исключая гранты) и политически наивные люди, для кого оскорбить других – высшее политическое действо. Они также верят, что это и есть высшая форма политического и морального просвещения. Отсылка к словам классика для них ничто. Та же слепота к великим вопросам, ранее мотивировавшим социологов, ослепляет их и по отношению к собственной истории, и к возможностям самой социологии.

REFERENCES

- Bakunin M. (1895–1913) *La Bibliothèque sociologique*, 6 vols. Paris: Giard et Brière.
- Barnes H.E., H. Becker (1961 [1938]) *Social Thought from Lore to Science*, 3rd edn. New York: Dover Publications.
- Barnes H.E., H. Becker, F.B. Becker (eds) (1971 [1940]) *Contemporary Social Theory*. New York: Russell and Russell.
- Bellah R. (2011) *Religion in Human Evolution: From the Paleolithic to the Axial Age*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Bouglé C. (1926) *The Evolution of Values: Studies in Sociology with Special Applications to Teaching*, trans. H.S. Sellars. New York: Henry Holt.
- Boutroux É. (1914) *Natural Law in Science and Philosophy*. New York: Macmillan.
- Bruun H.H. (2007 [1971]) *Science, Values and Politics in Max Weber's Methodology*. Aldershot: Ashgate.
- Burawoy M. (2005) For Public Sociology: Address to the American Sociological Association, San Francisco, Aug. 15, 2004. *American Sociological Review*. 70: 4–28.
- Cole S. (2004) Merton's Contribution to the Sociology of Science. *Social Studies of Science*. 34: 829–844.
- Durkheim É. (1951 [1897]) *Suicide*. Trans. J.A. Spaulding and G. Simpson. New York: Free Press.
- Ellwood C. (1938) *A History of Social Philosophy*. New York: Prentice Hall.
- Fukuyama F. (1995) *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. New York: Free Press.
- Fukuyama F. (2011) *The Origins of Political Order: From Prehuman Times to the French Revolution*. New York: Farrar, Straus, Giroux.
- Gane N. (2004) *The Future of Social Theory*. London: Continuum.
- Gans H.J. (1997) Best-sellers by Sociologists: An Exploratory Study. *Contemporary Sociology*. 26: 131–135.
- Gouldner A. (1964) Anti-minotaur: The Myth of Value-Free Sociology. In: I.L. Horowitz (ed.) *The New Sociology*. New York: Oxford University Press: 196–217.
- Gramsci A. (2001 [1929–33]) The Formation of Intellectuals. In: V. Leitch (ed.) *Norton Anthology of Theory and Criticism*. New York: Norton: 1135–1143.
- Hochschild A. (1983) *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*. Berkeley: University of California Press.
- Hochschild A., Machung A. (1989) *The Second Shift: Working Parents and the Revolution at Home*. New York: Viking.
- Horowitz D. (1997) *Radical Son: A Generational Odyssey*. New York: Touchstone.
- Isaac J. (2010) Theorist at Work: Talcott Parsons and the Carnegie Project on Theory. 1949–1951. *Journal of the History of Ideas*. 71: 287–311.
- Isaac J. (2012) *Working Knowledge: Making the Human Sciences from Parsons to Kuhn*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Kropotkin P. (1892) La Conquête du pain. *Bibliothèque sociologique internationale*. Vol. 1. Paris: Tresse and Stock.
- Kropotkin P. (1913) La Science moderne et l'anarchie. *Bibliothèque sociologique internationale*. Vol. 49. Paris: P.V. Stock.
- Lask E. (1950) *The Legal Philosophies of Lask, Radbrüch, and Dabin*. Trans. K. Wilk. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Lundberg G. (1947) *Can Science Save Us?* New York: Longmans, Green and Co.
- Lynd R. (1939) *Knowledge for What? The Place of Social Sciences in American Culture*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

- Mannheim K. (1980 [1940]) *Man and Society in an Age of Reconstruction*. New York: Harcourt, Brace, and World.
- Mannheim K. (2004 [1943]) *Diagnosis of Our Time*. London: Routledge.
- Martindale D. (1960) *The Nature and Types of Sociological Theory*. Boston, MA: Houghton Mifflin.
- Merton R. (1941) Review of *Contemporary Social Theory* by H.E. Barnes, H. Becker, F.B. Becker. *American Sociological Review*. 6(2): 282–286.
- Merton R. (1968 [1957]) *Social Theory and Social Structure*. New York: Free Press.
- Mills C.W. (1959) *The Sociological Imagination*. New York: Oxford University Press.
- Myrdal G. (1962 [1944]) *An American Dilemma: The Negro Problem and Modern Democracy*. New York: Harper and Row.
- Parsons T. (1968 [1937]) *The Structure of Social Thought: A Study in Social Theory and Special Reference to a Group of Recent European Writers*. New York: Free Press.
- Parsons T. (1951 [1945]) *The Social System*. New York: The Free Press.
- Parsons T. (1979/1980) 'On Theory and Metatheory'. *Humboldt Journal of Social Relations*. 7: 5–16.
- Pinker S. (1997) *How the Mind Works*. New York: Norton.
- Pinker S. (2002) *The Blank Slate: The Modern Denial of Human Nature*. New York: Viking.
- Pinker S. (2011) *The Better Angels of our Nature: The Decline of Violence and its Psychological Roots*. New York: Viking.
- Polanyi K. (2001 [1944]) *The Great Transformation*. 2nd ed. New York: Beacon Press.
- Riesman D. (1950) *The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Searle J. (1995) *The Construction of Social Reality*. New York: The Free Press.
- Searle J. (2010) *Making the Social World: The Structure of Human Civilisation*. Oxford: Oxford University Press.
- Simmel G. (1964 [1908]) *The Sociology of Georg Simmel*, trans. and ed. K.H. Wolff. New York: Free Press.
- Sorokin P. (1957 [1941]) *The Crisis of Our Age: The Social and Cultural Outlook*. New York: E.P. Dutton.
- Sorokin P. (2010 [1942]) *Man and Society in Calamity*. New Brunswick, NJ: Transaction.
- Summers J.H. (2006) Perpetual Revelations: C. Wright Mills and Paul Lazarsfeld. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 608: 25–40.
- Turner S. (1992) The Strange Life and Hard Times of the Concept of General Theory in Sociology: A Short History of Hope. In: Seidman S., Wagner D.G. (eds) *Postmodernism and Social Theory*. Oxford: Basil Blackwell: 101–103.
- Turner S. (2007a) Public Sociology and Democratic Theory. *Sociology*. 41: 785–798.
- Turner S. (2007b) Merton's "Norms" in Political and Intellectual Context. *Journal of Classical Sociology*. 7: 161–178.
- Wearne B. (1989) *The Theory and Scholarship of Talcott Parsons to 1951: A Critical Commentary*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Weber M. (2012 [1914]) The Meaning of "Value Freedom". In: Bruun H.H., Whimster S. (eds) *Max Weber: Collected Methodological Writings*. London: Routledge: 304–334.
- Weber M. (1989 [1930]) *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. Trans. T. Parsons. London: Unwin Hyman.
- Wickham G. (2007) Expanding the Classical in Classical Sociology. *Journal of Classical Sociology*. 7: 243–265.
- Wickham G. (2010) Sociology, the Public Sphere, and Modern Government: A Challenge to the Dominance of Habermas. *British Journal of Sociology*. 61: 155–175.

Пер. с англ. Н.В. РОМАНОВСКИЙ

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; профессор Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия (socis@isras.ru).

DE-INTELLECTUALIZING AMERICAN SOCIOLOGY. A HISTORY, OF SORTS

TURNER S.P.

University of South Florida, USA

Stephen TURNER, Ph.D., Distinguished University Professor, Department of Philosophy, University of South Florida, Tampa, USA (turner@usf.edu).

Abstract. Sociology once debated 'the social' and did so with a public readership. Even as late as the Second World War, sociologists commanded a wide public on questions about the nature of society, altruism and the direction of social evolution. As a result of several waves of professionalization, however, these issues have vanished from academic sociology and from the public writings of sociologists. From the 1960s onwards sociologists instead wrote for the public by supporting social movements. Discussion within sociology became constrained both by 'professional' expectations and political taboos. Yet the original motivating concerns of sociology and its public, such as the compatibility of socialism and Darwinism, the nature of society, and the process of social evolution, did not cease to be of public interest. With sociologists showing little interest in satisfying the demand, it was met by non-sociologists, with the result that sociology lost both its intellectual public, as distinct from affinity groups, and its claim on these topics.

Keywords: American sociology, Burawoy, French sociology, Institut International de Sociologie, public sociology, sociology's relevance, René Worms.

Transl. by N.V. ROMANOVSKY

Nikolay V. ROMANOVSKY, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Chief Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Prof. of Russian State University for Humanities, Moscow, Russia (socis@isras.ru).

Методология и методы социологических исследований

© 2022 г.

Г.Г. ТАТАРОВА, А.В. КУЧЕНКОВА

ВОСТРЕБОВАННОСТЬ «ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ПОВОРОТА» В ЭМПИРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

ТАТАРОВА Галина Галеевна – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник (tatarova-gg@rambler.ru); КУЧЕНКОВА Анна Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник (a.v.kuchenkova@gmail.com). Обе – Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Аннотация. В рамках развития социологической методологии периодически возникает потребность актуализации вопросов экспликации представлений о «старых» классических понятиях. Для понятий из «методной области» такого рода «повороты» способствуют расширению познавательных возможностей известных инструментальных средств, увеличивая эвристический потенциал концептов, не столь «модных» в современных реалиях. В статье предлагается метафора «типологический поворот» для обозначения востребованности в развитии типологического метода социального познания. В применении к эмпирической социологии теоретико-методические проблемы реализации метода связаны с особым видом многомерного анализа данных – типологическим. Он трактуется и как специфическая исследовательская стратегия, и как средство концептуализации, и как способ диагностики социальной реальности. В последние годы востребованность «типологического поворота» актуализируется не столько в области социологических исследований, сколько в смежных с социологией областях, анализу этих представлений в статье уделяется особое внимание. Обоснование поворота к типологическому подходу изучения социальных феноменов опирается также на многолетние поиски авторов статьи в области разработки методических решений для проведения типологического анализа в различных исследовательских ситуациях.

Ключевые слова: типологизация • типологический анализ • типологический метод • факторизация • качественная однородность • типологический поворот • корреляционное мышление • типологическое мышление • переусложнение / переупрощение типологической модели

DOI: 10.31857/S013216250019758-6

Типологический метод социального познания как инструментальное средство носит междисциплинарный характер, к нему обращаются на разных уровнях теоретизирования. Существует огромный поток литературы, затрагивающий вопросы использования метода в исследовательской практике. В сферу наших интересов входят работы, которые позволяют обосновать востребованность «типологического поворота» в эмпирической социологии, необходимость нового витка в развитии метода без потери накопленных знаний. Эволюция представлений о методе в XX в. [Бабич, 2008; 2010] привела к выводу о том, что бурно развивающимся направлением является кластерный анализ (методы многомерной классификации, способы разбиения объектов на классы). В последние двадцать лет развитие типологического подхода идет по пути расширения предметных полей, на которых

апробируются различные алгоритмы классификации. Понятийному аппарату, технологиям проведения типологического анализа, целям использования типологического метода уделяется незначительное внимание¹.

В плоскости методологических поворотов в социологии, число которых множится [Романовский, 2009; Тощенко, 2013; Кравченко, 2012; Кравченко 2021; Девятко, 2021; Дудина, 2021; Платонова, 2020; и др.], имеет смысл рассмотреть востребованности «типологического поворота». Для обоснования этого тезиса в статье выделены несколько важных аспектов теоретизирования: качественная однородность как методологическая проблема, потенциал «концептуальных типологий», ограниченность «корреляционного мышления», переход от анализа профиля группы к профилю личности, «методологические ловушки», возникающие в процессе реализации типологического метода познания и мешающие его развитию. В контекст этих сюжетов включен анализ публикаций, которые позволяют актуализировать проблемы «типологического поворота» в преломлении к эмпирической социологии и обозначить направления развития теории типологизации. Перейдем к их рассмотрению.

Качественная однородность как методологическая проблема. Периодически возобновляющиеся обсуждения трудностей и вызовов, стоящих перед социологией как наукой, принимают форму споров о грядущем, очередном или перманентном кризисе социологической теории [Девятко, 2021]. Вопросы о том, «прогрессировала ли социология?» [Бэр, 2020; Campbell, 2019], какие опасности несет мода на теории в социологии [Гофман, 2013], дискурс о кризисе социологии как сравнение видов метатеоретизирования [Иванов, 2017], в равной мере важны и для обозначения направлений развития инструментальной части социологической методологии, включая *типологический метод социального познания*.

Актуализация рефлексии относительно известных базовых понятий и проблем (к которым относится качественная однородность изучаемой совокупности объектов) детерминирована потребностями в интеграции и развитии методологического знания исходя из принципа, что *новое является во многом хорошо забытым старым*. Обращение к теоретическому дискурсу, представленному в публикациях на страницах ведущих отечественных социологических журналов, в частности в рубрике «Харчевские чтения» журнала «Социологические исследования», показывает, что «методной» проблематике, как правило, уделяется незначительное внимание.

Трудно не согласиться с Ж.Т. Тощенко в том, что «...используемые формы и методы познания нуждаются не только в дальнейшем совершенствовании, но и в коренном улучшении, необходимости подняться на новый, более обоснованный уровень теоретического, методологического и методического осмысления» [Тощенко, 2019: 5]. Его обращение к таким концептам, как феномен и ноумен, для нового их прочтения вносит важный вклад в развитие социологической методологии в части проблематики типологического метода.

Все понятия с корнем «тип» (социальный тип, типологический метод, типология, типологический анализ и др.) являются ноуменами. В реальности социальные типы непознаваемы во всем многообразии, знание о них всегда относительно. Отсюда возникают задачи разработки технологии проведения типологического анализа в различных предметных областях в соответствии с заданной системой целеполагания. Проблематика выявления социальных типов в эмпирической социологии (в том числе как инструмента решения проблемы качественной однородности изучаемых объектов) демонстрирует некую стабильность. По утверждению Н.С. Бабица: уровень распространения *типологического стиля мышления* в XX в. – это некая постоянная величина [Бабич, 2008: 44]. Но нет оснований для утверждения, что эта ситуация характерна для XXI в.

¹ Нам не удалось обнаружить в ведущих англоязычных социологических журналах за последние два десятилетия обсуждение направлений развития типологической теории, типологического метода. В реферативной базе Web of Science (по состоянию на 18.03.2022) представлена за 2000–2021 гг. 541 статья, заглавие которой содержит слова *typology*, *typological*, *cluster* или *classification*. Посвящены они решению содержательных задач в предметных областях социологии.

Когнитивная сложность задач изучения социальных феноменов в рамках многомерных моделей не допускает введения универсальных дефиниций понятий с корнем «тип», периодически (по мере накопления знаний и опыта) появляется потребность в их экспликации, соответственно, они приобретают новое звучание, поскольку являются *инвариантами* относительно совокупности исследовательских практик (рассматриваемых вне качественно-количественной риторики).

В области многомерного анализа социологических данных доминирующую роль играют две базовые процедуры: *факторизация* и *типологизация*. В отечественной исследовательской практике по популярности первая опережает вторую. Тому есть причины. Главная из них в том, что в процессе социологического образования мы учим студентов мыслить на языке переменных, признаков, социальных факторов, корреляций (практически учебники по «методам» написаны в стиле «*корреляционного мышления*»). В эмпирической социологии типологизация как процедура зачастую невозможна без факторизации, но в ее рамках наблюдается «*типологическое мышление*» в отличие от «*корреляционного*». Исследователи оперируют и мыслят понятиями *схожести-различий* изучаемых объектов, латентно существующих типологических групп, социальных типов. Типологический метод познания социальной реальности именно в рамках эмпирической социологии крайне трудоемкая процедура. Не случайно в материалах Всероссийского социологического конгресса-2021 редкий жанр – научная рефлексия не только о типологизации, но и в целом о многомерном анализе. По этим материалам можно уловить тенденции в стилях мышления исследователей. Наблюдается: высокий уровень методологической толерантности, доведенной до безразличия; «мышление переменными» и связями между ними (в лучшем случае факторизация искомых переменных); понимание многомерности как многоаспектности, сворачиваемой в одномерность (формирование индексов без должного обоснования). Уровень методологической культуры не повышается, трактовка амбивалентности факторов развития *методного знания* не претерпевает особых изменений [Татарова, 2008].

Мышление социальными типами диктуется желанием исследователей решить *проблему качественной однородности*, которая как проблема методологическая возникает практически в каждом социологическом исследовании. В любой изучаемой социальной группе (вне зависимости от объема) наблюдается внутренняя дифференциация. Задача выделения латентных образований, социально значимых, качественно однородных по одним показателям и различных по другим, – базовая для эмпирической социологии. В процессе ее решения исследователю необходимы инструментальные средства выделения таких латентных образований на основе сходства и различия членов группы. Принципиально различаются две ситуации: исследователь либо проверяет гипотезу о существовании социальных типов в заданном им смысле, либо ищет эмпирические закономерности (типологические синдромы), позволяющие выдвинуть гипотезу о существовании социальных типов [Татарова, 2007].

Для иллюстрации мышления социальными типами можно обратиться к популярной теории Дж. Гилфорда, в которой различается два типа мышления: продуктивное конвергентное и творческое дивергентное мышление. Первое направлено на поиск одного решения задачи, второе имеет множественную направленность поисков подходящих ответов к задаче. Мышление социальными типами – пример дивергентного мышления. Рефлексия о качественной однородности как методологической проблеме – это один из векторов развития теории типологизации.

В следующих трех сюжетах, выступающих в роли *трех кейсов*, иллюстрирующих востребованность «типологического поворота», ссылаемся на относительно «свежие» публикации, хотя многие обсуждаемые в них вопросы не новы. В отечественной социологии советского периода такого рода вопросам уделялось значительное внимание в контексте разработки аксиоматических положений, формирующих основы математической социологии [Типология и классификация..., 1982; Анализ нечисловой информации..., 1984; Интерпретация и анализ данных..., 1987; Математические методы..., 1989; Толстова, 1986;

1998а; 1998б]. Обсуждаемые в этих публикациях идеи относились к различению понятий *типологизация* и *классификация*, к логике выбора мер близости между объектами, к совместному применению разных алгоритмов классификации и др.

Трактовка типологического метода как особого языка анализа социологических данных [Татарова, 2007]; дефиниции концепта «социальный тип» [Татарова, 2012]; функции типологического метода [Бабиц, 2012] – это структурные элементы теории типологизации, которые требуют перманентного развития. Многоуровневая языковая структура типологического анализа [Татарова, 2007: 83] позволяет отделять понятия с корнем «тип» (*тип, типология, типологический анализ, типологический синдром и др.*) с многовариантной эмпирической интерпретацией от понятий с корнем «класс», подвергающихся математической формализации. Переход от «формальной классификации» к «содержательной типологии» в процессе решения проблемы качественной однородности на каждом предметном поле решается по собственной логике, поэтому структурным элементом теории типологизации можно считать *классификацию* возможных исследовательских практик и, соответственно, её основания.

Задачи поиска и выявления социально значимых латентных образований тесно связаны с контекстом построения «*концептуальных типологий*».

Потенциал «концептуальных типологий». Типологический метод в социальных науках возникает прежде всего как теоретическое конструирование «*концептуальных типологий*» (в равной мере это актуально как для теоретической, так и для эмпирической социологии). Особого внимания заслуживает позиция американского политолога, авторитетного специалиста в области методологии политологических исследований Д. Коллиера², одного из авторов главы о типологиях в оксфордском учебнике по методологии политологических исследований [Collier et al., 2008], в которой подчеркивается, что концептуальные типологии – мощный и эффективный аналитический инструмент, который может быть полезен при формировании и уточнении концептов, определении ключевых признаков, характеристик объектов, для формулирования причинно-следственных выводов; соблюдая должную аналитическую строгость и аккуратность, необходимо «*заставить типологии работать*» [Collier et al., 2012].

Несмотря на высокий эвристический потенциал концептуальных типологий, по мнению Д. Коллиера и его соавторов, они часто подвергаются неоправданной критике, воспринимаются как «*старомодные и бесхитростные*», что вызвано пониманием измерения в узком смысле как квантификации, стремлением к конструированию шкал отношений и абсолютных, трактуемых как шкалы «более высокого уровня» и содержащих больше информации. Пренебрежение концептуальными типологиями, конструируемыми, как правило, в виде *категориальных переменных*, объясняется острой критикой номинальных шкал, присутствующей в современной литературе (в учебных пособиях 2000-х гг., представляющих номинальные шкалы как «слабые», менее точные, рекомендующих использовать более высокие уровни измерения везде, где это возможно), и в трудах методологов старших поколений. В подтверждение авторы [Collier et al., 2012: 219] приводят высказывания С. Стивенсона: «номинальные шкалы примитивны» (1946); Х. Блейлока: «одно из основных препятствий на пути к успешной концептуализации в социальных науках – тенденция полагаться преимущественно на категориальные данные и обсуждения наименования категорий», «исследователи, которые работают с номинальными шкалами, страдают от «концептуальной лени»» (1982), О.Д. Дункана, отвергающего номинальные и порядковые шкалы как не являющиеся формами измерения, так как цель измерения – квантификация, установление «степеней» (1984).

² Дэвид Коллиер – профессор Калифорнийского университета в Беркли. Лауреат престижной международной научной Премии Юхана Шютте в политической науке (2014 г.) за вклад в концептуальную разработку и переосмысление качественных методов в политологии.

Подобная критика может вводить в заблуждение, поскольку политические и социальные свойства, характеристики, признаки не всегда квантифицируемы; есть «искушение обращаться с данными так, как если бы они содержали информацию, которую на самом деле могут и не содержать» [Collier et al., 2012: 220]. Принятие как данности при отсутствии оснований, что изучаемые признаки и характеристики – количественные, приводит к неутешительным последствиям: «сохранение видимости более высокого уровня измерения может скорее исказить, чем улучшить, информацию о реальном мире, содержащуюся в данных на более низком уровне измерения» [Collier et al., 2012: 220]. Схожую точку зрения высказывал в 1956 г. П. Сорокин в известном труде «Квантофрения», причисляя к её проявлениям ложное количественное нешкалируемых качественных данных [Сорокин, 1999].

Д. Коллиер отмечает, что, хотя предпринимаются попытки разработать статистические инструменты, позволяющие на основе совокупности порядковых и дихотомических переменных конструировать латентную «метрическую» переменную, они опираются на большое количество непроверяемых или трудно проверяемых предположений. Стремление достичь непременно более высокого уровня измерения (с целью иметь возможность использовать больше разнообразных статистических методов) представляется неоправданным, учитывая, что арсенал инструментов анализа, рассчитанных на номинальные и порядковые шкалы, достаточно обширен и продолжает пополняться.

Рекомендации по корректному конструированию типологий и последующему их использованию в качестве аналитического инструмента заключаются в следующем [Collier et al., 2008; Collier et al., 2012: 222–223]: необходимо чётко и ясно формулировать *концепт* (обобщающее понятие, характеристика, свойство, которое измеряет конструируемая типология); *признаки*, которые определяют существование типа (показатели, сочетание значений которых характеризует сущность типа (*типообразующие признаки*)); *сами типы* (все теоретически возможные проявления, виды явления, обозначенного концептом).

Потребность в обращении к типологическому методу познания в современных реалиях связана не только с его потенциалом как теоретического аналитического инструмента, но и продиктована ограниченностью корреляционного мышления, ставшего крайне популярным для решения содержательных задач на эмпирическом уровне.

Ограниченность «корреляционного мышления». Мода на определенные подходы к анализу данных, чрезмерное увлечение отдельными инструментами, приводящие к преувеличению их возможностей, пренебрежению ограничениями и допущениями, вызывает закономерную критику. Для иллюстрации обратимся к вышедшей в 2013 г. в журнале «Academy of Management Journal» статье «Комментарий редакторов: стили теоретизирования и социальная организация знаний» [Delbridge, Fiss, 2013], авторы которой – Р. Делбридж и П. Фисс – на момент публикации являлись членами редколлегии этого журнала³. Они высказывают обеспокоенность тем, что, несмотря на многообразие способов теоретизирования в социальных науках, в менеджменте активно используются лишь некоторые из них; отмечают смещение внимания на эмпирическое тестирование причинно-следственных гипотез, распространённость статистических методов обработки данных в ущерб другим подходам. Имея за плечами опыт работы в редколлегиях ведущих журналов отрасли, Р. Делбридж и П. Фисс критикуют доминирование в современных исследовательских практиках корреляционного анализа и оценок эффектов (независимого, самостоятельного вклада потенциальных детерминант), которые, по их мнению, «привели к соответствующей гегемонии корреляционного теоретизирования, подавляя другие формы теоретизирования и приводя к обеднённому пониманию интересующих нас явлений»

³ Рик Делбридж – профессор Кардиффского университета (Уэльс, Великобритания), в настоящее время соредактор журнала «Journal of Management Studies», член редколлегии журнала «Organization». Пир Фисс – заведующий кафедрой делового администрирования, профессор менеджмента и организации в университете Южной Калифорнии, в разные годы главный редактор, член редколлегии журнала «Organization Science», член редакционных советов ведущих американских и британских журналов в сфере менеджмента.

[Delbridge, Fiss, 2013: 325], формированию так называемого «корреляционного мышления» и к упадку в развитии и совершенствовании *типологических теорий*.

На негативные последствия чрезмерного увлечения определенным видом анализа обращает внимание Ф. Шродт, анализируя «семь грехов» (они в равной мере относятся к социологии) количественного анализа в политологии. При этом он использует меткое выражение по поводу популярности регрессионных моделей – *танцуют все* [Шродт, 2016].

Р. Делбридж и П. Фисс подчеркивают, что корреляционный подход может быть мощным инструментом изучения социальных явлений. Но «он, возможно, используется слишком часто и, иногда, ненадлежащим образом» [Delbridge, Fiss, 2013: 328], способствуя формированию и неоправданному распространению определённой исследовательской оптики, которую в конце 1980-х гг. Э. Эббот назвал «*общей линейной реальностью*» [Abbott, 1988].

К основным недостаткам «корреляционного» подхода относят его непригодность для работы с такими фундаментальными понятиями причинности, как «необходимость» и «достаточность», и в ситуациях, когда причины скорее сочетаются, чем конкурируют, чтобы привести к результату, и «могут быть ни необходимыми, ни достаточными сами по себе» [Delbridge, Fiss, 2013: 328]. «Корреляционному мышлению» они противопоставляют *типологию как форму теоретизирования*, которая в определенных случаях адекватнее при описании изучаемых явлений.

В отклике на статью Р. Делбриджа и П. Фисса американские исследователи Ч. Сноу и Д. Кэтчен [Snow, Ketchen, 2014] соглашаются с тем, что сфера организационных исследований обогатится, если возобновить упор на *теоретизирование*, основанное на построении типологий. Поскольку «систематическое упорядочение основных элементов изучаемого явления формирует начальные строительные блоки («кирпичики». – Прим. авт.) для разработки теории», «хорошо разработанные типологии – нечто большее, чем просто системы классификаций» [Snow, Ketchen, 2014: 231]. Они выделяют два основных направления развития типологического теоретизирования (*typology-driven theorizing*): рассмотрение существующих в организационных науках типологий на предмет необходимости их корректировки так, чтобы они отражали современные реалии; конструирование и апробация новых типологий, и подчеркивают, что конструирование типологий должно сопровождаться теоретической рамкой, позволяющей заложить основу последующего теоретизирования: «В отсутствие теории типология может дать описание и прогноз, но не может дать объяснения» [Snow, Ketchen, 2014: 232].

В контексте рассматриваемого сюжета важно подчеркнуть, что в упомянутых работах отечественных социологов 1980-х гг., работающих в области применения математических методов многомерного анализа в социологии, активно обсуждались вопросы изучения *взаимодействия переменных*. Эта тема нова только для «предметников», поскольку в ситуации доступности методов и их использования без участия специалистов по методам, корреляционное мышление приводит к определенным коллизиям.

Следующий сюжет, к рассмотрению которого переходим для обоснования востребованности в типологическом повороте, связан с тем, что практика анализа социологических данных опирается в основном на профили социальной группы как целостности, оставляя без должного внимания профиль личности.

От профиля группы к профилю личности. В исследовательской практике распространенным является представление о том, что каждая потенциальная детерминанта социального явления может анализироваться как независимая от других. Очевидна необходимость не оценивать изолированные эффекты объясняющего фактора, а рассматривать в качестве детерминант изучаемого явления сочетания (взаимодействия переменных) значений нескольких признаков, описывающих принадлежность объекта к тому или иному типу. Особенно отчетливо это декларируется в психологии, в частности, в рамках личностно-ориентированного подхода, основы которого были сформулированы шведским психологом Д. Магнуссом, а сейчас развиваются его последователями. Один из

наиболее активных среди них – Ларс Бергман⁴ – в своих публикациях призывает возродить типологический подход [Bergman et al., 2017] и особое внимание уделяет методам многомерной классификации.

В рамках личностно-ориентированного подхода акцентируется внимание на изучении человека как целостности (функционирование которой обеспечивается посредством взаимодействия составляющих её элементов), критикуется чрезмерное увлечение выявлением тенденций на уровне всего населения и рассмотрение характеристик человека по отдельности (вне взаимосвязи друг с другом). Вместе с тем подчеркивается важность изучения *конфигураций* характеристик человека – наиболее распространенных, соответствующих / не соответствующих теоретическим ожиданиям, и *классификации индивидов по сочетаниям этих характеристик*. Основными инструментами анализа данных в рамках данного подхода являются конфигурационный анализ (configurational analysis, подсчёт частоты встречаемости сочетаний значений признаков) и разнообразные алгоритмы классификаций. Не случайно именно им уделено значительное внимание в монографии, раскрывающей основы личностно-ориентированного подхода [Bergman et al., 2003].

Само название данного подхода – «личностно-ориентированный» (person-oriented) выстроено на противопоставлении подходу «ориентированному на переменные» (variable-oriented) с целью подчеркнуть необходимость изучения не столько взаимосвязи между переменными («на глобальном уровне», с помощью статистических моделей), сколько важность *идентификации сочетания признаков*, описывающих изучаемое явление. Признавая, что оба подхода могут быть взаимодополняющими, подчеркивается, что они всё же являются «окнами в разные миры. Один представляет собой линейный мир переменных, другой – мир закономерностей, состоящих из неразрывно переплетенных компонентов» [Bergman, Trost, 2006: 629].

Л. Бергман с коллегами подчеркивает, что «стремление продемонстрировать причинно-следственную связь должно иметь меньший вес в большинстве личностно-ориентированных исследований и должно быть заменено, например, поиском *устойчивых формирующихся типичных паттернов и их значимых связей во времени*» [Bergman, Lundh, 2015: 5]. В этом контексте тип понимается как распространённая в данных комбинация значений переменных (встречающаяся чаще, чем предполагалось базовой моделью – ситуацией независимости признаков), вводится понятие «антитип» («белое пятно») для обозначения не встречающихся или *редко встречающихся конфигураций* [Bergman, Lundh, 2015]. Обращается внимание на измерение переменных и необходимость оперирования сопоставимыми шкалами, отмечается проблематичность использования линейных моделей (вычисление значения фактора на основе совокупности переменных), некорректность «использования результатов изучения межиндивидуальных вариаций (факторный анализ), чтобы делать выводы о том, что действительно происходит на индивидуальном уровне» [Bergman, Lundh, 2015: 4].

Поскольку индивид рассматривается как «организованная целостность», функционирование которой обеспечивается за счёт *взаимодействий* её составляющих («невозможно даже представить себе, как одним компонентом можно управлять одновременно, не затрагивая, не влияя на другие» [Bergman, Lundh, 2015: 5]), Л. Бергман с коллегами подчеркивает, что «*ориентированный на переменные подход во многих исследовательских контекстах несовместим с основными, базовыми допущениями исследуемого процесса*» [Bergman et al., 2017: 49], которым в большей степени соответствует *типологический подход* – фокусировка на поиске наиболее распространенных паттернов, понимаемых как конфигурации характеристик объектов исследования. Авторы утверждают, что «*необходимо возрождение типологического подхода*» [Bergman et al., 2017: 49] к изучению психологических феноменов.

⁴ Ларс Бергман – профессор Департамента психологии университета Стокгольма, председатель Скандинавского общества личностно-ориентированных исследований.

Схожие идеи высказывал отечественный психолог Е.П. Ильин – основатель научной школы по общей и дифференциальной психофизиологии спортивной и трудовой деятельности, автор экспресс-методик диагностики *типологических особенностей* свойств нервной системы. По результатам многолетних исследований разных профессиональных групп Е.П. Ильин пришёл к выводу о необходимости выявления не одного свойства нервной системы (например, силы), а *типологических комплексов* (сочетания типологических особенностей свойств нервной системы, влияющих на психологические характеристики) [Ильин, 2008: 83–85]. Такой подход позволяет наилучшим образом учитывать природу психологических феноменов, «поскольку способности, склонности, стиль деятельности, устойчивость к развитию неблагоприятных состояний человека обусловлены по большей части не одним свойством нервной системы, а многими» [Ильин, 2008: 84], каждое свойство может усиливать или ослаблять действие другого. Тем самым он подчеркивал важность изучения не столько индивидуального, независимого «влияния» детерминант, сколько эффектов их взаимодействия. Идеи Е.П. Ильина не новы в психологической науке, но звучат как «призывы» к актуализации проблематики типологического метода.

Иллюстрации востребованности типологического поворота в современных реалиях, представленные в рассмотренных выше сюжетах, имеют прямое отношение к эмпирической социологии и важны для обозначения векторов развития теории типологизации. На данном этапе типологический метод в форме кластерного анализа стал *рутинной процедурой*, ориентированной на многомерный анализ данных массовых опросов.

Авторы статьи придерживаются идеи прагматического подхода к развитию типологического метода, который в преломлении к эмпирической социологии приобретает характер *диагностической процедуры*, инструмента социологического сопровождения процессов принятия управленческих решений. Рассмотрим схематично проблемы, возникающие на пути реализации этой идеи [Татарова, Бессокирная, Кученкова, 2021; Татарова, Кученкова, 2016].

«Методологические ловушки» в процессе типологического анализа. В эмпирической социологии ключевым понятием для обозначения процедуры реализации типологического метода является *типологический анализ*. Предложенная дефиниция [Татарова, 2007: 72] не противоречит классическим наработкам⁵, связанным с идеальными типами в Веберовском смысле, представлениями о конструктивных типах по Г. Беккеру и Дж. Мак-Кинну, о типологических операциях П. Лазарсфельда. В системе языковых конструктов типологического анализа они несколько упрощаются, приобретая транспарентный характер для социолога-практика. К примеру, идеальные типы – это суть *типобразующие признаки*. На уровне реальных объектов – это в разной степени выраженные в них свойства разной природы.

Типологический анализ как технология различается на отдельных предметных полях в зависимости от основания типологии, системы целеполагания, специфики типобразующих признаков. Такие технологии объединяют *«методологические ловушки»*, возникающие в процессе реализации метода. Обращение к этой метафоре позволяет акцентировать внимание на опасностях, не всегда осознаваемых исследователями на практике и вытекающих из недостаточной обоснованности концептуальных моделей измерения переменных; из ограниченности локальных методических решений; из избыточности теоретико-методических проблем сбора и математического анализа данных; из труднодоступности инструментов их решения.

Первой, играющей заглавную роль среди методологических ловушек, является опасность «переусложнения/переупрощения» типологической модели. Она связана с «вечными» профессиональными проблемами, возникающими в процессе выстраивания архитектуры эмпирического исследования. Какой бы сложной ни была сама концептуальная модель, в процессе операционализации базовые понятия сужаются, иногда до недопустимого уровня. Тогда и переход от обнаруженных эмпирических закономерностей

⁵ Описание различий в типологических подходах можно найти в работе [Бабич, 2008: 32–36].

к теоретическим обобщениям представляется затруднительным. Чтобы минимизировать этот эффект в языковой структуре типологического анализа, следует различать: понятия, которые «вредно» подвергать эмпирической интерпретации (тип, типология, типологический анализ); понятия с многовариантной интерпретацией (типообразующие признаки, основание типологии, априорная типология – мы их называем основными понятиями типологического анализа); понятия, подвергающиеся математической формализации. Когнитивно сложные модели в массовых опросах практически невозможно реализовать. Особенно это относится к формализации *основания типологии* (совокупность суждений о близости, похожести объектов классификации). Кроме этого может произойти потеря «социологической контекстуальности» (специфика данных, цели анализа, требования к «прозрачности» процедур анализа и др.). Это наглядно видно на примере постановки задачи типологического анализа с целью социологического сопровождения процессов принятия управленческих решений в сфере труда [Татарова и др., 2021]. Опасность «переупрощения» более очевидна, чем опасность «переусложнения». На практике наблюдаем зачастую очевидность результатов типологического анализа, примитивность *основания типологии* и структуры *типообразующих признаков*.

Второй по важности методологической ловушкой является установка на «построение типологии», которая не выдерживает критики в ситуации отдельно взятого эмпирического исследования. В реальности у исследователя выбор из двух вариантов «типологического мышления». Первый – проверка гипотезы о существовании социальных типов в заданном исследователем смысле. Под ним понимается диагностика на вполне определенной математической модели. Второй – поиск эмпирических закономерностей, на основе которых можно сформулировать гипотезу о существовании социальных типов, т.е. поиск *типологических синдромов*. Третий вариант в рамках локального исследования невозможен. Построение типологии – прерогатива теоретических обобщений по результатам накопленных эмпирических закономерностей, а также в рамках построения «концептуальных типологий».

Третья по важности методологическая ловушка связана с *типообразующими признаками* (показатели, детерминирующие существование социальных типов). Трудно рассчитывать на «хороший» результат типологического анализа, если не различать их *функциональные роли*. В процессе поиска знаний о социальных типах имеет смысл различать три группы *типообразующих признаков*: описывающие основание типологии, участвующие в предварительном разбиении (*априорная типология*) объектов, выступающие в роли кандидатов на дополнительные детерминанты существования социальных типов. Две последние группы не участвуют в самой процедуре классификации объектов. На основе первой группы осуществляется выявление типологических групп, опираясь на триаду «*типообразующий признак – эмпирические индикаторы – классификационные признаки*». К примеру, рефлексия об этой триаде в области типологического анализа населения по характеру субъективного благополучия способствовала реконструкции *типообразующих признаков* [Татарова, Кученкова, 2016] и привела к выводу, что основной детерминантой субъективного благополучия является этап жизненного цикла [Кученкова, Татарова, 2019].

Четвертая методологическая ловушка связана с адекватностью математической формализации. В процессе типологического анализа именно в эмпирической социологии следует методы многомерного анализа использовать в *мягкой стратегии*, которая не предполагает жестких количественных оценок. Во-первых, крайне важен тезис о том, что в роли алгоритма классификации может выступать любой математический метод, если он относительно адекватно формализует основание типологии и если наблюдается *устойчивость кластерных решений*. Во-вторых, факторизация исходных для анализа переменных как необходимая основа введения независимых между собой классификационных признаков может осуществляться также посредством разных алгоритмов, но при этом должна наблюдаться *устойчивость факторной структуры*. В типологическом анализе проблема устойчивости факторных и кластерных решений играет важную роль, особенно в пре-ломлении к сфере трудовой деятельности [Татарова, Бессокирная, 2018].

Выделенные методологические ловушки вкупе с предыдущими сюжетами обозначают контуры дальнейшего развития теории типологизации в эмпирической социологии.

Выводы. 1. Полагаем, что приведенные в статье сюжеты позволяют в достаточной мере обосновать востребованность типологического поворота в эмпирической социологии, существование потребности развития теории типологического анализа в социологических исследованиях. Возможны различные векторы такого развития, включая расширение исследовательских практик использования типологического анализа на разных предметных полях, опираясь на всевозможные технологии реализации и с минимизацией эффектов «методологических ловушек», возникающих в исследовательском процессе. Представляется продуктивной и идея прагматического подхода к развитию типологического метода, создания инструментов социологического сопровождения процессов принятия управленческих решений, играющих роль *диагностических процедур*.

2. Векторы развития типологического анализа детерминированы самими разными плоскостями теоретизирования. Актуализированы следующие контексты рефлексии о методе: рассмотрение качественной однородности как методологической проблемы в эмпирической социологии; анализ потенциала «концептуальных типологий»; сочетание «корреляционного мышления» и «типологического мышления» в рамках отдельного исследования; движение в процессе анализа данных от профиля личности к профилю социальной общности. Эти контексты создают благоприятные условия для развития языковой и логической структур типологического анализа как средства концептуализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анализ нечисловой информации в социологических исследованиях / Отв. ред. В.Г. Андреенков, А.И. Орлов, Ю.Н. Толстова. М.: Наука, 1985.
- Бабич Н.С. Функции типологического метода в социологии // Теория и практика общественного развития. 2012. № 11. С. 84–89.
- Бабич Н.С. Контент-анализ популярности типологического метода в западной социологии XX в. // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2008. № 27. С. 30–47.
- Бабич Н.С. Эволюция типологического метода в западной социологии XX века: автореф. дис. ... канд. соц. н. М., 2010.
- Бэр П. Социология остановлена // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 3–15. DOI: 10.31857/S013216250010090-2.
- Гофман А.Б. О модах в современной теоретической социологии // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 21–28.
- Девятко И.Ф. Социологическая теория: старые трудности, новые вызовы // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 3–11. DOI: 10.31857/S013216250016657-5.
- Дудина В.И. «Пересборка» социологии: цифровой поворот и поиски новой теоретической оптики // Социологические исследования. 2021. № 11. С. 3–11. DOI: 10.31857/S013216250016829-4.
- Иванов Д.В. Тренд метатеоретизирования в современной социологии // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 3–10. DOI: 10.7868/S0132162517110010.
- Ильин Е.П. Дифференциальная психология профессиональной деятельности. СПб.: Питер, 2008.
- Кравченко С.А. Востребованность «поворота ригидности» для устойчивого развития: контуры концепции // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 12–22. DOI: 10.31857/S013216250015998-0.
- Кравченко С.А. Сложный социум: востребованность поворотов в социологии // Социологические исследования. 2012. № 5. С. 19–29.
- Кученкова А.В., Татарова Г.Г. «Этап жизненного цикла» как детерминанта субъективного благополучия личности // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 30–43. DOI: 10.31857/S013216250006135-1.
- Математические методы анализа и интерпретация социологических данных / Отв. ред. В.Г. Андреенков, Ю.Н. Толстова. М.: Наука, 1989.
- Платонова С.И. «Четвертая парадигма» научных исследований и социогуманитарные науки // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. № 23(3). С. 7–24. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.3.1.
- Романовский Н.В. Современная социология: детерминанты перемен // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 26–35.
- Сорокин П.А. Квантофрения // Рубеж. 1999. № 13–14. С. 4–35.

- Татарова Г.Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях. М.: Высшее образование и наука, 2007.
- Татарова Г.Г. Концепт «социальный тип» в эмпирических исследованиях // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. Материалы очередного IV Всероссийского социологического конгресса. Официальный сайт РОС. 2012. С. 7181–7194. URL: [https://www.isras.ru/files/File/publ/Tatarova_IV_Kongress\(1\).pdf](https://www.isras.ru/files/File/publ/Tatarova_IV_Kongress(1).pdf) (дата обращения: 23.03.2022).
- Татарова Г.Г. Методология эмпирической социологии: амбивалентность факторов развития // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2008. № 27. С. 3–29.
- Татарова Г.Г., Бессокирная Г.П. Об устойчивости измерений в процессе реконструкции социальных типов рабочих как объектов управления // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6. № 2. С. 52–69. DOI: 10.19181/snsp.2018.6.2.5856.
- Татарова Г.Г., Бессокирная Г.П., Кученкова А.В. Субъективное благополучие на работе: исследовательские практики социологического измерения // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 37–49. DOI: 10.31857/S013216250015546-3.
- Татарова Г.Г., Кученкова А.В. Показатели субъективного благополучия как типобразующие признаки // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 21–32.
- Типология и классификация в социологических исследованиях / Отв. ред. В.Г. Андреенков, Ю.Н. Толстова. М.: Наука, 1982.
- Толстова Ю.Н. Математическая логика, теория измерений и социологическое «мышление признаками» // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 1998а. № 10. С. 122–141.
- Толстова Ю.Н. Математические методы в социологии // Социология в России / Под. ред. В.А. Ядова. М.: ИС РАН, 1998б. С. 83–89.
- Толстова Ю.Н. Обеспечение однородности исходных данных в процессе применения математических методов // Социологические исследования. 1986. № 3. С. 149–154.
- Тощенко Ж.Т. От феномена к ноумени: опыт методологического и методического поиска // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250004582-3.
- Шродт Ф.А. Семь смертных грехов современного количественного анализа в политической науке // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2016. № 43. С. 154–210.
- Abbott A. Transcending General Linear Reality // Sociological Theory. 1988. Vol. 6. No. 2. P. 169–186. URL: <https://www.jstor.org/stable/202114> (дата обращения: 23.03.2022).
- Bergman L.R., Lundh L.-G. Introduction: The person-oriented approach: Roots and roads to the future // Journal for Person-Oriented Research. 2015. Vol. 1. No. 1–2. P. 1–6. DOI: 10.17505/jpor.2015.01.
- Bergman L.R., Magnusson D., El-Khoury B.M. Studying individual development in an interindividual context. A Person-oriented approach. Mahwah, New Jersey, London: Lawrence-Erlbaum Associates, 2003.
- Bergman L.R., Trost K. The person-oriented versus the variable-oriented approach: Are they complementary, opposites, or exploring different worlds? // Merrill-Palmer Quarterly. 2006. Vol. 52. No. 3. P. 601–631.
- Bergman L.R., Vargha A., Kövi Zs. Revitalizing the typological approach: Some methods for finding types // Scandinavian Society for Person-Oriented Research. 2017. Vol. 3. No. 1. P. 49–62. DOI: 10.17505/jpor.2017.04.
- Campbell C. Has Sociology Progressed? Reflections of an Accidental Academic. Cham: Palgrave Macmillan, 2019.
- Collier D., LaPorte J., Seawright J. Putting Typologies to Work: Concept Formation, Measurement, and Analytic Rigor // Political Research Quarterly. 2012. Vol. 65. No. 1. P. 217–232.
- Collier D., LaPorte J., Seawright J. Typologies: forming concepts and creating categorical variables // Box-Steffensmeier J.M., Brady H.E., Collier D., eds. Oxford Handbook of Political Methodology. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 152–173.
- Delbridge R., Fiss P.C. Editors' comments: Styles of theorizing and the social organization of knowledge // Academy of Management Review. 2013. Vol. 38. No. 3. P. 325–331. URL: <https://www.jstor.org/stable/43700493> (дата обращения: 23.03.2022).
- Snow Ch.C., Ketchen Jr.D.J. Typology-Driven Theorizing: A Response to Delbridge and Fiss // The Academy of Management Review. 2014. Vol. 39. No. 2. P. 231–233.

Статья поступила: 12.04.22. Финальная версия: 04.06.22. Принята к публикации: 08.06.22.

THE DEMAND FOR THE "TYPOLOGICAL TURN" IN EMPIRICAL SOCIOLOGY

TATAROVA G.G.*, KUCHENKOVA A.V. *

*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Galina G. TATAROVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Chief Researcher (tatarova-gg@rambler.ru); Anna V. KUCHENKOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Researcher (a.v.kuchenkova@gmail.com). Both – Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Abstract. In the process of the development of sociological methodology, there periodically arises a need to update the issues of explicating ideas about the "old" classical concepts. For concepts from the "methodological area", such "turns" contribute to the capacity expansion of well-known tools, increasing the heuristic potential of concepts not "fashionable" in current realities. This article proposes "typological turn" metaphor to describe the demand for developing typological method of social understanding. In empirical sociology, theoretical and methodological problems of implementing the method are associated with a special type of multidimensional data analysis – typological one. It is interpreted both as a specific research strategy, or as a means of conceptualization, and as a way of diagnosing social reality. In recent years, the demand for "typological turn" has been discussed not so much in the field of sociological research, but rather in areas related to sociology. Therefore, special attention is paid to the analysis of these ideas in the article. The rationale for the turn to a typological approach in studying social phenomena is also based on the authors' own long-term investigation of the development of methodological solutions for conducting typological analysis in various research situations.

Keywords: typological turn, typological method, typological analysis, factorization, typologization, correlational thinking, typological thinking, qualitative homogeneity, overcomplication / oversimplification of the typological model.

REFERENCES

- Abbott A. (1988) Transcending General Linear Reality. *Sociological Theory*. Vol. 6. No. 2: 169–186. URL: <https://www.jstor.org/stable/202114> (accessed 23.03.2022).
- Andreenkov V.G., Orlov A.I., Tolstova Yu.N., eds. (1985) *Analysis of non-numerical information in sociological research*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Andreenkov V.G., Tolstova Yu.N., eds. (1982) *Typology and classification in sociological research*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Andreenkov V.G., Tolstova Yu.N., eds. (1989) *Mathematical methods of analysis and interpretation of sociological data*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Babich N.S. (2008) Content analysis of the popularity of the typological method in Western sociology of the XX century. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoye modelirovaniye* [Sociology: methodology, methods, mathematical modeling]. No. 27: 30–47.
- Babich N.S. (2010) *Evolution of the typological method in Western sociology of the 20th century: summary of the dissertation for the degree of candidate of sociology*. Moscow. (In Russ.)
- Babich N.S. (2012) Functions of typological method in social science. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. No. 11: 84–89. (In Russ.)
- Baehr W.P. (2020) The Arrest of Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 3–15. DOI: 10.31857/S013216250010090-2. (In Russ.)
- Bergman L.R., Lundh L.-G. (2015) Introduction: The person-oriented approach: Roots and roads to the future. *Journal for Person-Oriented Research*. Vol. 1. No. 1–2: 1–6. DOI: 10.17505/jpor.2015.01.
- Bergman L.R., Magnusson D., El-Khouri B.M. (2003) *Studying individual development in an interindividual context. A Person-oriented approach*. Mahwa, New Jersey, London: Lawrence-Erlbaum Associates.
- Bergman L.R., Trost K. (2006) The person-oriented versus the variable-oriented approach: Are they complementary, opposites, or exploring different worlds? *Merrill-Palmer Quarterly*. Vol. 52. No. 3: 601–631.
- Bergman L.R., Vargha A., Kövi Zs. (2017) Revitalizing the typological approach: Some methods for finding types. *Scandinavian Society for Person-Oriented Research*. Vol. 3. No. 1: 49–62. DOI: 10.17505/jpor.2017.04.
- Campbell C. (2019) *Has Sociology Progressed? Reflections of an Accidental Academic*. Cham: Palgrave Macmillan.
- Collier D., LaPorte J., Seawright J. (2008) Typologies: forming concepts and creating categorical variables. In: Box-Steffensmeier J.M., Brady H.E., Collier D. (eds) *Oxford Handbook of Political Methodology*. Oxford: Oxford University Press: 152–173.
- Collier D., LaPorte J., Seawright J. (2012) Putting Typologies to Work: Concept Formation, Measurement, and Analytic Rigor. *Political Research Quarterly*. Vol. 65. No. 1: 217–232.

- Delbridge R., Fiss P.C. (2013) Editors' comments: Styles of theorizing and the social organization of knowledge. *Academy of Management Review*. Vol. 38. No. 3: 325–331. URL: <https://www.jstor.org/stable/43700493> (accessed 23.03.2022).
- Deviatko I.F. (2021) Sociological Theory: Old Problems, New Challenges. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 3–11. DOI: 10.31857/S013216250016657-5. (In Russ.)
- Dudina V.I. (2021) "Reassembling Sociology": Digital Turn and Searching for New Theoretical Optics. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 3–11. DOI: 10.31857/S013216250016829-4. (In Russ.)
- Gofman A.B. (2013) On fashions in contemporary theoretical sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 21–28. (In Russ.)
- Ilyin E.P. (2008) *Differential psychology of professional activity*. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Ivanov D.V. (2017) Metatheorizing trend in the current sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 3–10. DOI: 10.7868/S0132162517110010. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2012) Complex society: demand for turns in sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 19–29. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2021) The Demand of the "Rigidity Turn" for The Sustainable Development: Contours of the Concept. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 12–22. DOI: 10.31857/S013216250015998-0. (In Russ.)
- Kuchenkova A.V., Tatarova G.G. (2019) "Life-cycle Stage" as a Determinant of Personal Subjective Wellbeing. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 30–43. DOI: 10.31857/S013216250006135-1. (In Russ.)
- Platonova S. (2020) The fourth paradigm of scientific research and social sciences and humanities. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. No. 23(3): 7–24. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.3.1. (In Russ.)
- Romanovsky N.V. (2009) Modern sociology: determinants of change. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 26–35. (In Russ.)
- Schrodt Ph.A. (2016) Seven Deadly Sins of Contemporary Quantitative Political Analysis. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie* [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling]. No. 43: 154–210. (In Russ.)
- Snow Ch.C., Ketchen Jr.D.J. (2014) Typology-Driven Theorizing: A Response to Delbridge and Fiss. *The Academy of Management Review*. Vol. 39. No. 2: 231–233.
- Sorokin P.A. (1999) Quantophrenia. *Rubezh (Al'manakh sotsial'nykh issledovaniy)* [Frontier (Almanac of Social Research)]. No. 13–14: 4–35. (In Russ.)
- Tatarova G.G. (2007) *Fundamentals of typological analysis in sociological research*. Moscow: Vysshee obrazovanie i nauka. (In Russ.)
- Tatarova G.G. (2008) Methodology of empirical sociology: ambivalence of development factors. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoye modelirovaniye* [Sociology: methodology, methods, mathematical modeling]. No. 27: 3–29. (In Russ.)
- Tatarova G.G. (2012) The concept of "social type" in empirical research. In: *Sociology and Society: Global Challenges and Regional Development*. Materials of the IV All-Russian Sociological Congress. URL: [https://www.isras.ru/files/File/publ/Tatarova_IV_Kongress\(1\).pdf](https://www.isras.ru/files/File/publ/Tatarova_IV_Kongress(1).pdf) (accessed 25.03.2022). (In Russ.)
- Tatarova G.G., Bessokirnaya G.P. (2018) On the Reliability of Measurements in the Process of Reconstructing Social Types of Workers as Objects of Management. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [The journal Sociological Science and Social Practice]. Vol. 6. No. 2: 52–69. DOI: 10.19181/snsp.2018.6.2.5856. (In Russ.)
- Tatarova G.G., Bessokirnaya G.P., Kuchenkova A.V. (2021) Subjective Well-Being at Work: Research Practices of Sociological Measurement. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 37–49. DOI: 10.31857/S013216250015546-3. (In Russ.)
- Tatarova G.G., Kuchenkova A.V. (2016) Indicators of subjective well-being as characteristics for typology building. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 21–32. (In Russ.)
- Tolstova Yu.N. (1986) Ensuring the homogeneity of initial data in the process of applying mathematical methods. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 149–154. (In Russ.)
- Tolstova Yu.N. (1998a) Mathematical logic, theory of measurements and sociological "variable-oriented thinking". *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoye modelirovaniye* [Sociology: methodology, methods, mathematical modeling]. No. 10: 122–141. (In Russ.)
- Tolstova Yu.N. (1998b) Mathematical methods in sociology. In: Yadov V.A. (ed.) *Sociology in Russia*. Moscow: IS RAN: 83–89. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2019) From Phenomenon to Noumenon: a Methodological and Methodic Search. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 3–14. DOI: 10.31857/S013216250004582-3. (In Russ.)

Экономическая социология. Социология труда

© 2022 г.

В.Ю. БОЧАРОВ

ИЗМЕНЕНИЕ ПОДХОДОВ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ К ИЗУЧЕНИЮ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

БОЧАРОВ Владислав Юрьевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и культурологии Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королёва, Самара, Россия; ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия; научный сотрудник Центра перспективных исследований и инновационных разработок Тюменского индустриального университета, Тюмень, Россия (vlad.bocharov@gmail.com).

Аннотация. Рассматриваются тенденции изменения теоретических подходов к анализу трудовых отношений в постсоветский период в отечественной социологии труда. В 1990-е гг. доминируют структурно-функционалистские подходы (системный и конфликтный). С начала 2000-х гг. методология не меняется, но начинают развиваться близкие между собой неоинституционалистский и культуральный подходы. Смещение исследовательского фокуса к изучению их прекарных форм в организациях неиндустриального сектора, произошедшее в середине 2010-х гг., сопровождалось формированием ресурсного и неомарксистского подходов и их синтетических форм, близких к методологии конструктивизма. Делаются выводы о перспективности разработки нового подхода к их анализу на основе отечественной методологии социологии жизни.

Ключевые слова: труд • трудовые отношения • социология труда • теоретические подходы • социология жизни • постсоветская социология труда

DOI: 10.31857/S013216250019650-8

Исследовательская задача. Кардинальные перемены в российской социально-трудовой сфере с начала рыночных реформ 1991 г. нашли отражение в разнообразных подходах, представленных в работах отечественных социологов, изучавших наемный труд. Эти изменения в тематике касались конкретных проблем, предмета, объекта исследований и «векторов развития исследований проблематики труда российских рабочих» [Темницкий, 2021: 64]. Происходило постепенное изменение теоретических подходов к анализу трудовых отношений.

Изучение трудовых отношений в условиях рыночной экономики началось в нашей стране в конце 1980-х гг. В 1989 г. публикуется монография Ж.Т. Тощенко «Социальные резервы труда: актуальные вопросы социологии труда», в которой впервые в отечественной литературе было представлено всестороннее рассмотрение предмета трудовых отношений и подчеркивалась необходимость становления «нового типа взаимоотношений между руководителем и подчиненным» [Тощенко, 1989: 146]. В том же году прошла Всесоюзная научно-практическая конференция «Перестройка и социология труда»

[Молевич, 1989] – первая в стране конференция, посвященная проблемам социологии труда, в которой принимали участие ведущие в то время социологи страны (В.С. Дудченко, А.Г. Здравомыслов, А.К. Зайцев, Н.И. Лапин, А.И. Пригожин, Ж.Т. Тощенко, Б.Г. Тукумцев, В.А. Ядов и др.). Начавшаяся на конференции дискуссия, посвященная новым трудовым отношениям на отечественных предприятиях, продолжилась в форме теоретических семинаров (ноябрь 1990 г. – г. Владимир, июнь и декабрь 1991 г. – Самара), по итогам которых среди наиболее актуальных направлений социологии труда были обозначены: 1) изучение поведения субъектов трудовых отношений в новых экономических условиях (работников, администрации, профсоюзов, собственников); 2) формирование нового типа субъектов трудовых отношений; 3) анализ проблемы равенства и справедливости в трудовых отношениях [Тукумцев, 1993: 4].

Основной смысл дискуссий сводился к необходимости дистанцироваться от марксистских трактовок наемного труда и апелляции к другим теоретическим основаниям. Изучение трудовых отношений требовало не только новой исследовательской методологии, но и необходимости заново сформулировать само их понятие, так как советские трактовки, несмотря на доминировавшую марксистскую методологию, не обращались к проблемам взаимоотношений наемного работника и работодателя, концентрируясь на технологических, экономических и организационных отношениях по поводу труда [Васькина, 1999: 104]. С начала 1990-х гг. отечественные исследователи, опираясь на зарубежные «узкие» (рассматривающие только отношения найма рабочей силы) и «широкие» (включающие все отношения, связанные с трудовой деятельностью) трактовки трудовых отношений, делают попытки формулировать их понятие, применимое к российской действительности. Одна из первых «узких» трактовок была предложена А.А. Силиным, полагавшим, что трудовые отношения охватывают комплекс взаимоотношений между наемными работниками и работодателями, включая систему правовых институтов, связанных с переговорами, регулированием условий труда, участием профсоюзов и разрешением трудовых споров [Силин, 1993: 5]. К «широким» трактовкам могут быть отнесены определения трудовых отношений, которые дали Л.А. Гордон и др.: «массовые отношения, возникающие между участниками производства в ходе их взаимодействия по поводу вознаграждения за труд, его условия, занятости, форм и методов разрешения конфликтов» [Гордон и др., 1996: 6], С.Ю. Барсукова и В.И. Герчиков, понимавшие трудовые отношения как отношения между группами работников предприятия, различающимися специфическими интересами в сфере труда, осознающими эти интересы как особые и осуществляющими некоторые организационные действия для защиты и проведения в жизнь своих интересов [Барсукова, Герчиков, 1997].

В результате дискуссий в исследованиях стали использоваться обе эти трактовки термина «трудовые отношения»: в широком смысле к ним стали относить все отношения, связанные с трудовой деятельностью, и рассматривать их как продукт социально-экономической системы общества. А в узком смысле они понимались как отношения между наемными работниками и работодателем, включая отношения по поводу трудового найма, вознаграждения за труд, его условий, форм и методов разрешения трудовых конфликтов [Тукумцев, 2006: 365–366]. Опираясь на такое понимание трудовых отношений, с начала 1990-х гг. развивались несколько подходов к анализу их содержания и динамики. В плане методологии они могут быть отнесены к концепциям социологического реализма (системный, конфликтный, неоинституциональный, культуральный) и номинализма (стратегия «case study»). В последнее десятилетие появляются исследования, синтезирующие существующие подходы, по методологии близкие к направлению социологического конструктивизма. В связи с этим становится актуальной проблема необходимости новой ревизии понятия «трудовые отношения», его содержания и состава участников.

Целью статьи является рассмотрение теоретических подходов отечественных авторов к анализу трудовых отношений, фиксация смещения объекта исследовательского фокуса с рассмотрения института трудовых отношений (главным образом на промышленных предприятиях) к изучению трудового поведения работника, вступающего в трудовые отношения,

характеризующиеся как прекарные. Достижение поставленной цели состоит в решении нескольких последовательных задач, которые включают необходимость охарактеризовать репертуар подходов к анализу трудовых отношений за прошедшие три десятилетия.

Подходы к рассмотрению трудовых отношений в 1990-е гг. Переход к рыночной модели экономики был связан со многими негативными процессами, связанными с крахом советской системы управления производством, носившими травматический характер для многих работников предприятий и организаций (задержки выплаты заработной платы, ликвидация производств и увольнение персонала, безработица, снижение уровня жизни) и повлекшими ухудшение социального самочувствия работников, рост социальной напряженности и трудовых конфликтов. Доминирующей теорией для эмпирических исследований трудовых отношений, выполненных в 1990-х гг. преимущественно в ключе социологического реализма, был структурный функционализм, реализовывавшийся в рамках системного и конфликтного подходов.

Системный подход. Исходя из теоретических предпосылок системного анализа в социологии (Т. Парсонс, Н. Луман, Э. Гидденс), трудовые отношения рассматриваются как целостная «самовоспроизводящаяся социальная система», не сводимая к составляющим ее элементам (субъектам), в рамках которой происходит взаимодействие участников посредством определенных социальных механизмов с целью обеспечения стабильного состояния всей «общественной системы», включающей «систему наемного труда». Такой подход отражен в работах многих зарубежных авторов: Дж. Данлопа [Dunlop, 1958], А. Крейга [Craig, 1975], М. Саламона [Salamon, 1987] и др. Эти идеи нашли приверженцев среди отечественных исследователей трудовых отношений. Для обоснования «системных» концепций звучала апелляция к «переходному», «постсоветскому» и постоянно трансформирующемуся состоянию «системы трудовых отношений» [Песчанский, 1997]. Сама система трудовых отношений рассматривалась как более широкое, чем трудовые отношения, понятие: «Система трудовых отношений – это совокупность взаимодействий, включающая в себя фактические трудовые отношения... социально-трудовые отношения; трудовые (социально-трудовые) правоотношения и отношения, направленные на регулирование трудовых отношений» [Беляева, 1995: 4]. В свою очередь сами трудовые отношения трактовались в основном в духе «широких» трактовок как сложная система отношений, возникающих между людьми в процессе их как производственной, так и хозяйственно-экономической, социальной, политической и других форм общественной деятельности, нацеленная на обеспечение высокого уровня качества жизни человека, трудового коллектива и общества [Колесников, 1993].

Конфликтный подход. Системный подход к изучению трудовых отношений с момента своего появления подвергался справедливой критике за статичность, консерватизм и невнимание к конфликту [Flanders, 1965]. Это вылилось в формирование конфликтного подхода, в рамках которого выделилось два наиболее влиятельных направления: «марксистский», признающий классовый антагонизм [Луман, 1975], и «плюралистический» – отрицающий классовую природу социальных конфликтов и отдающий приоритет необходимости мирного диалога в производственной среде [Farnham, Pimlott, 1983]. Среди отечественных ученых примером реализации марксистского направления стала концепция Г.Я. Ракитской, которая попыталась создать общую теорию трудовых отношений, включая теорию эксплуатации, анализируя причины и результаты реформ 1990-х гг. Она утверждала, что по результатам реформ последней декады XX в. Россия оказалась «на периферии мировой капиталистической системы», в стране начал развиваться «периферийно-колониальный капитализм» [Ракитская, 2003: 138]. Идеи плюралистического направления развивались в отечественных исследованиях, посвященных проблемам локальных трудовых конфликтов и перспективам сотрудничества сторон трудовых отношений, роли профессиональных союзов в организации коллективных переговоров на предприятиях и изучению моделей социального партнерства в социально-трудовой сфере [Кудюкин, 1994; Займалин, 1996; Бочаров, Тукумцев, 2015].

«Case study» трудовых отношений: качественная парадигма. Также с начала 1990-х гг. развивалось направление качественных исследований трудовых отношений [Буровой, Кротов, 1992; Кабалина и др., 2008]. Известность приобрели исследования, выполненные Институтом сравнительных исследований трудовых отношений (ИСИТО) в сотрудничестве с Центром сравнительных трудовых исследований Уорвикского университета (Великобритания) [Aswin, Clarke, 2002], опиравшиеся на исследовательскую стратегию «case study», предполагающую «глубокий, полный и комплексный анализ социального феномена на примере отдельного эмпирического объекта (случая)» [Козина, 1997: 177]. В рамках этой стратегии использовались биографический, этнографический и монографический методы исследования трудовых отношений [Козина, Сережкина, 2015: 69]. Так, например, П.В. Романов, опираясь на этнографический метод, говорил о сложившихся в отечественной практике идеологических «репертуарах», задающих фокус и схему анализа трудовых отношений. Им отмечалось, что в существовавших в то время подходах «объект исследования социологии трудовых отношений не проблематизирован в свете динамики современных социальных процессов» [Романов, 2000: 129]. С таких позиций критиковались доминировавшие в то время определения трудовых отношений как отношений между работником и работодателем по поводу найма и их полевая методология, выполненная в русле структурного функционализма, опиравшаяся на данные локальных и национальных количественных опросов руководителей, рабочих и профсоюзных деятелей промышленных предприятий [Романов, 2000].

Оппозицию «качественные-количественные методы» можно рассматривать как отдельное основание классификации подходов к анализу трудовых отношений. Количественные методы, основанные на анкетных опросах, имели свои цели (социальное планирование), свой предмет и объект исследования (разработка показателей для плана социального развития на больших предприятиях). Качественный метод стал более востребованным в период глубоких социальных трансформаций 1990-х гг., когда возникла необходимость в понимании того, как эти трансформации отражаются в ментальных и поведенческих феноменах человека и группы.

Подходы к анализу трудовых отношений в первое десятилетие XXI в. С началом XXI в. кризисная ситуация в социально-трудовой сфере российских предприятий и организаций была во многом преодолена: отмечался рост уровня жизни и заработной платы работников, снизились безработица и частота трудовых конфликтов, на законодательном уровне установлены новые институциональные правила трудовых отношений (в 2001 г. принят измененный Трудовой кодекс РФ). В это время в отечественной социологии труда разворачиваются исследования наемного труда и трудовых отношений в русле социокультурного (культурального) и неинституционального подходов.

Социокультурный (культуральный) подход. Появлению социокультурного подхода социология обязана наследию М. Вебера и Э. Дюркгейма. В дальнейшем этот подход модифицируется и сегодня чаще называется «культуральный» [Тощенко, Романовский, 2007], опираясь на работы Дж. Александера [2013] и П. Штомпки [2005], среди отечественных социологов – Л.Г. Ионина [2000]. Согласно культуральному подходу, культура каждой общности, группы имеет свою внутреннюю структуру, что создает условия для отслеживания влияния на поведение (в том числе на трудовое) отдельных элементов культурной среды человека. Поддерживал идеи этого подхода применительно к анализу трудовых отношений В.А. Ядов, утверждавший, что «в современной социологии на первый план выдвигается проблематика ценности труда в культуре и мировосприятии людей» [Ядов, 2006: 333]. Б.Г. Тукумцев, рассуждая в связи с этим подходом о позиции В.А. Ядова, подчеркивал, что «культуральный подход к анализу социальной деятельности может рассматриваться в качестве рабочей модели, как методологическая основа исследовательских программ, ориентированных на анализ трудовой деятельности и взаимодействия в трудовой сфере» [Тукумцев, 2016: 110].

Приводя примеры конкретных исследований трудовых отношений на основе культурального подхода, необходимо отметить монографию Е.Л. Шершневой и Ю. Фельдхоффа [1999] (это одна из первых работ в отечественной социологии с использованием этого подхода), коллективную монографию «Становление трудовых отношений в постсоветской России», в которой в равной мере использовались культуральный и деятельностно-активистский подходы¹ [Де Барделебен, Климова, Ядов, 2004], работы А.Л. Темницкого [2007].

Некоторыми авторами в качестве отдельного подхода рассматривается цивилизационный подход, тесно связанный с культуральным [Чилипенко, 2015]. Согласно этому подходу, трудовые отношения рассматриваются как «человеческие отношения» и их предметно-содержательная область дополняется анализом «целей деятельности, интересов и мотивов, а также доверия, взаимопонимания, сотрудничества, аргументации институциональных различий и культурного многообразия трудовых отношений в разных странах» [Нехода, 2007: 31–32].

Неоинституциональный подход. Методологической основой неоинституционального подхода к анализу трудовых отношений стали работы западных исследователей Д. Норта [1997] и Р. Кроуза [1993]. В.А. Ядов систематизировал и обобщил положения неоинституционализма для их использования к анализу любых социальных отношений [Ядов, 2009: 39]. Подробно о направлениях отечественного неоинституционализма, сравнивая их с социокультурным (культуральным) подходом, пишет С.Г. Кирдина [2002], применяя неоинституциональный подход к анализу трудовых отношений [Кирдина, 2003].

Сторонники этого подхода полагают, что неоинституционализм дает новую интерпретацию экономическим и трудовым отношениям, такая методология позволяет акцентировать внимание на их микроаналитических аспектах [Олимпиева, 2007]. В рамках неоинституционального подхода осуществлялись попытки анализировать трудовые отношения и рассмотреть структуру социального института наемного труда (института трудового найма) [Бочаров, 2010].

Смещение фокуса исследований трудовых отношений: новейшие подходы к анализу и их синтез. Независимо от теоретических оснований и применяемых методов, в большинстве исследований, посвященных анализу российских трудовых отношений, выполненных до середины 2010-х гг., объектом анализа являлись наемные работники крупных предприятий промышленности, вступавшие в стабильные трудовые отношения, имевшие формальные трудовые договоры и защищенные системой коллективно-договорного регулирования на предприятиях. С середины 2010-х гг. основным объектом исследований трудовых отношений становятся предприятия малого и среднего бизнеса [Чилипенко, 2015], содержательный фокус анализа смещается в сторону анализа нетипичных форм занятости и процессов прекаризации труда [Божков и др., 2016]. В работах отечественных социологов феномен прекариата нередко рассматривается как новая форма господства, основанная на незащищенности и уязвимости массы подчиненных работников или тех, кто должен включиться в трудовые отношения, подталкивающие их к принятию новых форм эксплуатации [Сизова, 2015; Анисимов, 2019]. По результатам масштабных исследований, выполненных под руководством Ж.Т. Тощенко [2018; Тощенко и др., 2020], справедливо утверждается, что новые формы «гибких», «нетипичных», прекарных трудовых отношений снижают возможности наемных работников для долгосрочного планирования, нивелируют их чувство привязанности к рабочему месту, не позволяют развиваться рабочей солидарности и насыщают жизнь работника неопределенностью на фоне слабой активности государства в регулировании трудовых отношений.

¹ Еще в конце 1990-х гг., изучая проблематику солидарности российских рабочих и выделяя предметную область трудовых отношений, В.А. Ядов с коллегами (Б.И. Максимов, А.В. Мытиль, С.Г. Климова, Т.З. Козлова и др.), наряду с деятельностно-активистским подходом П. Штомпки, развивали идеи о влиянии диспозиций («диспозиционной воронки») на трудовое поведение [Ядов, 1998].

Важно отметить, что конвенциональным мнением среди исследователей является признание факта, что молодежь, вступающая в трудовые отношения, – одна из наиболее подверженных прекаризации групп населения [Горшков, 2018]. Это подтверждают данные осуществляемого с участием автора этой статьи научного проекта «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса в современной России» [Гаврилюк, 2019; 2020]. В последние два года (2020–2021), наряду с признанием прекарного характера труда значительной доли наемных работников, анализ трудовых отношений, как правило, осуществляется с учетом негативного влияния мировой пандемии COVID-19 [Тощенко, 2021; Бочаров, 2022].

Наряду с изменением содержательного фокуса анализа трудовых отношений, в последнее время появляются и новые теоретические основания для их исследования. Среди таких подходов выделяются ресурсный и неомарксистский подходы, исследования на основе синтеза этих и разработанных в предыдущие годы подходов.

Ресурсный подход. Сторонники ресурсного подхода исходят из положения, что определенные виды ресурсов прямо влияют на место человека в обществе и его жизненные возможности. Наиболее значимыми видами ресурсов являются: экономический, квалификационный, властный и социальный [Тихонова, 2021: 49]. Целесообразность применения ресурсного подхода к изучению трудовых отношений аргументируется тем, что он позволяет выяснить объем и структуру ресурсов, имеющихся у субъектов этих отношений, и учитывать состояние (не)равенства этих субъектов с точки зрения распределения ресурсов [Тихонова, 2006; Одяков, 2011]. Количество и качество имеющихся у субъектов трудовых отношений ресурсов обуславливает стратегии их поведения, определяет их роли и статусы в данном взаимодействии и в обществе в целом [Чилипенко, 2015: 107]. Рядом исследователей признается продуктивность одновременного использования в исследованиях трудовых отношений ресурсного и деятельностно-активистского подходов [Сизова, Чилипенко, 2017].

Неомарксистский подход. Сторонники этого подхода по-прежнему обращаются к «широкой» трактовке трудовых отношений, понимая их как один из родов отношений, выделяемых в экономической системе и представляющих собой «совокупность реально сложившихся отношений по поводу осуществления процесса труда» [Симченко и др., 2018: 307]. Однако при этом в содержание трудовых отношений вводится анализ моральных (нравственных) аспектов трудовой деятельности [там же]. Появляются и новые аспекты анализа, связанные с последствиями глобализации, в частности проблемами включения трудовых мигрантов в «цивилизованные трудовые отношения» и признания неготовности традиционного рабочего класса изменить капиталистический порядок [Михайловский, 2017].

На наш взгляд, перспективным направлением является исследование трудовых отношений в русле междисциплинарного подхода «new working class studies», в рамках которого рассматривается классовая конфликтная природа трудовых отношений, влияющая на культуру и интересы акторов этих отношений [Linkon, Russo, 2016], синтезируется неомарксистский и культуральный подходы с учетом эмоциональной составляющей трудового поведения. Во многом такой подход (наряду с ресурсным подходом) близок к социологическому конструктивизму и отечественной методологии социологии жизни [Тощенко, 2016]. Согласно этой методологии, приоритетом является рассмотрение в совокупном единстве объективных условий и субъективных факторов жизненного мира самих людей, вступающих в трудовые отношения, признание активной и творческой деятельности субъектов этих отношений. Разработка такой новой методологии применительно к анализу трудовых отношений только начинается и является отдельной исследовательской задачей.

Заключение. С начала 1990-х гг. доминирующей теорией многочисленных эмпирических исследований трудовых отношений, выполненных в ключе количественной социологии, был структурный функционализм, включая, прежде всего, системный подход (табл.).

Таблица

Основные подходы к рассмотрению трудовых отношений отечественными авторами с начала 1990-х гг. по настоящее время

Период времени, когда подход наиболее широко использовался	Основные подходы к рассмотрению трудовых отношений
1990-е – начало 2000-х гг.	Системный Конфликтный (марксистская и «плюралистическая» парадигмы) «Case study» (биографический, этнографический и монографический методы)
2000–2010 гг.	Культуральный (социокультурный) (в т.ч. цивилизационный) Неоинституциональный
С середины 2010-х гг. по настоящее время	Ресурсный Конфликтный (превалирует «неомарксистская» парадигма) Междисциплинарный («new working class studies») (синтез неоинституционализма, неомарксизма и культурального подхода)

Конфликтный подход также присутствовал в исследованиях, но главным образом в духе примирительной парадигмы, в то время как марксистская теория в основном подвергалась критике. Одновременно появилось направление качественных исследований трудовых отношений с помощью стратегии «case study», близкое к методологии социологического номинализма. С началом XXI в. доминирующими подходами к изучению трудовых отношений становятся достаточно взаимосвязанные культуральный (социокультурный) и неоинституциональный подходы. Но, независимо от теоретических оснований и применяемых методов, в большинстве исследований российских трудовых отношений, выполненных до середины 2010-х гг., объектом анализа являлись наемные работники промышленности. С середины 2010-х гг. основной фокус исследований наемного труда и трудовых отношений смещается в сторону анализа нетипичных форм занятости и процессов прекаризации труда, оставаясь и в настоящее время актуальным трендом в отечественных исследованиях трудовых отношений. Нередко такие исследования ведутся в русле ресурсного подхода или междисциплинарного подхода «new working class studies», синтезирующего неомарксистский (конфликтный) и культуральный подходы. Постепенно формируется подход, опирающийся на концепцию Ж.Т. Тошченко («социология жизни»).

Переосмысление содержания трудовых отношений в парадигме социологического конструктивизма обусловлено широким распространением прекарных форм занятости, необходимостью изучения жизненных миров работников, что сегодня начинает осуществляться отечественными социологами. Фактически мы должны заново отвечать на вопросы, поставленные в отечественной социологии труда на рубеже 1990-х гг. На основе накопленного за постсоветский период опыта эмпирических исследований и используя новые теоретические основания социологии жизни, необходимо сконцентрироваться на: 1) изучении поведения и жизненного мира субъектов трудовых отношений в условиях прекарной занятости, 2) анализе нового содержания и состава участников (субъектов) трудовых отношений, 3) проблемах неравенства и смыслах справедливости в условиях их повседневных трудовых взаимодействий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александр Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. М.: Практис, 2013.
- Анисимов Р. И. Прекаризованная занятость в России: опыт определения основных индикаторов // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 64–72.
- Барсукова С.Ю., Герчиков В.И. Приватизация и трудовые отношения: от единого и общего – к частному и разному. Новосибирск: ИЗИОПП СО РАН, 1997.

- Беляева И. Ф. Концепция развития трудовых отношений в России в переходный период. М.: Мин-во труда РФ, Институт труда, 1995.
- Бочаров В. Ю. Социальный институт наемного труда в современной России. Самара: Самарский ун-т, 2010.
- Бочаров В. Ю. Трудовые отношения российской рабочей молодежи клиентского сервиса // Социально-трудовые исследования. 2022. № 46(1). С. 177–186. DOI: 10.34022/2658-3712-2022-46-1-177-186.
- Бочаров В. Ю., Тукумцев Б. Г. Социальное партнерство на промышленных предприятиях. Петербургская социология сегодня. Вып. 6. СПб.: Нестор-история, 2015. С. 10–63.
- Буровой М., Кротов П. Советский вариант перехода к капитализму: рабочий контроль и экономические взаимоотношения между предприятиями в лесной промышленности // Рубеж. 1992. № 4. С. 107–138.
- Васькина Ю. В. Трудовые договорные отношения и необходимость их изучения в современных условиях // Социальные проблемы труда в современном обществе и вопросы совершенствования преподавания социологии труда в вузах. СПб.: СПбГУ, 1999. С. 103–112.
- Гаврилюк Т. В. (ред.) Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса. М.: Флинта, 2020.
- Гаврилюк Т. В. (ред.) Молодежь нового рабочего класса современной России. М.: Флинта, 2019.
- Гордон Л. А. и др. К изучению общественных проблем труда в России первой половины 90-х годов: субъекты и объекты социально-трудовых отношений. Социально-трудовые исследования. Вып. 5. М.: ИМЭМО РАН, 1996.
- Горшков М. К. (ред.) Молодежь: конструирование трудовой биографии. М.: ИС ФНИСЦ РАН, 2018.
- Де Барделебен Дж., Климова С. Г., Ядов В. А. (ред.) Становление трудовых отношений в постсоветской России. М.: Академ. проект, 2004.
- Займалин Е. П. Социальная организация труда: переход к социальному сотрудничеству и партнерству. Ульяновск: Симбирская книга, 1996.
- Ионин Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: Логос, 2000.
- Кабалина В. И. (ред.) Социальные режимы постсоветского производства. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2008.
- Кирдина С. Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России // Социологические исследования. 2002. № 12. С. 23–32.
- Кирдина С. Г. Трудовые отношения в редистрибутивных экономиках: случай России // Политика социального партнерства (российский и зарубежный опыт). М.: ТК «Велби»; Проспект, 2003. С. 37–55.
- Козина И. М. CASE STUDY: Некоторые методические проблемы // Рубеж. 1997. № 10–11. С. 177–189.
- Козина И. М., Сережкина Е. В. Концепция кейс-стади в социальных науках и французская традиция монографических исследований трудовых организаций // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 64–73.
- Колесников Н. Е. Социально-трудовые отношения: современные проблемы и практики. СПб.: ИСЭП РАН, 1993.
- Кроуз Р. Фирма, рынок, закон. М.: Дело, 1993.
- Кудюкин П. М. Социальное партнерство или корпоративизм? (Социальная структура трудовых отношений в современной России) // Вопросы экономики. 1994. № 5. С. 71–78.
- Михайловский В. С. Неомарксистский поиск революции и ее агентов // История и современность. № 2. 2017. С. 247–264.
- Молевич Е. Ф. (ред.) Перестройка и социология труда: Тез. докл. Всесоюз. науч.-практ. конф. Куйбышев: Сов. социол. ассоц. АН СССР, 1989.
- Нехода Е. В. Методологические и теоретические основы исследования социально-трудовых отношений. Томск: Томский ун-т, 2007.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997.
- Одяков С. В. Методологические проблемы ресурсного подхода в исследовании социально-трудовых отношений // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 9. С. 266–273.
- Олимпиева И. Б. Перспективы институционального подхода к исследованию индустриальных отношений в России / Проблемы труда, трудовых отношений и качества жизни. Самара: Универс групп, 2007. С. 177–186.
- Песчанский В. В. Промышленные отношения в России: к демократизации или авторитарности? // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 3. С. 71–78.
- Ракитская Г. Я. Социально-трудовые отношения. М.: ИППС, 2003.
- Романов П. В. Социологические интерпретации менеджмента: исследования управления, контроля и организаций в современном обществе. Саратов: СГТУ, 2000.
- Сизова И. Л. Прекаризация в трудовой сфере России. Петербургская социология сегодня. Вып. 6. СПб.: Нестор-история, 2015. С. 122–158.

- Сизова И.Л., Чилипенко Ю.Ю. Социальная ответственность работодателя малого и среднего бизнеса в трудовых отношениях // *The Journal of Social Policy Studies*, 2017. Т. 15. № 1. С. 67–80. DOI: 10.17323/1727-0634-2017-15-1-67-80.
- Силин А.А. Концепция трудовых и производственных отношений // *Труд за рубежом*. 1993. № 1 (17). С. 5–15.
- Симченко Н.А. и др. (ред.) Марксистская экономическая теория в истории капитализации России. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018.
- Темницкий А.Л. Теоретико-методологические подходы к исследованию трудового поведения // *Социологические исследования*. 2007. № 6. С. 60–71.
- Темницкий А.Л. Традиции и инновации в трудовой культуре российских рабочих // *Социологические исследования*. 2021. № 4. С. 61–73. DOI: 10.31857/S013216250010467-6.
- Тихонова Н.Е. Последствия кризиса 2020–2021 гг. для различных профессиональных групп российского общества // *Социологический журнал*. 2021. Т. 27. № 2. С. 46–67. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8086.
- Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // *Социологические исследования*. 2006. № 9. С. 28–39. DOI: 10.17323/1726-3247-2006-3-11-26.
- Тощенко Ж.Т. (ред.) Прекариат: становление нового класса. М.: ЦСП и М, 2020.
- Тощенко Ж.Т. (ред.) Прекариат занятости: истоки, критерии, особенности. М.: Весь Мир, 2021.
- Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.
- Тощенко Ж.Т. Социальные резервы труда: Актуальные вопросы социологии труда. М.: Политиздат, 1989.
- Тощенко Ж.Т. Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016.
- Тощенко Ж.Т., Романовский Н.В. О тенденциях развития социологии в современном мире // *Социологические исследования*. 2007. № 6. С. 3–12.
- Тукумцев Б.Г. В.А. Ядов о применении культурального подхода в социологическом анализе трудовых отношений // Ядовские чтения: перспективы социологии. СПб.: Эйдос, С. 103–113.
- Тукумцев Б.Г. Предисловие // *Социология труда в новых условиях*. Самара: Самарский ун-т, 1993. С. 3–9.
- Тукумцев Б.Г. Трудовые отношения // *Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь*. СПб.: Наука, 2006. С. 365–366.
- Чилипенко Ю.Ю. Социально-трудовые отношения: теория и практика взаимодействия субъектов в сфере малого и среднего бизнеса. Н. Новгород: НИСОЦ, 2015.
- Шершнева Е.Л., Фельдхофф Ю. Культура труда в процессе социально-экономических преобразований: опыт эмпирического исследования на промышленных предприятиях России. СПб.: Петрополис, 1999.
- Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005.
- Ядов В.А. (ред.) Солидаризация в рабочей среде: социальное и индивидуальное. М.: ИС РАН, 1998.
- Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: курс лекций. СПб.: Интерсоцис, 2009.
- Ядов В.А. Труд // *Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь*. СПб.: Наука, 2006. С. 332–333.
- Ядовские чтения: перспективы социологии / Под ред. О.Б. Божкова, С.С. Ярошенко, В.Ю. Бочарова. СПб.: Эйдос, 2016.
- Aswin S., Clarke S. Russian Trade Unions and Industrial relations in transition. Basingstoke and New York: Palgrave, 2002.
- Craig Alton W.J. A Framework for the Analysis of Industrial Relations Systems // *Industrial Relations and the Wider Society*. Barrett B., Rhodes E., Beishon J. (eds) London: Collier Macmillan, 1975. P. 8–20.
- Dunlop J. Industrial Relations Systems. N.Y.: Holt and Winston, 1958.
- Farnham D., Pimlott J. Understanding Industrial Relations. Second edition. London: Cassell, 1983.
- Flanders A. Industrial Relations: What is Wrong with the System? An Essay on Its Theory and Future. London: Farber & Farber, 1965.
- Hyman R. Industrial Relations: A Marxist Introduction. London: Macmillan, 1975.
- Linkon S.L., Russo J. Twenty Years of Working-Class Studies: Tensions, Values, and Core Questions // *Journal of Working-Class Studies*. 2016. No.1(1). P. 4–13. DOI: 10.13001/jwcs.v1i1.5799.
- Salamon M.W. Industrial Relations: Theory and Practice. London: Prentice Hall International (UK) Ltd, 1987.

Статья поступила: 04.04.22. Финальная версия: 12.05.22. Принята к публикации: 30.05.22.

CHANGING APPROACHES TO THE STUDYING OF LABOR RELATIONS IN RUSSIAN SOCIOLOGY

BOCHAROV V.Yu.

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Russia; Sociological Institute of FCTAS RAS, Russia; Tyumen Industrial University, Russia

Vladislav Yu. BOCHAROV, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara, Russia; Assoc. Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia; Scientific Researcher, Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia (vlad.bocharov@gmail.com).

Acknowledgements. The article was assisted by RSF, grant No. 17-78-20062.

Abstract. The article is devoted to the analysis of various theoretical approaches to the study of labor relations formed in the post-Soviet Russian sociology of labor. The need to study new market labor relations that arose in the late 1980s, as well as the discussion in this regard about their subject and priority areas of research, were implemented within the concepts of sociological realism and nominalism in the first 20 post-Soviet years. In the 1990s, systemic and conflict approaches (including Marxist and pluralist paradigms) dominated alongside studies carried out using the “case study” strategy (biographical, ethnographic and monographic methods). Since the beginning of the 2000s, neoinstitutional and cultural (including civilizational) approaches that are close to each other have been formed. The shift of the research focus from the study of stable labor relations in industry to the study of their precarious forms in organizations of the non-industrial sector, which occurred in the mid-2010s, was accompanied by the formation of resource and neo-Marxist approaches, as well as their synthetic forms (interdisciplinary approach called “new working class studies”). These synthetic forms are close to the methodology of sociological constructivism. Based on the results of the analysis, conclusions are drawn about the need to revise existing interpretations of labor relations and develop a new approach, based on the domestic methodology of the sociology of life. This new methodology can make it possible to study the real meanings of labor relations and the world of work for each of the groups of hired workers.

Keywords: post-Soviet sociology of labor, Russian labor relations, theoretical approaches, sociology of life.

REFERENCES

- Alexander J. (2013) *The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology*. Moscow: Praxis. (In Russ.)
- Anisimov R.I. (2019) Precarious Employment in Russia: Specifying Major Indicators. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 64–72. (In Russ.)
- Aswin S., Clarke S. (2002) *Russian Trade Unions and Industrial relations in transition*. Basingstoke and New York: Palgrave.
- Barsukova S.Yu., Gerchikov V.I. (1997) *Privatization and labor relations: from the common and general to the private and different*. Novosibirsk: IEIOPP SO RAN. (In Russ.)
- Belyaeva I.F. (1995) *The concept of labor relations development in Russia in the transition period*. Moscow: Min-vo truda RF, Institut truda. (In Russ.)
- Bocharov V. Yu. (2010) *Social Institute of Labor Hiring in Modern Russia*. Samara: Samarskii un-t. (In Russ.)
- Bocharov V. Yu. (2022) Labor relations of the Russian youth in the customer service industry. *Sotsial'no-trudovyye issledovaniya* [Social and labor research]. No. 46 (1): 177–186. DOI: 10.34022/2658-3712-2022-46-1-177-186. (In Russ.)
- Bocharov V. Yu., Tukumtsev B.G. (2015) Social Partnership in industrial enterprises. *St.-Petersburg Sociology today*. St. Petersburg: Nestor-istoriya. No. 6: 10–63. (In Russ.)
- Bozhkov O.B., Yaroshenko S.S., Bocharov V.Y. (eds) (2016) *Yadov readings: Perspectives of Sociology*. St. Petersburg: Eidos. (In Russ.)
- Burawoy M., Krotov P. (1992) The Soviet variant of the transition to capitalism: workers' control and economic relations between enterprises in the forest industry. *Rubezh* [Frontier]. No. 4: 107–138. (In Russ.)
- Chilipenok Yu.Yu. (2015) *Social and labor relations: theory and practice of interaction of subjects in the sphere of Small and Medium Businesses*. Nizhny Novgorod: NISOC. (In Russ.)

- Craig Alton W.J. (1975) A Framework for the Analysis of Industrial Relations Systems. In: Barrett B., Rhodes E., Beishon J. (eds.) *Industrial Relations and the Wider Society*. London: Collier Macmillan: 8–20.
- De Bardeleben J., Klimova S.G., Yadov V.A. (eds.) (2004) *The formation of labor relations in post-Soviet Russia*. Moscow: Akadem. proekt. (In Russ.)
- Dunlop J. (1958) *Industrial Relations Systems*. New York: Holt and Winston.
- Farnham D., Pimlott J. (1983) *Understanding Industrial Relations*. Second edition. London: Cassell.
- Flanders A. (1965) *Industrial Relations: What is Wrong with the System? An Essay on Its Theory and Future*. London: Farber & Farber.
- Gavrilyuk T.V. (ed.) (2019) *New Working-class Youth in Modern Russia*. Moscow: FLINTA. (In Russ.)
- Gavrilyuk T.V. (ed.) (2020) *Life Strategies of New Working-class Youth*. Moscow: FLINTA. (In Russ.)
- Gordon L.A. et al. (1996) On the study of social labor problems in Russia in the first half of the 90s: subjects and objects of social and labor relations. *Social and labor research*. Iss. 5. Moscow: IMEMO RAN. (In Russ.)
- Gorshkov M.K. (ed.) (2018) *Youth: constructing a labor biography*. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Hyman R. (1975) *Industrial Relations: A Marxist Introduction*. London: Macmillan.
- Ionin L.G. (2000) *Sociology of Culture: the Path to the New Millennium*. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Kabalina V.I. (ed.) (2008) *Social regimes of post-Soviet production*. Syktyvkar: Komi NTs UrO RAN. (In Russ.)
- Kirdina S.G. (2002) Sociocultural and institutional approaches as the basis of positive sociology in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 23–32. (In Russ.)
- Kirdina S.G. (2003) Labor relations in redistributive economies: the case of Russia. In: *Social Partnership Policy (Russian and foreign experience)*. Moscow: Velbi, Prospekt: 37–55. (In Russ.)
- Kolesnikov N.E. (1993) *Social and labor relations: modern problems and practices*. St. Petersburg: ISEP RAN. (In Russ.)
- Kozina I.M. (1997) CASE STUDY: Some methodological problems. *Rubezh* [Frontier]. No. 10–11: 177–189. (In Russ.)
- Kozina I.M., Serezhkina E.V. (2015) The concept of case study in social sciences and the French tradition of monographic research of labor organizations. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 64–73. (In Russ.)
- Krouz R. (1993) *Firm, market, law*. Moscow: Delo. (In Russ.)
- Kudyukin P.M. (1994) Social partnership or corporatism? (The social structure of labor relations in modern Russia). *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics]. No. 5: 71–78. (In Russ.)
- Linkon S.L., Russo J. (2016) Twenty Years of Working-Class Studies: Tensions, Values, and Core Questions. *Journal of Working-Class Studies*. No.1(1): 4–13. DOI: 10.13001/jwcs.v1i1.5799.
- Mikhailovsky V.S. (2017) The Neo-Marxist search for revolution and its agents. *Istorija i sovremennost'* [History and Modernity]. No. 2: 247–264. (In Russ.)
- Molevich E.F. (ed.) (1989) *Perestroika and Sociology of Labor*. Kuibyshev: Sov. sotsiol. assots. AN SSSR. (In Russ.)
- Nekhoda E.V. (2007) *Methodological and theoretical foundations of the study of social and labor relations*. Tomsk: Tomskii un-t. (In Russ.)
- North D. (1997) *Institutes, institutional changes and the functioning of the economy*. Moscow: Nachala. (In Russ.)
- Odyakov S.V. (2011) Methodological problems of the resource approach in the study of social and labor relations. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovanij* [Scientific problems of humanitarian research]. No. 9: 266–273. (In Russ.)
- Olympieva I.B. (2007) Perspectives of the institutional approach to the study of industrial relations in Russia. In: *Problems of labor, labor relations and quality of life*. Samara: Univers grupp: 177–186. (In Russ.)
- Peschansky V.V. (1997) Industrial Relations in Russia: towards Democratization or Authoritarianism? *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. No. 3: 71–78. (In Russ.)
- Rakitskaya G. Ya. (2003) *Social and labor relations*. Moscow: IPPS. (In Russ.)
- Romanov P.V. (2000) *Sociological interpretations of management: Studies of management, control and organizations in Modern society*. Saratov: SGTU. (In Russ.)
- Salamon M.W. (1987) *Industrial Relations: Theory and Practice*. London: Prentice Hall International (UK) Ltd.
- Shershneva E.L., Feldhoff J. (1999) *The culture of labor in the transformation process: empirical studies in russian industrial enterprises*. St. Petersburg: Petropolis. (In Russ.)
- Shtompka P. (2005) *Sociology. Analysis of modern society*. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Silin A.A. (1993) The concept of labor and industrial relations. *Trud za rubezhom* [Labor abroad]. No. 1 (17): 5–15. (In Russ.)
- Simchenko N.A. et al. (ed.) (2018) *Marxist Economic Theory in the History of Capitalization of Russia*. Simferopol: ARIAL. (In Russ.)

- Sizova I.L. (2015) The Precarization in the Labor Sphere of Russia. *St.-Petersburg Sociology today*. St. Petersburg: Nestor-istoriya. Iss. 6: 122–158. (In Russ.)
- Sizova I.L., Chilipenok Yu. Yu. (2017) The Social Responsibility within Labour Relations Among the Employers in Small and Medium Businesses. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 15. No. 1: 67–80. DOI: 10.17323/1727-0634-2017-15-1-67-80. (In Russ.)
- Temnitskiy A.L. (2007) Theoretical and methodological approaches to the study of labor behavior. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 60–71. (In Russ.)
- Temnitskiy A.L. (2021) Traditions and innovations in labor culture of Russian workers. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 61–73. DOI: 10.31857/S013216250010467-6. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2006) Resource approach as a new theoretical paradigm in stratification research. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 28–39. DOI: 10.17323/1726-3247-2006-3-11-26. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2021) Consequences of the 2020–2021 Crisis for Different Professional Groups in Russian Society. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. Vol. 27. No. 2: 46–67. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8086. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (1989) *Social reserves of labor: Topical issues of labor sociology*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2016) *Sociology of Life*. Moscow: UNITY-DANA. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2018) *Precariat: From Protoclass to New Class*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (ed.) (2020) *Precariat: The Emergence of a new class*. Moscow: TsSP i M. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (ed.) (2021) *Precarious employment: origins, criteria, features*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T., Romanovsky N.V. (2007) On trends in the development of sociology in the modern world. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 3–12. (In Russ.)
- Tukumtsev B.G. (1993) Preface. In: *Sociology of labor in new conditions*. Samara: Samarskii un-t: 3–9. (In Russ.)
- Tukumtsev B.G. (2006) Labor relations. In: *Sociology of Labor. Theoretical and applied explanatory dictionary*. St. Petersburg: Nauka: 365–366. (In Russ.)
- Tukumtsev B.G. (2016) V.A. Yadov on the application of the cultural approach in the sociological analysis of labor relations. In: *Yadov readings: perspectives of sociology*. St. Petersburg: Eidos: 103–113. (In Russ.)
- Vaskina Yu.V. (1999) Labor contractual relations and the need to study them in modern conditions. In: *Social problems of labor in modern society and issues of improving the teaching of labor sociology in universities*. St. Petersburg: SPbGU: 103–112. (In Russ.)
- Yadov V.A. (2006) Labor. In: *Sociology of Labor. Theoretical and applied explanatory dictionary*. St. Petersburg: Nauka: 332–333. (In Russ.)
- Yadov V.A. (2009) *Modern theoretical sociology as a conceptual basis for the study of Russian Transformations: a course of lectures*. St. Petersburg: Intersocis. (In Russ.)
- Yadov V.A. (ed.) (1998) *Solidarization in the working environment: social and individual*. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Zaimalin E.P. (1996) *Social organization of labor: transition to social cooperation and partnership*. Ulyanovsk: Simbirskaya kniga. (In Russ.)

Received: 04.04.22. Final version: 12.05.22. Accepted: 30.05.22.

Е.В. КРАСОВА

ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИЯ ТРУДА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

КРАСОВА Елена Викторовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Владивосток, Россия (elena_krasova@rambler.ru).

Аннотация. Со второй половины XX в. доля интеллектуальной составляющей в содержании труда значительно выросла и происходящие изменения неоднозначны по своим проявлениям и последствиям для общества. Интеллектуализация мало исследована с точки зрения ее связи с развитием капиталистической экономики. Мы определяем интеллектуализацию как процесс замещения преимущественно физического труда преимущественно умственным трудом в результате внедрения в общественное производство передовых технологий с целью повышения производительности труда. Автор критически переосмысливает распространенные в современном обществе утопичные взгляды на интеллектуальный труд как на высшую форму человеческой деятельности, позволяющую преодолеть существующие противоречия между капиталом и трудом за счет максимального раскрытия творческого потенциала личностей в информационной экономике. Интеллектуализация рассматривается в статье как закономерный процесс в рамках развития капиталистической экономики с ее опорой на информационно-коммуникационные технологии. Обосновывается роль интеллектуализации, которая состоит в обеспечении производства, использующего новые технологии, ресурсами труда соответствующего качества. Аргументируется точка зрения, что интеллектуализация не в состоянии изменить характер отношений между капиталом и трудом и вывести экономику за пределы капиталистического способа производства, поскольку сама им определяется. Обозначена тенденция углубления социального неравенства в условиях информационной экономики и соответствующих ее развитию процессов интеллектуализации. Сделан общий вывод, что современный капитализм с его стремлением к сверхнакоплению капитала и глубокими внутренними противоречиями задает неясные перспективы интеллектуализации на фоне усиления эксплуатации и отчуждения интеллектуального труда.

Ключевые слова: труд • интеллектуализация труда • капитал • капитализм • рабочая сила • интеллектуальный труд • общественное производство • информационно-коммуникационные технологии

DOI: 10.31857/S013216250018916-0

Введение. Вопросы интеллектуализации труда как совокупности социально-экономических процессов, связанных с увеличением доли умственного труда в общественном производстве, активно исследуются со второй половины XX в. Интеллектуализация труда во многом определяется автоматизацией производства, развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ): информатизация делает труд мыслительно, информационно и коммуникационно емким, вследствие чего меняются формат хозяйственной деятельности людей, социальные действия и взаимодействия индивидов. Ученые констатируют, что технико-физические свойства современных средств производства влияют на функциональное содержание, пространственно-временные рамки труда, воздействуют на социальное самочувствие работников.

Социология как наука, исследующая социальные проблемы труда, сегодня делает акцент на признании значимости интеллектуальной, творческой составляющей в совокупности созидательных возможностей человека [Тощенко, 2017]. Интеллектуализация

как генеральное направление изменения содержания труда попадает в поле зрения социальных наук из-за расширения сфер приложения труда, выходящих за пределы традиционных производственных отраслей, попыток переосмысления самого понятия «труд» в силу усложнения его содержания [Волков, 2009], изменения форм организации труда и моделей трудового поведения людей [Зарубина, 2017]. Интеллектуализация труда как социальный феномен проявляет себя в формировании особой проблематики, касающейся отношений между капиталом и трудом, социального положения работников, требований к работнику как основному производственному ресурсу, самореализации человека как личности и носителя потенциала роста производительности труда.

Наукой и обществом интеллектуализации придается, как правило, положительное значение, поскольку она ассоциируется с устойчивым ростом, обновлением знаний, расцветом творческой работы, повышением сложности, продуктивности и инновационности труда, развитием человеческого потенциала, расширением партнерства между работодателем и работником и т.п. Но в реальной жизни наблюдаются и обратные процессы: торможение темпов производительности, рост бедности и неравенства, неопределенность и структурные диспропорции на рынке труда, высокая волатильность спроса на труд, дискриминация и социальная несправедливость, возведенные современной экономикой в ранг «новой нормальности». Такое многообразие и разнонаправленность социально-экономических явлений порождают субъективизацию суждений, неопределенность оценок интеллектуализации, объективный анализ которой сегодня отстает. Практика заставляет смотреть на интеллектуализацию труда не с точки зрения потенциала производительных сил, а с позиций расширения проблемного поля социума. Цель настоящего исследования – выявить и обосновать сущностные черты, присущие процессу интеллектуализации труда в контексте социальных отношений, соответствующих современному типу организации общественного производства.

Современное дискуссионное пространство. История науки знает немало примеров признания интеллекта высшей способностью человека: Платон и Аристотель, ранние и поздние схоласты, ученые эпохи Возрождения и представители рационалистической философии XVII–XVIII вв., И. Кант и Г. Гегель с его Абсолютной идеей, воплощенной в человеческом разуме. Вторая половина XX в. представила новый виток идей абсолютизации интеллектуальной составляющей бытия через интеллектуализацию труда. Определения интеллектуализации отражают многоуровневость ее трактовок: от увеличения доли интеллектуального труда в деятельности человека и общества до эволюции социально-трудовых и экономических отношений под воздействием перехода к интеллектуальному труду как ведущему типу целесообразной и полезной деятельности [Новожилова, Смирнов, 2008; Киршин, Титов, 2012]. Подходы к выявлению сущности интеллектуализации варьируются от антропоцентрических, гуманистических платформ [Бузгалин, 2017; 2018] до прагматичных рыночных подходов, рассматривающих экономию общественных издержек и оптимизацию организации труда как главные критерии изменения содержания труда [Bridges, 1995; Pink, 2002].

С одной стороны, в процессе интеллектуализации ученые пытаются постичь сущность эволюции человечества в марксовской идее «всеобщего труда», под которым сегодня понимают продуктивно-творческую деятельность человека, создающую всеобщие схемы работы мышления, воображения, эстетического созерцания, воли и веры [Марцева, 2013]. С другой стороны, на рубеже XX–XXI вв. возникла новая черта научных работ, заключающаяся в смешении различных подходов, их содержательных компонент в попытке представить повышение производительности труда и гуманизацию общества как звенья одной цепи, логически вытекающие из интеллектуализации труда. Многие авторы, вдохновленные идеей построения экономики знаний на фундаменте свободного творчества масс, не учитывают неолиберальную основу такой экономики и апологетизируют умственный (интеллектуальный) труд как таковой. Этому в большой степени способствовали труды классиков «информационного жанра» – Д. Белла, Дж. Гэлбрейта, Э. Тоффлера,

П. Друкера и М. Кастельса, зародивших технократические традиции в изучении труда, личности и социальных коммуникаций на методологической платформе постиндустриализма и экономики знаний. Ряд российских ученых поддерживают идею о «колоссальном увеличении объема интеллектуального труда во всех сферах деятельности», «новом витке развития человеческого общества» на основе интеллектуализации производства [Лебединцева, 2009: 92], «постоянном и неуклонном возрастании доли творческого труда в структуре наемного совокупного труда», «историческом симбиозе наемного и творческого труда» [Стожко и др., 2013: 25]. Некоторые специалисты рассматривают «креативный и информационный факторы» как решающее условие современной организации труда в противоположность «физическому и энергетическому факторам, как это было на более низких ступенях технического развития» [Лебедев, 2014: 112], и предсказывают «возможную замену трудовой деятельности новым типом активности со значительными элементами творчества» [Михнева, 2002: 45].

Сторонники экономики знаний считают, что развитие ИКТ в рыночных условиях способно превратить работника в креативную конкурентоспособную личность с цифровыми навыками [Castells, 2001; Campbell, 2019], занимающуюся когнитивным нерутинным трудом [Small, Vorgan, 2008; Tsareva, Omelyanenko, 2020]. Компьютерный труд рассматривается как квинтэссенция всеобщего труда, осуществляющая интеграцию труда современников и предшественников через компьютер как универсальное средство труда [Орлов, Гриценко, 2012: 76]. В эпоху тотальной интеллектуализации создается «креативный класс», нацеленный на самоактуализацию личности посредством решения творческих инновационных задач [Покровская и др., 2020]. Концепция «нематериального труда» абсолютизирует отрыв от «старой дихотомии физического и умственного труда», определяет труд как «абстрактную деятельность, включающую в себя производство субъективности», и отождествляет процессы валоризации и непрерывного воспроизводства социальной коммуникации [Lazzarato, 1996: 134]. Придание современному труду инновационного, научного, творческого, креативного и «нематериального» содержания происходит в рамках постфордизма – технологически мобильной системы производства, модифицирующей товар или услугу с учетом запросов потребителей на основе «мобилизации безграничного творческого потенциала рабочей силы» [Lovering, 2009: 209]. Противопоставления материального труда и творчества с констатацией неизбежной замены первого вторым характерны для многих работ. Без прямого указания на элиминацию физического труда подтверждается резкое падение его значимости и прекаризация: материальное производство объявляется предысторией человечества, сетевое общество – новой Вселенной [Castells, 2001].

Принципиально иным подходом к изучению интеллектуализации является ее проблематизация. Остроту набирают проблемы повышения интенсивности труда, регресса производительных сил [Бузгалин, 2018], «колонизации» свободного времени и профессионального выгорания [Корсани, 2015]. Расширение «гибких форм» занятости, «свободного» и «индивидуализированного» труда, вызывающее восторг у одних авторов [Castells, 2001; Bridges, 1995], у других вызывает озабоченность из-за усиления эксплуатации, отсутствия социальных гарантий, углубления неравенства и расслоения общества [Terranova, 2000; Стэндинг, 2020]. Широкое обсуждение грядущей технологической безработицы указывает не на замену одного вида труда другим, а на замену человеческого труда машинами: в этом случае работники вместо развития интеллекта рискуют столкнуться с обесцениванием и деградацией своего человеческого капитала, «пролетаризацией» вместо «профессионализации» [Buyruk, 2014].

Таким образом, исследования процессов интеллектуализации труда многочисленны и разноплановы. Среди ученых наблюдается относительное единодушие в вопросе предпосылок интеллектуализации: ее источником является возрастание роли знаний и информации в общественном производстве. Но тенденции, условия и последствия интеллектуализации изучены недостаточно. Анализ литературы показал широкое распространение представлений об интеллектуализации труда как основы возникновения некоего бесклассового

общества, в котором каждый работник, будучи собственником своего уникального человеческого потенциала, способен диктовать свои условия работодателю и, занимаясь свободным и творческим трудом без привязки к конкретному месту и времени, реализовывать свой потенциал в качестве «самопредпринимателя». Мы предполагаем две основные причины популярности такого мнения. Первая: острота текущих социальных проблем заставляет видеть варианты их решения за пределами существующих классовых отношений, в некоем «посткапитализме» или обществе «посттруда» – весьма неопределенных научных конструктах общества, имеющих мало общего с современным капитализмом. Вторая: неправильная интерпретация признаков интеллектуализации, когда повышение доли умственного труда ошибочно принимается за симптом гуманизации общества и закономерный результат человеческого развития. Концепции Д. Белла и Э. Тоффлера, не оправдавшие за полвека надежд ни с точки зрения роста общемировой производительности труда, ни с позиций раскрытия каждым своего творческого потенциала, остаются привлекательными для тех, кто видит в развитии интеллекта путь к обретению личностной свободы. На наш взгляд, следует перейти от декларативных и утрированных положений о торжестве человеческого разума к анализу интеллектуализации с учетом объективной реальности и сути взаимоотношений труда и капитала. Критически настроенные ученые призывают отойти от «сбивающего с толку технократизма» в пользу фундаментального переосмысления социально-исторической перспективы труда [Sy, Tinker, 2010].

Объективные черты интеллектуализации. Анализ отношений, возникающих в рамках организации современного производства между капиталом и трудом, позволяет обозначить ряд черт интеллектуализации, отражающих ее как особое социальное явление.

1. *Интеллектуализация труда XX–XXI вв. осуществляется в рамках развития капиталистической экономики с ее упором на технологии.* С точки зрения векового тренда социально-экономического развития мы определяем интеллектуализацию как процесс замещения преимущественно физического труда преимущественно умственным трудом в результате внедрения в общественное производство передовых технологий с целью повышения общей производительности труда. Наречие «преимущественно» здесь имеет особое значение, поскольку полное вытеснение физического труда представляется нецелесообразным и невозможным: речь идет о замещении части трудоемких, тяжелых для человека и низкопроизводительных работ процессами механизации и автоматизации. Общественность зачастую противопоставляет труд физический и труд умственный. Исторической основой такого противопоставления служила разница социальных интересов лиц физического и умственного труда, выступающая источником общественного неравенства. Физический труд рассматривался как наиболее эксплуатируемый, как олицетворение бесправного рабочего класса, интересы которого входили в конфликт с интересами класса капиталистов. Научно-техническая революция середины XX в. существенно облегчила условия труда, изменила его содержание в пользу нефизических составляющих, повысила требования к знаниям и навыкам работников. Это дало основание говорить о замене и даже потенциальном исчезновении физического труда, вместе с ним – и межклассового конфликта интересов. Неоклассическая наука в рамках теории человеческого капитала обосновала связь между уровнем образования и оплатой труда, дав понять, что работник сам несет ответственность за свое благополучие, возвращая свой человеческий капитал и подстраиваясь к развивающимся технологиям.

Советские ученые в 1960–1980-х гг. первыми попытались критически осмыслить происходящие на Западе процессы интеллектуализации труда, раскрыть научную несостоятельность мнения об исчезновении физического труда, концепции «когнитивного капитализма», «менеджеральной революции» и т.д. Советский философ И.М. Ивашкевич отметил, что «предприниматель делегировал наемным лицам многие управленческие prerogatives, оставив за собой право принятия наиболее важных решений. ... Умственный труд перестал быть атрибутом классовой привилегии элиты, однако, не перестал быть ее классовой монополией» [Ивашкевич, 1983: 115]. Данное мнение не утратило своей справедливости: работники умственного труда 2022 г. по своим социальным характеристикам

мало чем отличаются от работников физического труда 1922 г., поскольку их занятость и доход, как и 100 лет назад, зависят от динамики общественного производства и спроса на рабочую силу. Существенная разница лишь в том, что сегодня эти работники не стоят за станком, а сидят за компьютером, поменяв промышленную фабрику на «социальную» [Terranova, 2000]. Умственный труд, охватывающий и рутинный офисный, и научно-творческий труд, подвергается эксплуатации и отчуждению, как и труд промышленных или сельскохозяйственных рабочих. Интеллектуализацию труда следует рассматривать не как фундамент «нового общества» или «новой эпохи», а как закономерный процесс, укладывающийся в русло развития капиталистической экономики с ее опорой на ИКТ, которые дают на текущем этапе развития наибольший потенциал роста факторной производительности. Роль интеллектуализации состоит в обеспечении процессов внедрения и использования новых технологий ресурсами труда надлежащего качества.

2. *Интеллектуализация труда не меняет характера отношений между капиталом и трудом.* Интеллектуализация вызывает бурные обсуждения на стыке не просто различных, а полярных точек зрения по поводу отношений между капиталом и трудом. Ряд ученых рассматривают ее как реализацию высших творческих и духовных сил человека, позволяющую сломать традиционные условия капиталистического производства и выйти за границы эксплуатации и отчуждения труда. «Интеллектуальный труд пронизан творчеством, знаниями, поэтому он уже не может служить источником стоимости» [Лебединцева, 2009: 94]. «Творчество... не определяется стремлением к достижению материального богатства, т.е. не может быть объектом экономической эксплуатации» [Иноземцев, 1998: 158–159]. «Масштабный сдвиг в содержании труда... может изменить облик всех социально-экономических и политико-культурных процессов», определяет «возможность формирования производственных отношений "по ту сторону" капитала» [Бузгалин, 2017: 45]. Некоторые утверждают, что компьютеры и телекоммуникации являются инструментами «беспрецедентного мирового порядка» на основе общественного распределения богатства – «коммунизма XXI века» [Dyer-Witheford, 1999]. То есть предполагается, что содержание труда может определять характер социально-экономических отношений. Как бы ни были привлекательны такие воззрения с позиций гуманизма, следует признать, что любой труд – интеллектуальный, творческий, креативный – осуществляется в сложившихся экономических условиях и отношениях собственности, где доминирующий класс решает, что, как и для кого производить. Если в рамках развивающихся технологий капиталу требуются интеллектуально развитые работники, то спрос будет предъявляться на такое количество и качество умственного труда, которое нужно для максимизации прибыли. Содержание труда, структура рабочей силы не могут определять сущность отношений между капиталом и трудом – они ими определяются в процессе накопления капитала. Традиционно принадлежность к рабочему классу рассматривалась не в зависимости от содержания труда, а от факта наличия эксплуатации. «Расширение социальных границ рабочего класса происходит за счет работников нефизического труда и пролетаризации интеллигенции» [Ивашкевич, 1983: 80]. В наши дни «именно интеллектуальный капитал создает прибавочную стоимость, поэтому творчество, инновации являются объектами эксплуатации» [Мокшин, Шипелик, 2019: 117]. «"Массовая интеллектуальность" есть производная от новых потребностей капитала» [Lazzarato, 1996: 134]. В условиях зависимого, отчуждаемого интеллектуального труда общественной собственности на создаваемый им продукт не возникает, границы капиталистической экономики не преодолеваются, а Homo Creator все еще остается разновидностью Homo Economicus.

Современные концепции собственности склонны рассматривать работников как индивидуальных частных собственников своей уникальной рабочей силы (человеческого капитала), создавая видимость социального паритета на рынке труда. Однако можно отметить крайне незначительную рыночную власть такого субъекта собственности: совокупность данных субъектов в силу своей многочисленности действует на рынке совершенной конкуренции без возможности диктовать свои условия. Уникальность знаний и навыков

как основа конкурентоспособности работника может сработать в случаях формирования им каких-либо сверхэффективных для капитала идей: в обычном случае эта уникальность работодателю не требуется, поскольку работник создает то, что заведомо принесет прибыль. «Вместо творческой деятельности работник занимается ремесленничеством, превращаясь из работника креативного труда в классического рабочего XIX в., правда, за компьютером, а не за станком» [Джаббаров, 2018: 156]. «Креативный класс» как результат «исторического симбиоза наемного и творческого труда» оказался большей частью в положении «офисного планктона» в силу эволюции производительных сил, навязанной миру поздним капитализмом [Бузгалин, 2018: 20].

Здесь возникает важное противоречие современной экономики: с одной стороны, интеллектуализация труда требует повышения уровня образованности, профессионализма, совершенствования знаний и навыков для полноценного встраивания в производственный процесс; с другой стороны, реализация потенциала человека ограничивается рамками потребностей капитала. Это тормозит и личностное, и общественное развитие, так как работник замыкается в кругу производства и потребления стоимости: производство нужно для потребления, потребление – для производства. По мере развития ИКТ этот круг сжимается, предлагая работнику такое содержание труда и такие формы занятости, которые в наибольшей степени удовлетворяют интересам капитала. Развитие новых видов активности, перенос интересов и трудовых усилий людей в сетевой формат нацелен не на освобождение от материальных оков за счет упрощения доступа к информации, а на ускорение генерации прибавочной стоимости для творческих индивидуумов и владельцев социальных сетей. Рыночный механизм в сети замаскирован свободой общения и возможностями индивидуального творчества: чем более наполненным, качественным и творческим является контент, тем выше взимаемая интеллектуальная (инновационная, творческая) рента. «Экономика зрелищ и скоротечных впечатлений – вот идеал современного капитала» [Черныш, 2018: 6]. Возможности индивидуального творчества в сети создают ощущение свободы распоряжения своим временем и «статусности» сетевого труда, что закономерно поднимает вопрос: рассматриваются ли сегодняшние интеллектуально-творческие работники «как обладатели элитарной культурной и экономической власти, или же они – новые конфигурации рабочей силы, не гарантирующие автоматически статус элиты»? На фоне противоречий между создающей ролью человеческого труда и усилением отчуждения его результатов «работники умственного труда оказываются очень спорной социологической категорией» [Terranova, 2000: 40].

3. *Интеллектуализация труда не ликвидирует неравенства в обществе.* Воспроизводство существующих отношений между капиталом и трудом автоматически воспроизводит классовость и общественное неравенство независимо от содержания труда. «Сегодня уровень неравенства возвращается к показателям первой трети XX в. Равенство в доходах – это скорее исключение для рыночной экономики, а не правило» [Джаббаров, 2018: 154]. По данным издания *Forbs*, за 1980–2016 гг. на беднейшие 50% населения планеты пришлось 12% роста мировых доходов, в то время как на 1% богатейших – 27%. Наибольший рост неравенства за данный период зафиксирован в странах с высокими темпами внедрения ИКТ (информатизации и интеллектуализации экономики), включая США, Великобританию, Германию, Францию, Китай и Россию¹. Эмпирические исследования объясняют компьютеризацией более 70% поляризации рабочих мест и заработной платы и 40% роста неравенства в доходах с 1975 г. [Cavenaile, 2021]. Самыми богатыми людьми планеты являются владельцы высококапитализированных IT-компаний, уровень их благосостояния оказывается наивысшим за всю историю капиталистической экономики. При этом отсутствует связь между уровнем образованности и уровнем богатства: самые образованные – отнюдь не

¹ Богатые продолжают богатеть: как растёт глобальное имущественное неравенство. URL: <https://www.forbes.ru/milliardery/371457-bogatye-prodolzhayut-bogatet-kak-rastet-globalnoe-imushchestvennoe-neravenstvo> (дата обращения: 20.02.2022).

самые богатые, а самые богатые – отнюдь не самые образованные. Уровень богатства лишь косвенно определяется интеллектуальным потенциалом и профессионализмом: величина состояния владельцев бизнеса напрямую зависит от склонности инвесторов к риску, вкладывающих свои деньги в акции соответствующих компаний и формирующих тем самым динамику капитализации. «Современное общество продолжает быть капиталистическим, а наиболее востребованным и вознаграждаемым талантом – талант по созданию и приумножению капитала. Если бы в современном обществе главным ресурсом было бы знание, которое конвертировалось бы в богатство, то Нобелевская и иные премии для ученых были бы упразднены за ненадобностью» [Рахманов, 2020: 204].

Это значит, что интеллектуальный труд является источником сверхдоходов для владельцев капитала, а не для обладателей интеллекта. Для последних интеллектуализация может усугубить проблему неравенства внутри самой рабочей силы. С одной стороны, врожденный потенциал определяет естественные различия индивидуумов в их интеллектуальных способностях. С другой стороны, естественная неоднородность интеллектуальной массы работников усиливается неравенством в доступе к услугам образования, здравоохранения и другим благам цивилизации, дополняется цифровым неравенством и территориально-отраслевой дифференциацией социально-экономического развития. ООН прямо указывает, что плоды 4-й промышленной революции пожинают лишь высококвалифицированные специалисты², отражая тенденцию к дивергенции в качестве жизни работников с разными способностями и возможностями. В непростые для мировой экономики 2020–2021 гг. топ-менеджеры крупнейших банков мира – JPMorgan Chase & Co., Morgan Stanley и Bank of America – получили рекордные в истории этих банков компенсации, исчисляемые десятками миллионов долларов³. По данным BBC, самая высокая доля бедных отмечена в тех домохозяйствах, которые полагаются на «нестандартные», «гибкие» формы занятости, включающие «временные контракты и работу на самого себя»⁴. «Портфель работ», являющийся следствием «гибкой занятости» работника, отражает не востребованность его как специалиста, а низкий уровень вознаграждения на каждой из таких «работ» и усиление неравенства.

Современный капитализм с его бесконечным стремлением к накоплению капитала постепенно приближается к точке так называемой «социальной бифуркации», когда часть экономически активного населения планеты может просто исчезнуть в силу своей не востребоваемости общественным производством. Превратится ли эта исчезающая часть в «опасный класс» прекариат, как описывает Т. Стэндинг, в нацию «независимых хозяйственных единиц» и «свободных агентов», как убеждают В. Бриджес и Д. Пинк, или в «постиндустриальный резерв», занимающийся «бесплатным трудом», как полагает Т. Терра нова, сказать сложно. Однако эра интеллектуализации как эволюции социально-трудовых отношений и эпоха интеллектуального труда как ведущего типа общественно-полезной деятельности человека могут закончиться в связи с объективной маргинализацией «среднего класса». Сопутствующее этому падение совокупного спроса и кризисы перепроизводства будут вести к дальнейшей примитивизации труда и снижению интеллектоемкости человеческой деятельности.

Заключение. Интеллектуализация труда – неоднозначный процесс, повторяющий социальные изгибы современного капитализма. Дальнейшие усилия науки и практики должны быть направлены не на ускорение капитализации экономики любой ценой, а на решение возникших социальных проблем. Уровень развития общества должен определяться не столько ростом эффективности общественного производства, сколько повышением качества жизни каждого члена общества.

² Глобальные факторы, влияющие на неравенство. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/01/1371001> (дата обращения: 20.02.2022).

³ Глава JPMorgan Джейми Даймон заработал \$34,5 млн в 2021 году. URL: <https://www.interfax.ru/business/817683> (дата обращения: 21.02.2022).

⁴ Разрыв между богатыми и бедными в мире продолжает расти. URL: https://www.bbc.com/russian/business/2015/05/150521_oecd_rich_poor_gap (дата обращения: 21.02.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бузгалин А.В. Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. 2017. № 7(399). С. 43–53. DOI: 10.7868/S0132162517070054.
- Бузгалин А.В. Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономии. 2018. № 2. С. 10–38.
- Волков Ю.Е. К выработке современного представления о сущности труда // Социологические исследования. 2009. № 3(299). С. 27–35.
- Джаббаров Д.Б. Рынок и государство в контексте развития креативного труда // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 6. С. 150–160. DOI: 10.24411/2073-6487-2018-00079.
- Зарубина Н.Н. Экономическая социология. М.: Юрайт, 2017.
- Ивашкевич И.М. Углубление противоположности между умственным и физическим трудом в условиях научно-технической революции при капитализме. Дис. ... канд. фил. наук. Киев, 1983.
- Иноземцев В.Л. За десять лет. К концепции постэкономического общества. М.: Academia, 1998.
- Кишин И.А., Титов А.В. Генезис интеллектуализации экономики: теоретическое обобщение // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. № 6. С. 7–18.
- Корсани А. Трансформации труда и его темпоральностей: хронологическая дезориентация и колонизация нерабочего времени // Логос. 2015. Т. 25. № 3(105). С. 51–71.
- Лебедев С.Н. Концептуальные проблемы экономики интеллектуального труда // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2014. № 3. С. 108–120.
- Лебединцева Л.А. Инновационная сущность интеллектуального труда и интеллектуальная собственность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2009. № 3–1. С. 92–103.
- Марцева Л.М. Сущность и существование труда: избранные статьи. Омск: ООО «Издательский центр «Омский научный вестник», 2013.
- Михнева С.Г. Информационная экономика и новая парадигма политической экономии труда // Вестник РУДН. Сер.: Экономика. 2002. № 1. С. 44–55.
- Мокшин В.К., Шипелик О.В. Труд в истории общества: от примитивного к сетевому: моногр. Архангельск: КИРА, 2019.
- Новожилова Н.В., Смирнов В.В. Интеллектуализация труда в системе производственных отношений // Аудит и финансовый анализ. 2008. № 3. С. 63–73.
- Орлов В.В., Гриценко В.С. Постиндустриальное общество и новая форма труда // Философия и общество. 2012. № 3(67). С. 60–78.
- Покровская Н.Н., Бойко С.В., Ходакова И.А. Информационное общество как социально-экономическая парадигма // Научная мысль. 2020. Т. 13. № 3–1 (37). С. 65–73.
- Рахманов А.Б. Бизнес-элиты ведущих стран мира в 2020 году: комплексное исследование // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 56. С. 194–222. DOI: 10.17223/1998863X/56/19.
- Стожко К.П., Стожко Д.К., Шадрин О.В. Креативный труд в контексте инновационной экономики // Управленец. 2013. № 4(44). С. 22–27.
- Стэндинг Г. Прекариат. Новый опасный класс. М.: Ад Маргинем, 2020.
- Тощенко Ж.Т. Социология труда. М.: ЮНИТИ-ДАТА, 2017.
- Черныш М.Ф. Тренды современной критической социологии (общие наблюдения с конференции ЕСА) // Социологические исследования. 2018. № 2(406). С. 3–8.
- Bridges W. JobShift: How to Prosper in a Workplace Without Jobs. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1995.
- Buyruk H. «Professionalization» or «Proletarianization»: which concept defines the changes in teachers' work? // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 116. P. 1709–1714. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.01.460.
- Campbell J. Questions with regard to work // Ideas and Innovations. 2019. Vol. 7. Iss. 1. P. 27–33.
- Castells M. The Internet Galaxy. Reflections on the Internet, Business and Society. Oxford University Press, 2001.
- Cavenaile L. Offshoring, computerization, labor market polarization and top income inequality // Journal of Macroeconomics. 2021. Vol. 69. Art. 103317. DOI: 10.1016/j.jmacro.2021.103317.
- Dyer-Witthford N. Cyber-Marx: Cycles and Circuits of Struggle in High Technology Capitalism. US, University of Illinois Press, 1999.
- Lazzarato M. Immaterial Labor. Radical Thought in Italy / Virno P., Hardy M. (eds) Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.
- Lovering J. Fordism, postfordism, and flexible specialization // International Encyclopedia of Human Geography (2nd ed.). 2009. P. 209–218. DOI: 10.1016/B978-0-08-102295-5.10069-1.
- Pink D. Free Agent Nation: The Future of Working for Yourself. US: Business Plus, 2002.

- Small G., Vorgan G. iBrain: Surviving the Technological Alternation of the Modern Mind. US, NY: William Morrow Paperbacks Publ., 2008.
- Sy A., Tinker T. Labor processing labor: A new critical literature for information systems research // International Journal of Accounting Information Systems. 2010. Vol. 11. No. 2. P. 120–133. DOI: 10.1016/j.accinf.2010.03.001.
- Terranova T. Free Labor: Producing Culture for the Digital Economy. Duke University Press Publ.: Social Text. 2000. Vol. 63(18). No. 2. P. 33–58.
- Tsareva N.A., Omelyanenko S. Yu. Remote work: development of employee digital competence // Revista De La Universidad Del Zulia. 2020. Vol. 11. No. 31. P. 131–140. DOI: 10.46925/rdluz.31.10.

Статья поступила: 24.02.22. Принята к публикации: 02.06.22.

LABOR INTELLECTUALIZATION AS A SOCIAL PHENOMENON OF MODERN CAPITALISM

KRASOVA E.V.

Vladivostok State University of Economics and Services, Russia

Elena V. KRASOVA, Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Department of Economics and Management, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia (elena_krasova@rambler.ru).

Abstract. From the second half of the twentieth century, a share of intellect in labor content has grown significantly. However, the changes are ambiguous in their manifestations and consequences for society. Intellectualization remains the most understudied issue in terms of its strong connection with the capitalist economy development. The author critically rethinks some common utopian views on intellectual labor as the highest form of human activity that makes possible overcoming the existing contradictions between capital and labor by means of maximizing individuals' creative potential in information economy. The article considers intellectualization as a process that is consistent with the capitalism development on the base of information and communication technologies. The role of intellectualization is substantiated; it is to provide production using new technologies with labor resources of the appropriate quality. There are arguments that intellectualization cannot ensure changing nature of relationship between capital and labor and bring the economy beyond framework of capitalism, since it is itself determined by the capitalism. A trend of social inequality aggravation under the information economy and inherent intellectualization processes is indicated. There is a general conclusion that today's capitalism with its desire for super-accumulation of capital and deep internal contradictions justifies unclear prospects for intellectualization under the strengthened exploitation and intellectual labor alienation.

Keywords: labor, labor intellectualization, intellectual labor, capitalism, public production, information and communication technologies, capital.

REFERENCES

- Bridges W. (1995) *JobShift: How to Prosper in a Workplace Without Jobs*. Reading, Mass.: Addison-Wesley.
- Buyruk H. (2014) «Professionalization» or «Proletarianization»: which concept defines the changes in teachers' work? *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol. 116: 1709–1714.
- Buzgalin A.V. (2017) Creative economy: private intellectual property or ownership by everybody of everything? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 43–53. (In Russ.)
- Buzgalin A.V. (2018) Late capitalism and its limits: dialectics of production forces and production relations (on the Karl Marx's 200th anniversary). *Voprosy politicheskoy ekonomii* [Issues of Political Economy]. No. 2: 10–38. (In Russ.)
- Campbell J. (2019) Questions with regard to work. *Ideas and Innovations*. Vol. 7. Iss. 1: 27–33.
- Castells M. (2001) *The Internet Galaxy. Reflections on the Internet, Business and Society*. Oxford; New York: Oxford University Press.
- Cavenaile L. (2021) Offshoring, computerization, labor market polarization and top income inequality. *Journal of Macroeconomics*. Vol. 69. Art. 103317.

- Chernysh M.F. (2018) Trends of modern critical sociology (general impressions from ESS conference). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 3–8. (In Russ.)
- Corsani A. (2015) Transformation of labor and its temporalities: chronological disorientation and the colonization of non-working time. *Logos*. No. 25. Vol. 3(105): 51–71. (In Russ.)
- Dyer-Witheford N. (1999) *Cyber-Marx: Cycles and Circuits of Struggle in High Technology Capitalism*. US: University of Illinois Press.
- Inozemtsev V.L. (1998) *For Ten Years. About the Concept of Post-Economic Society*. Moscow: Academia. (In Russ.)
- Ivashkevich I.M. (1983) *Deepening the opposition between mental and physical labor in the conditions of the scientific and technological revolution under capitalism*. Diss. kand. fil. nauk. SU: Kiyev. (In Russ.)
- Jabborov D.B. (2018) The market and the state in the context of the development of creative labor. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of Economics Institute of the RAS]. No. 6: 150–160. (In Russ.)
- Kirshin I.A., Titov A.V. (2012) Genesis of economy intellectualization: theoretical generalization. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki* [Kazan University Bulletin. Humanities]. No. 154. Vol. 6: 7–18. (In Russ.)
- Lazzarato M. (1996) *Immaterial Labor. Radical Thought in Italy*. Virno P., Hardy M. (eds) Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Lebedev S.N. (2014) Conceptual problems of the intellectual labor economics. *RUDN Journal of Sociology*. No. 3: 108–120. (In Russ.)
- Lebedintseva L.A. (2009) Distinctive features, role and functions of intellectual labour in the modern society. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology]. No. 3–1: 92–103. (In Russ.)
- Lovering J. (2009) Fordism, postfordism, and flexible specialization. *International Encyclopedia of Human Geography* (2nd ed.): 209–218.
- Martseva L.M. (2013) *Essence and Existence of Labor: Selected Articles*. Omsk: OOO «Izdatel'skiy tsentr «Omskiy nauchnyy vestnik». (In Russ.)
- Mikhneva S.G. (2002) Information economics and the new paradigm of the political economy of labour. *RUDN Journal of Economics*. No. 1: 44–55. (In Russ.)
- Mokshin V.K., Shipelik O.V. (2019) *Labor in the History of Society: from Primitive to Network*. Arkhangel'sk: KIRA. (In Russ.)
- Novozhilova N.V., Smirnov V.V. (2008) Intellectualization of work in system of relations of production. *Audit i Finansovyy Analiz* [Audit and Financial Analysis]. No. 3: 63–73. (In Russ.)
- Orlov V.V., Gritsenko V.S. (2012) The post-industrial society and a new type of labour. *Filosofiya i Obshchestvo* [Philosophy and Society]. No. 3(67): 60–78. (In Russ.)
- Pink D. (2002) *Free Agent Nation: The Future of Working for Yourself*. New York: Business Plus.
- Pokrovskaya N.N., Boyko S.V., Khodakova I.A. (2020) Information society as socio-economic paradigm. *Nauchnaya mysl'* [Scientific Thought]. No. 13. Vol. 3–1(37): 65–73. (In Russ.)
- Rakhmanov A.B. (2020) The business elites of the leading countries in 2020: a complex study. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]. No. 56: 194–222. (In Russ.)
- Small G., Vorgan G. (2008) *iBrain: Surviving the Technological Alternation of the Modern Mind*. New York: William Morrow Paperbacks Publ.
- Standing G. (2020) *The Precariat. The New Dangerous Class*. Moscow: Ad Marginem.
- Stozhko K.P., Stozhko D.K., Shadrina O.V. (2013) Creative labour in the context of innovative economy. *Upravlenets* [The Manager]. No. 4(44): 22–27. (In Russ.)
- Sy A., Tinker T. (2010) Labor processing labor: A new critical literature for information systems research. *International Journal of Accounting Information Systems*. Vol. 11. No. 2: 120–133.
- Terranova T. (2000) *Free Labor: Producing Culture for the Digital Economy*. Duke University Press Publ.: Social Text. Vol. 63(18). No. 2: 33–58.
- Toshchenko Zh.T. (2017) *Sociology of Labor*. Moscow: UNITI-DATA.
- Tsareva N.A., Omelyanenko S. Yu. (2020) Remote work: development of employee digital competence. *Revista De La Universidad Del Zulia*. Vol. 11. No. 31: 131–140.
- Volkov Yu.E. (2009) Re-thinking current ideas on the labor essence. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3 (299): 27–35. (In Russ.)
- Zarubina N.N. (2017) *Economic Sociology*. Moscow: Yurayt. (In Russ.)

Received: 24.02.22. Accepted: 02.06.22.

И.О. ШЕВЧЕНКО, П.В. ШЕВЧЕНКО

ОТ ПРЕКАРИЗАЦИИ ЗАНЯТОСТИ – К ПРЕКАРИЗАЦИИ ЖИЗНИ?

ШЕВЧЕНКО Ирина Олеговна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-образовательного центра, профессор социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (sheviren@yandex.ru); ШЕВЧЕНКО Павел Владимирович – кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник Лаборатории управления проектами Московского городского педагогического университета (shevpav@yandex.ru). Оба – Москва, Россия.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы прекаризации занятости, которая понимается как неустойчивое, нестабильное положение работников на рынке труда. Предлагается и обосновывается положение, что прекаризация в сфере занятости приводит к прекаризации жизни, под которой имеется в виду снижение жизненной активности в разных областях человеческой деятельности вследствие перегрузки в сфере трудовой занятости, уменьшения свободного времени и недостатка доходов, сопровождающееся сокращением доступа к социальным и культурным благам и изменениями в образе жизни. Работа опирается на анализ данных общероссийского опроса населения (2018 г., репрезентативная выборка, N = 1200). Сравниваются две группы работающих – прекариев и работников, не обладающих признаками прекарности (не-прекариев), выделенных на основе следующих признаков прекарности: оформление труда без договора или с договором не более чем на один год; несоответствие образования/квалификации работе; постоянная переработка; подработка в своей или сторонней организации; зарплата «в конверте»; смена работы за последние три года более одного раза; невозможность влиять на важные решения в своей производственной организации. Выявлено, что работники-прекарии попадают в ущемленное положение в социальной сфере, демонстрируют некоторые особенности поведения и образа жизни вследствие неустойчивого положения на рынке труда. Сделаны выводы о том, что прекаризованность занятости является фактором прекаризованности в других сферах жизни. Она ведет к неблагоприятным социальным тенденциям – нестабильности, неустойчивости жизненной ситуации, невозможности решить некоторые жизненные проблемы, преобладанию негативных оценок своей жизни и ее перспектив.

Ключевые слова: труд • занятость • работники • прекаризация • прекариат • прекарии • не-прекарии • социальные гарантии • признаки (критерии) прекарности • коэффициент прекарности

DOI: 10.31857/S013216250018913-7

Введение. Проблемы рынка труда и занятости актуализируются в современной России. Мы наблюдаем крупнейшую трансформацию трудовых отношений, масштаб последствий которой еще предстоит осознать [Анисимов, 2017; Трансформация труда..., 2021]. В российском исследовательском поле происходящие изменения часто рассматриваются в контексте прекаризации занятости ([Голенкова, Голиусова, 2013; Попов, Соловьева, 2020; Тощенко, 2020; Шкаратан, 2016] и др.). Под прекаризацией понимается неустойчивое, нестабильное положение работника на рынке труда, связанное с недостаточностью социальных гарантий, трудовыми перегрузками и дополнительной занятостью, отсутствием права голоса (участия в принятии решений в своей организации). Некоторые исследователи предлагают использовать в качестве синонима термин «неустойчивая занятость» [Бобков, 2019; Неустойчивая занятость, 2018]. Нам термин «прекаризация» представляется более точным в силу того, что анализируемый процесс не сводится только

к неустойчивой занятости, но включает в себя группу критериев, главным из которых является неформальное трудоустройство [Прекариат, 2020; Воронин, Крамер, 2021].

Многие ученые обращают внимание на положение отдельных групп работников на рынке труда [Попов, 2019; Прекарная занятость..., 2021]; поставлены вопросы о трансформации социальной структуры российского общества в связи с формированием нового класса [Голенкова, Голиусова, 2013; Романовский, 2019; Тихонова, 2019; Тощенко, 2015; Тощенко, 2018]. Некоторые исследователи предлагают расширенное понимание термина «прекаризация», включая рассмотрение последствий этого процесса применительно к индивидуальному, организационному, общественному уровням [Попов, Соловьева, 2019], распространяя этот термин на другие сферы жизни [Бобков, Вередюк, 2014; Попов, Соловьева, 2020; Сигитова, Филиппова, 2018] и даже вкладывая в него экзистенциальный смысл [Хорошилов, 2021].

На то, что прекаризация занятости влияет на реализацию других прав человека (гражданских, культурных, политических), указывает Г. Стэндинг [Standing, 2011: 14]. «Прекарии дополнительно определяются особым отношением к государству: они теряют права, которые считаются само собой разумеющимися для полноправных граждан» [Standing, 2014: 11]. В последнее десятилетие появляются научные работы, в которых рассматриваются последствия прекаризации занятости отдельных социальных групп работников, многие делают акцент на социальных и психологических аспектах прекаризации (к примеру, [Cornelius-Bell, Bell, 2021; Nititham, 2022; Salustowicz, 2020]). Б. Кэмпбелл и К. Лахей отмечают, что прекарность ярко выражена в городах и «проявляется как многогранное состояние, заключающее в себе не только юридические и экономические лишения, но и моральную, духовную, политическую неопределенность и неопределенность, связанную со здоровьем» [Campbell, Laheij, 2021: 3]. В широком смысле можно говорить о прекаризации жизненного мира прекариата [Тощенко, 2018].

Мы предположили, что прекаризация занятости ведет к прекаризации в других сферах жизни. Мы вводим термин «прекаризация жизни» и предлагаем следующее определение: *прекаризация жизни* – снижение жизненной активности в разных областях человеческой деятельности вследствие перегрузки в сфере трудовой занятости, уменьшения свободного времени и недостатка доходов, сопровождающееся сокращением доступа к социальным и культурным благам и изменениями в образе жизни.

Прекаризованность жизни также – нестабильность, неустойчивость жизненной ситуации (связанная в первую очередь с материальным фактором и отсутствием социальной защищенности, но не только), невозможность решить некоторые жизненные проблемы и как следствие – преобладание негативных оценок своей жизни, формирование социальной аномии.

Поставлены следующие исследовательские вопросы (задачи): 1) различаются ли группы работников, которых мы определяем как прекариев или не-прекариев, своим положением в обществе, поведением и доступом к различным общественным благам? 2) Можем ли мы на основании приведенных данных говорить о прекаризации работников не только в сфере труда, но и в других сферах жизни? Исходя из этого, анализируются различия между выделяемыми группами в сферах трудовой, общественной, политической, близкого окружения (семьи), а также в отношении к здоровью и досугу, к оценкам своего положения и перспектив.

Эмпирическая база и методология исследования. Для анализа были использованы данные исследования, проведенного в июне – июле 2018 г. коллективом РГГУ под рук. Ж.Т. Тощенко. Методом формализованного интервью проведен опрос трудоспособного населения России ($N = 1200$, выборка репрезентативна по возрасту, полу, месту жительства, социально-профессиональным группам)¹. Расчет эмпирических параметров квот для

¹ Полевой этап исследования проведен Центром социального прогнозирования и маркетинга под рук. Ф.Э. Шереги по инструментарию, подготовленному исследовательским коллективом РГГУ.

поиска и отбора респондентов осуществлен интервьюерами с учетом доли занятого населения (пропорционально) в возрасте 18 лет и старше: 1) по федеральным округам; 2) по типам пяти поселений; 3) по социально-профессиональному составу.

Для сопоставления положения различных социальных групп был разработан **коэффициент прекарности** (КП)². Выбрано семь индикаторов (признаков прекарности), на которые ориентировались в расчетах: 1) оформление труда без договора или с договором не более чем на один год; 2) полное несоответствие образования работе; 3) переработка (более 8 часов) постоянная; 4) подработка в своей или сторонней организации (регулярная или нерегулярная); 5) зарплата в конверте (систематическая или иногда случающаяся); 6) смена работы за последние три года более одного раза; 7) невозможность влиять на важные решения в своей производственной организации.

Каждый из семи признаков имеет свой удельный вес в общей суммарной прекарности. Удельный вес признака – его доля в общей оценке прекарности, принятой за единицу. Для оценки этого веса сравнивалась доля носителей данного признака в группе прекариев с аналогичной долей во всей выборке. Так, оформление трудовых отношений без договора или с договором менее чем на год в подвыборке прекариев встречается в 2,38 раза чаще, чем в целом по выборке, а подработка в сторонней организации – только в 1,57 раза чаще. В среднем все признаки у прекариев встречаются в два раза чаще, чем в общей выборке. Пропорционально относительной частоте встречаемости рассчитан и удельный вес каждого признака таким образом, чтобы в сумме общий вес семи признаков равнялся 1. Соответственно, в целом по выборке КП = 1, в группе из 797 человек «не-прекариев» КП = 0,5. Иными словами, в среднем у «не-прекариата» все признаки встречаются вдвое реже, чем в среднем по общей выборке, т.е. для группы прекариев среднее значение коэффициента прекарности равно 2 (табл. 1).

Таблица 1

Прекарии: относительная частота встречаемости и удельный вес отдельных признаков***

Индикатор (признак прекарности)	Частота встречаемости признака**	Удельный вес признака в общей прекарности*
Бездоговорное оформление	2,38	0,17
Смена работы больше одного раза	2,74	0,20
Постоянная переработка	1,89	0,14
Несоответствие образования работе	1,92	0,14
Зарплата в конверте	2,15	0,15
Подработка в сторонней организации	1,57	0,11
Невлиятельность в организации	1,39	0,10
Сумма всех частот	14,0	1,00
В среднем	2,0	

Примечания. *Чем чаще признак встречается в выборке прекариев, тем он «сильнее». Чтобы оценить «силу» каждого из семи признаков прекарности, необходимо рассчитать удельный вес каждого, который является производным от его частоты встречаемости. Частное от деления частоты встречаемости признака на сумму всех частот, которая равна 14, и есть удельный вес признака в общей прекарности. **Частота встречаемости признака означает, во сколько раз у прекариев он встречается чаще, чем в среднем по всей выборке.

Руководствуясь этим принципом, возможно взять любую подвыборку и сравнить в среднем частоту появления семи признаков прекарности: насколько чаще или реже они встречаются по сравнению с общей выборкой. Если значение КП будет ниже 1, то это означает, что данная группа хорошо трудоустроена и ее положение нельзя назвать прекарным.

² Подробнее о методике см.: [Шевченко, 2019; Шевченко, 2018].

Если КП будет находиться в диапазоне от 1 до 2, то эта группа будет иметь тенденцию к прекарности, и чем выше КП, тем ближе выбранная группа к «настоящим» прекариям. «Не-прекарии» или «не-прекариат» – это работники, у которых присутствуют от 0 до 2 признаков прекарности. «Прекарии» – те, у кого мы находим 3 и более признаков.

Анализ показывает, что у работников, занятых в сфере строительства, наибольший коэффициент прекарности (1,5), выше среднего он и в сфере торговли (1,3), а в бюджетной сфере – минимальный (0,6). Таким же образом возможно рассчитать КП для возрастных или любых других социальных групп.

При одновременном наличии трех и более признаков мы относим респондента к группе прекаризованных работников, или прекариев. Из всей выборки таковых оказалось 403 человека (33,6%). По количеству одновременно присутствующих признаков прекарии распределились следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

Количество признаков прекарности и количество работников

Количество признаков прекарности	Количество респондентов	% от всех прекариев
3	231	57,3
4	104	25,8
5	48	11,9
6	17	4,2
7	3	0,7
Всего	403	100,0

Прекарии и не-прекарии: социально-демографические характеристики. Средний возраст прекариев – 40,7 года, не-прекариев – 42,8 года. В группе прекариев больше молодых людей (см. табл. 3), это можно считать естественным, так как молодежь чаще соглашается на неформальное трудоустройство по разным соображениям, а это ведущий признак прекаризации занятости [Прекариат..., 2020]. Молодым людям часто не хватает образования или опыта, чтобы претендовать на устойчивые позиции в компании или организации. Но среди прекариев 48,4% работников 30–49 лет – это самый работоспособный возраст, это работники с опытом работы и достаточной квалификацией. На наш взгляд, такая ситуация говорит об общем неблагополучии на российском рынке труда.

Среди прекариев оказывается больше мужчин – 58,6% (среди не-прекариев мужчин – 46,3%), чем женщин. Это связано с особенностями их занятости (подробнее см.: [Шевченко, 2018]). Мужчины чаще работают в сферах, особенно подверженных прекаризации, – это строительство, транспорт [Прекариат, 2020]. В стремлении к большим заработкам они чаще соглашаются на неформальное трудоустройство и худшие условия труда, чаще перерабатывают, такие практики являются признаками прекаризованной занятости.

В группе прекариев больше людей со средним и начальным образованием: образованные работники имеют больше шансов получить хорошую позицию на рынке труда. Стоит отдельно выделить несоответствие работы образованию/квалификации и изменению профессии у прекариев, что свидетельствует об их депрофессионализации.

Здесь больше работников частных предприятий, что можно объяснить условиями труда: на частных предприятиях работникам чаще предлагается неформальное трудоустройство или «серая» зарплата, и они соглашаются на это, с тем чтобы повысить свой доход. На невыгодные условия труда часто соглашаются работники с небольшим трудовым стажем (до 10 лет). Часто неофициальное трудоустройство – обязательное условие предоставления работы: отсутствие необходимого стажа (т.е. опыта работы) вынуждает соглашаться на такие предложения. Приобретая стаж работы по профессии, работник получает больше возможностей для официального (формального) трудоустройства.

Таблица 3

Социально-демографические характеристики

Характеристики	Прекарии	Не-прекарии
Пол		
Мужчины	58,6	46,3
Женщины	41,4	53,7
Возраст, лет		
До 24	9,9	4,9
25–29	16,1	9,7
30–39	28,5	30,2
40–49	19,9	29,0
50–59	15,4	16,6
Старше 60 лет	10,2	9,7
Образование		
Начальное	7,2	2,0
Среднее, среднее специальное	71,7	55,5
Неполное высшее	4,2	4,4
Высшее	16,9	38,1
Форма собственности предприятия		
Государственная	19,1	42,9
Частная	54,6	31,0
Трудовой стаж		
До 1 года	5,2	1,9
От 1 до 3 лет	10,7	7,0
От 3 до 10 лет	29,3	23,7
Свыше 10 лет	54,8	67,4

Место жительства (крупный или средний город, рабочий поселок или сельское поселение) не влияет на попадание в группу прекариев или не-прекариев: их количество в процентном отношении примерно одинаково в разных типах поселений.

Ситуация на рынке труда. Отвечая на вопрос о важности работы в своей жизни, 83,2% не-прекариев сказали, что она «очень важна» для них, среди прекариев таких 71,5%. Но возникает вопрос: что первично – меньшая значимость работы для прекариев, и поэтому они оказываются в этой подгруппе, или они «переключаются» на другие ценности жизни, поскольку работа не приносит удовлетворения? На этот вопрос в нашем исследовании ответа пока нет.

Помимо тех признаков, которые позволяют определять работников как прекариев, в сфере труда есть и другие характеристики, отличающие их от не-прекариев. Прекарии чаще хотят сменить работу (27,3% – прекарии, 8,8% – не-прекарии), реже оценивают условия труда как «нормальные» (57,3% – не-прекарии, 24,1% – прекарии), чаще указывают на несправедливость оплаты труда (21,8% – не-прекарии, 34,5% – прекарии).

Среднемесячный заработок не-прекариев составляет 29 982 руб., прекариев – 26 867 руб. Доход на каждого члена семьи у не-прекариев – 21 362 руб., у прекариев – 18 863 руб. (это средние показатели по России). Разница может показаться несущественной, но нужно иметь в виду, что суммы невелики сами по себе, и 3 тыс. руб. для небогатых людей – это значимая величина. Кроме этого, свои деньги прекарии получают в результате переработок и дополнительной занятости, часто в неблагоприятных условиях труда [Кученкова, 2021]. Но даже дополнительные трудовые усилия позволяют прекариям лишь незначительно повысить свой уровень дохода, «догнать» не-прекариев им не удастся. Иначе говоря, имеет место *сверхэксплуатация* работников. Об этом писали и другие авторы, не

используя термин «прекаризация» [Эфендиев, Балабанова, 2012]. Таким образом, *прекарии, по сравнению с не-прекариями, находятся в невыгодном положении на рынке труда.*

Социальные гарантии. Трудовое законодательство в его современном виде стало итогом длительной борьбы трудящихся за свои права, результатом соглашений между работодателями и работниками, в лице профессиональных союзов, при непосредственном участии государства. Существование социалистической альтернативы принуждало работодателей (собственников предприятий) устанавливать справедливые нормы труда и гарантировать социальную защиту работников. В нашей стране трудовое законодательство в значительной мере сохраняет нормы, установленные в советское время, хотя и подвергается ревизии, нацеленной на сокращение прав работников. Проблема состоит в том, соблюдаются ли нормы социальной защиты, и может ли работник в случае их нарушения попытаться отстоять свои права. Наши данные показывают, что работники, находящиеся в неустойчивом положении на рынке труда, теряют и социальные гарантии.

Прекарии находятся в ущемлённом положении по ряду позиций: оплата больничных листов; оплата отпуска; оплата во время вынужденной остановки работы; уход за ребенком; возможность взять отгул (рис. 1). Разница между двумя группами работников по важнейшим социальным гарантиям составляет примерно 35%. Даже по такой простейшей позиции, как возможность взять отгул, которую обычно предоставляют организации своим работникам при условии предварительной или последующей отработки рабочего времени, прекарии отстают от не-прекариев на 16,4%.

По уровню соблюдения социальных гарантий прекарии нашего времени напоминают классический пролетариат XIX в. Все важнейшие социальные достижения XX в. в области труда к ним больше не относятся. Насколько они готовы протестовать и отстаивать свои права? Как показывают исследования, протестная активность работников невелика, поскольку они опасаются дальнейшего ухудшения своего положения или увольнения и не верят в результативность протестов [Воробьева, 2021]. Неустойчивые, ущемленные позиции работников на рынке труда и в области социальной защиты, несомненно, отражаются на их жизненной активности в других сферах.

Сфера политики и общественной жизни. Политическая жизнь страны не слишком интересует россиян в целом [Жизненный мир..., 2016]. Этому способствует множество факторов: погруженность в повседневность, так называемую «борьбу за выживание»; невысокий уровень доверия властям и уверенность в том, что от участия в политической жизни ничего не изменится [Воробьева, 2016]. При этом не-прекарии проявляют большую политическую активность: чаще интересуются политикой, участвовали в выборах в Государственную думу, местные и региональные органы власти (см. рис. 3).

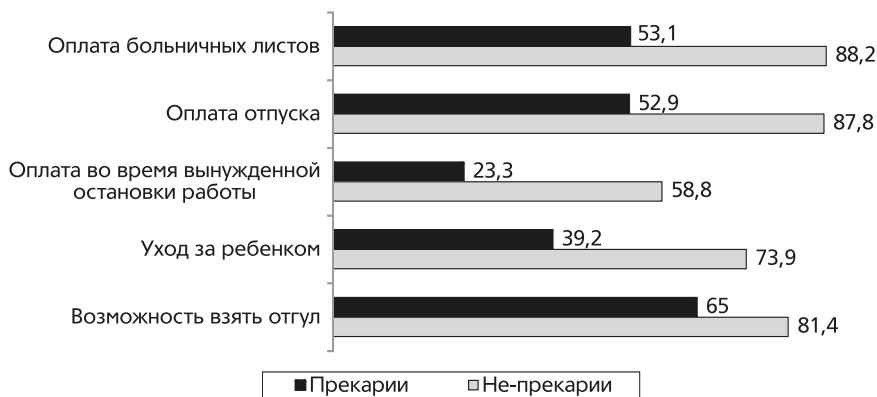

Рис. 1. Социальные гарантии работников

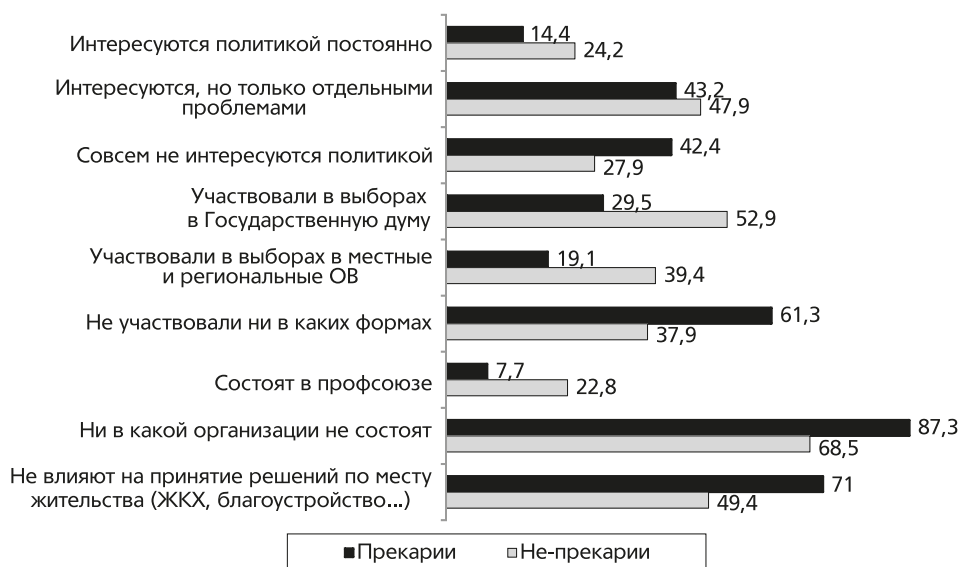

Рис. 2. Участие в политической и общественной жизни

Сфера общественной жизни – ближайшая зона жизни человека, среда, с которой он непосредственно соприкасается, – условия местности (город, село или район), где он живет, местные или профессиональные сообщества разного рода, культурные, спортивные объединения и т.д. Возможность и желание участвовать в общественной жизни определяют человека как гражданина, как личность с активной жизненной позицией. Ни среди населения в целом, ни среди работников не проявляется «избыточной» общественной активности. Наши данные показывают, что прекарии чаще, чем не-прекарии, говорят о том, что они не влияют на принятие решений по месту жительства (ЖКХ, благоустройство и т.д.), не состоят ни в какой общественной организации, включая профсоюз (рис. 2).

Можно сделать вывод, что в сфере политической и общественной жизни не-прекарии заметно более активны. Прекарии же демонстрируют политическую и общественную отчужденность, обусловленную, скорее всего, нехваткой времени, доходов, общей жизненной усталостью, апатией, а в сфере политики – недоверием властям как на государственном, так и на местном уровне.

Здоровье. Одной из базовых ценностей человека является здоровье, оно входит в тройку жизненных ценностей, поэтому оценки состояния и поддержания здоровья разных групп общества дают ценную информацию об их социальном самочувствии [Жизненный мир..., 2016]. Прекарии чаще указывают, что имеют хронические заболевания, в отличие от не-прекариев. Они чаще указывают, что лечатся сами, когда заболеют, реже обращаются в государственную и платную поликлиники. Если более редкое обращение к платным врачам можно объяснить нехваткой денег, то отказ от обращения к врачам вообще – не только нехваткой времени, но и менее ответственным отношением к состоянию своего здоровья. Такие же тенденции мы видим применительно к питанию. Прекарии заметно реже считают, что их питание в целом нормальное, чаще указывают, что не следят специально за питанием (рис. 3).

Вероятно, не-прекарии больше озабочены собственным здоровьем и интересуются спортом (как в пассивном, так и активном варианте), так как чаще посещают спортивные занятия и спортивные мероприятия (13,8% – не-прекарии, 9,9% – прекарии), проводят время на природе, гуляют (27% – не-прекарии, 22,3% – прекарии).

Рис. 3. Отношение к здоровью

Возможно, преобладание мужчин среди прекариев приводит к тому, что в этой группе показатели самосохранительного поведения столь низки: как известно, его уровень имеет гендерную специфику (мужчины уделяют меньше внимания здоровью по сравнению с женщинами).

Свободное время / досуг. Различия между группами работников наблюдаются и в проведении свободного времени. И в той, и в другой его немного, российские работники зачастую перерабатывают сверх обычного рабочего времени. Но структура занятий в свободное время разная, на что может оказывать влияние гендерная специфика групп (рис. 4). Не-прекарии больше занимаются домашним хозяйством, детьми (отметим, что домашнее хозяйство рассматривается здесь как «свободное время», исходя из представления о том, что «это не работа»). Зато прекарии чаще «просто расслабляются».

Рис. 4. Свободное время и досуг работников

Не-прекарии больше читают художественную литературу, чаще посещают театры, кино, концерты, ходят в музеи и на выставки, читают газеты и журналы, смотрят телепередачи, слушают радио, то есть заметен более выраженный интерес к культурному досугу. Не-прекарии больше увлекаются компьютером, Интернетом, что можно объяснить как более высоким уровнем образования и характером занятости не-прекариев, так и большей дополнительной загруженностью прекариев (рис. 4). С другой стороны, ограниченное свободное время не мешает 13,4% прекариев бывать в кафе, барах, ресторанах (против 9,5% у не-прекариев), так что, скорее всего, речь может идти о разном отношении к проведению свободного времени, т.е. о различиях в образе жизни и, возможно, о разном культурном уровне тех и других, а также о гендерных различиях.

Семья и ближний круг. Точкой опоры и группой поддержки для прекариев и не-прекариев выступает семья – ее значимость в равной мере велика для тех и других (93,1% – у прекариев, 95,6% – у не-прекариев). Но те и другие имеют некоторые отличия как по брачному статусу, так и по наличию детей. Не-прекарии чаще состоят в официальном браке (70,1% против 58,1% среди прекариев), чем в гражданском союзе (6,8% против 14,1% у прекариев). У 28,8% прекариев нет детей (у не-прекариев – у 20,3%). У 40,8% не-прекариев есть один ребенок, у 32,4% – двое (у прекариев – 32,0% и 29,8% соответственно).

Важность друзей отмечают 58,8% прекариев и 65,7% не-прекариев – такой значимый пункт социальных сетей поддержки, как друзья, у прекариев менее значим. Разница также в том, что не-прекарии чаще «полностью удовлетворены» кругом общения (друзьями, знакомыми, приятелями) – 56,6% против 34,7% у прекариев.

В целом значимость этой сферы наглядно видна при сравнении с «дальним» социальным кругом, в который входят коллеги, руководители организации, в которой работают люди, профсоюзная организация. При этом различия между прекариями и не-прекариями также значительны. Так, в сложной жизненной ситуации обратятся за помощью к коллегам по работе 17,6% прекариев, 21,1% – не-прекариев, к руководителям предприятия или организации 9,9% прекариев, 15,8% – не-прекариев, в профсоюзную организацию – 0,5% прекариев, 2,8% – не-прекариев.

Вместе с тем 90,2% прекариев и 84,5% не-прекариев обратятся за помощью к членам семьи, родным, 59,8% прекариев и 60,0% не-прекариев – к друзьям. Снижение доверия к «дальному» социальному кругу сопровождается упрочением ближних социальных связей.

Самооценка жизни прекариями и не-прекариями. Прекаризация жизни отражается в различиях субъективных самооценок. Удовлетворенность жизнью у не-прекариев выше почти в 2 раза (удовлетворены своей жизнью 23,8% прекариев и 41,5% не-прекариев, не удовлетворены – 16,9 и 7,8% соответственно).

Материальное положение ухудшилось за последние три года у 36,5% прекариев, у 18,3% не-прекариев; улучшилось – у 17,6% прекариев, у 29,4% не-прекариев. Такие же примерно оценки дают работники своей жизни и жизни семьи в последние три года: она ухудшилась у 33,0% прекариев, у 16,3% не-прекариев; улучшилась – у 16,4% прекариев, у 29,7% не-прекариев.

Тенденции нестабильности жизни, неуверенности отражаются в оценках будущего. Отвечая на вопрос: «Ваша жизнь в ближайшем будущем улучшится?», 48,6% не-прекариев говорят, что улучшится (18,8% – не улучшится), среди прекариев таких 37,2% (не улучшится – 31,0%). Таким образом, если отношение к будущему у не-прекариев можно назвать «осторожным оптимизмом», то в ответах прекариев просвечивает растерянность и неверие в лучшее. Это тем более тревожно, если учесть, что среди прекариев больше молодых людей, а они обычно демонстрируют оптимизм; в данном случае этого нет, что определенным образом характеризует их жизнь. Показательно, что примерно треть тех и других затруднились с ответами.

Заключение. Сравнение позиций и поведения работников, которых мы по нескольким признакам отнесли к прекариям и не-прекариям, показывает, что группа прекариев

проигрывает или проявляет меньшую активность в разных сферах жизни, а также демонстрирует некоторые отличия в образе жизни.

На наш взгляд, именно прекаризованность занятости является фактором прекаризованности в других сферах жизни, то есть прекаризованность в трудовой сфере первична, потому что работа – источник необходимых доходов (средств к существованию) у большинства россиян. Кроме того, сверхзанятость во временном выражении приводит к уменьшению времени, которое можно распределить на остальные сферы жизни. Нехватка доходов и времени усугубляет ситуацию прекаризованности, не позволяя удовлетворительно решать многие жизненные задачи (поддержание здоровья, образование и повышение квалификации, занятия физкультурой и спортом, культурный досуг, отдых и многое другое).

При этом нужно иметь в виду, что пока занятые находятся в трудоспособном возрасте, они часто предпочитают неоформленные трудовые отношения, если это обеспечивает им большую заработную плату. Пенсионная система нашей страны пока предлагает социальные пенсии всем, в том числе тем, кто не был трудоустроен официально и за кого работодатель не платил взносы в Пенсионный фонд. Но в законодательство уже внесены изменения, которые приведут к отсутствию пенсионного обеспечения (и, возможно, обязательного медицинского страхования) работников, не имевших официального трудоустройства. Через некоторое время эти работники войдут в пенсионный возраст и, с большой долей вероятности, останутся без государственной социальной поддержки. И если ситуация в сфере труда не изменится, через 2–3 десятилетия наше общество ждут крупные социальные потрясения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисимов Р. И. Труд в эпоху неопределенности // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 44–52. DOI: 10.7868/5013216251711006X.
- Анисимов Р. И., Кученкова А. В., Тощенко Ж. Т., Шевченко И. О. Критерии определения прекарной занятости // Прекариат: становление нового класса: кол. моногр. / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: ЦСП и М, 2020. С. 76–94.
- Бобков В. Н., Вередюк О. В., Колосова Р. П., Разумова Т. О. Занятость и социальная прекаризация в России: введение в анализ: моногр. М.: ТЕИС, 2014.
- Бобков В. Н. Неустойчивая занятость в Российской Федерации: состояние и направления снижения // Народонаселение. 2019. Т. 22. № 2. С. 91–104. DOI: 10.19181/1561-7785-2019-00018.
- Воробьева И. В. Протестный потенциал россиян и особенности его проявления в трудовой сфере // Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности (кол. моногр.) / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2021.
- Воробьева И. В. Противоречия и парадоксы политических ориентаций в структуре жизненного мира россиян // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 17–26.
- Воронин Г. Л., Крамер А. Д. Неформальная занятость в России как условие становления прекариата // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 3 (63). С. 69–78. DOI: 10.52452/18115942_2021_3_69.
- Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В. Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 5–15.
- Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: ЦСП и М, 2016.
- Кученкова А. В. Прекаризация занятости как фактор дифференциации заработной платы и социального самочувствия работников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 1. С. 84–96. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-84-96.
- Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения. М.: КноРус, 2018.
- Попов А. В., Соловьева Т. С. Прекаризация занятости: анализ научного дискурса о сущности и векторах измерения // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 103–113. DOI: 10.31857/5013216250009618-2.
- Попов А. В. Влияние прекаризации занятости на положение наемных работников: социологический аспект // Вопросы территориального развития. 2019. Вып. 5 (50). С. 1–14.

- Попов А.В., Соловьева Т.С. Анализ и классификация последствий прекаризации занятости: индивидуальный, организационный и общественный уровни // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 182–196. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.10.
- Прекариат: становление нового класса: кол. моногр. / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСП и М, 2020.
- Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности (кол. моногр.) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2021.
- Романовский Н.В. Опасный класс? Тема не закрыта (мысли о проблеме) // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 96–105. DOI: 10.31857/S013216250006664-3.
- Сигитова М.А., Филиппова К.В. Прекаризация как проявление аномии в трудовой сфере // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 6. С. 36–40. DOI: 10.24158/spp.2021.6.5.
- Тихонова Н.Е. Прекариат и перспективы изменения социальной структуры российского общества // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 167–173.
- Тощенко Ж.Т. Прекарная занятость – феномен современной экономики // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 3–13. DOI: 10.31857/S013216250009904-7.
- Тощенко Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13.
- Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.
- Трансформация труда в (де)глобализирующемся обществе: сборник научных статей / Под ред. Н.Г. Скворцова, Р.В. Карапетяна. СПб.: Скифия-принт, 2021.
- Хорошилов Д.А. Онтологическая, социальная и психологическая прекарность: пути взаимодействия в транзитивном обществе // Новые психологические исследования. 2021. № 2. С. 64–83. DOI: 10.51217/npsyresearch_2021_01_02_04.
- Шевченко И.О., Шевченко П.В. Гендерные особенности прекарности // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 84–95. DOI: 10.31857/S013216250006671-1.
- Шевченко И.О. Прекаризация работников: опыт расчета коэффициента прекарности // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В.А. Ядова): Сб. мат. Москва, 28–30 ноября 2019 года. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 782–789.
- Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 99–110.
- Эфендиев А.Г., Балабанова Е.С. Человеческое измерение российского бизнеса: к демократически-гуманистическому типу социальной организации фирмы // Социологические исследования. 2012. № 7. С. 43–54.
- Campbell B., Laheij C. Urban Precarity // City & Society. 2021. 33(2). P. 1–20. DOI: 10.1111/ciso.12402.
- Cornelius-Bell A., Bell P.A. (2021) The academic precariat post-COVID-19 // Fast Capitalism. 2021. Vol. 18. No. 1. URL: <https://fastcapitalism.journal.library.uta.edu/index.php/fastcapitalism/article/view/404> (дата обращения: 17.02.2022). DOI: 10.32855/fcapital.202101.001.
- Nititham D.S. Positionalities of Precarity // Journal of Autoethnography. 2022. 3(1). P. 38–56. DOI:10.1525/joae.2022.3.1.38.
- Salustowicz P. The Social and Political Implications of the Precariat // Precarious Places Social, Cultural and Economic Aspects of Uncertainty and Anxiety in Everyday Life. Springer VS, Wiesbaden. 2020. P. 85–107. DOI: 10.1007/978-3-658-27311-8.
- Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class. London; New York: Bloomsbury Academic, 2011.
- Standing G. The Precariat // Contexts. 2014. Vol. 13. No. 4. P. 10–12. DOI: 10.1177/1536504214558209.

Статья поступила: 21.02.22. Финальная версия: 11.05.22. Принята к публикации: 14.06.22.

FROM EMPLOYMENT PRECARIZATION TO LIFE PRECARIZATION?

SHEVCHENKO I.O.*, SHEVCHENKO P.V.**

*Russian State University for the Humanities, Russia; **Moscow City University, Russia

Irina O. SHEVCHENKO, Doc. Sci. (Sociol.), Leading Researcher of the Scientific and Educational Center, Prof., Russian State University for the Humanities (sheviren@yandex.ru); Pavel V. SHEVCHENKO, Cand. Sci. (Psychol.), Assoc. Prof., Senior Scientific Researcher, Moscow City University (shevpav@yandex.ru). Both – Moscow, Russia.

Acknowledgements. The article was supported by RSF project No. 18-18-00024.

Abstract. The article describes employment precarization which is defined as the unstable position of workers in the labor market. The authors substantiate the position that precarization in the field of employment leads to precarization of life leading to vital activity decrease as a consequence of regular overtime work and which has indicators: reduction of free time and lack of income, accompanied by a reduction in access to social and cultural benefits. The work is based on the analysis of the All-Russian population survey data (2018, representative sample, N = 1200). We compare two groups of workers – precarious and employers with no signs of precarity (non-precarious), identified on the basis of the following seven signs of precarity: work without a signed contract or with a contract for no more than one year; non-compliance of education/qualifications with the content of the work; regular overtime work (more than 8 hours a day); additional work in the same or another organization (regular or irregular); salary in an envelope (systematic or occasional); more than 1 time job change over the last 3 years; inability to influence important decisions in the working organization. It was found that precarious workers find themselves in a disadvantaged position in the social sphere, demonstrate some peculiarities of behavior and lifestyle due to an unstable position in the labor market. It is concluded that the precarization of employment is a factor of precarization in other spheres of life. It leads to unfavorable social trends: instability of the life situation, inability to solve some life problems, and predominance of negative assessments of life and its prospects.

Keywords: labor, employment, workers, precarization, precarious, non-precarious, social guarantees, signs (criteria) of precarity, precarity coefficient of work.

REFERENCES

- Anisimov R.I. (2017) Labor in the uncertainty epoch. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 44–52. DOI: 10.7868/S013216251711006X. (In Russ.)
- Anisimov R.I., Kuchenkova A.V., Toshchenko Zh.T., Shevchenko I.O. (2020) Criteria for determining precarious employment. In: Toshchenko Zh.T. (ed.) *Precariat: The Formation of a New Class*. Moscow: TsSPiM: 76–94. (In Russ.)
- Bobkov V.N. (2019) Precarious employment in the Russian Federation: the state and directions of reduction. *Narodonaselenie* [Population]. No. 2: 91–104. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00018. (In Russ.)
- Bobkov V.N., Veredyuk O.V., Kolosova R.P., Razumova T.O. (2014) *Employment and social precarization in Russia: introduction to analysis: monograph*. Moscow: TEIS. (In Russ.)
- Campbell B., Laheij C. Urban Precarity. 2021. 33(2): 1–20. DOI: 10.1111/ciso.12402.
- Cornelius-Bell A., Bell P.A. (2021) The academic precariat post-COVID-19. *Fast Capitalism*. Vol. 18. No. 1. URL: <https://fastcapitalism.journal.library.uta.edu/index.php/fastcapitalism/article/view/404> (accessed 17.02.2022). DOI: 10.32855/fcapital.202101.001.
- Efendiev A.G., Balabanova E.S. (2012) The Human Dimension of Russian Business: towards a Democratic-Humanistic Type of Social Organization of the Firm. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 43–54. (In Russ.)
- Employment and social precarization in Russia: introduction to analysis: monograph*. (2014) Moscow: TEIS (In Russ.)
- Golenkova Z.T., Goliusova Yu.V. (2013) New social groups in modern stratification systems of global society. *Sociologicheskaya nauka i socialnaya praktika* [Sociological science and social practice]. No. 3: 5–15. (In Russ.)
- Khoroshilov D.A. (2021). Ontological, social and psychological precarity: ways of interaction in transitive society. *Novye psichologicheskie issledovaniya* [New Psychological Research]. No. 2: 64–83. (In Russ.) DOI: 10.51217/npsyresearch_2021_01_02_04.
- Kuchenkova A.V. (2021) Precarization of employment as a factor of wages differentiation and social well-being of employees. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology]. Vol. 21. No. 1: 84–96. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-84-96. (In Russ.)
- Nititham D.S. Positionalities of Precarity. *Journal of Autoethnography*. 2022. 3(1): 38–56. DOI: 10.1525/joae.2022.3.1.38.
- Popov A.V. (2019) The employment precarization impact on the position of employees: a sociological aspect. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Territorial Development Issues]. No. 5 (50): 103–113. (In Russ.)
- Popov A.V., Solovieva T.S. (2020) Precarization of employment: analysis of scientific discourse on the essence and vectors of measurement. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 103–113. DOI: 10.31857/S013216250009618-2. (In Russ.)

- Popov A.V., Solovyeva T.S. (2019) Analyzing and classifying the implications of employment precarization: individual, organizational and social levels. *Ekonomicheskie i socialnye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. Vol. 12. No. 6: 182–196. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.10. (In Russ.)
- Precarious employment in the Russian Federation: theory and methodology of identification, evaluation and reduction*. Moscow: Knorus. (In Russ.)
- Romanovsky N.V. (2019) Dangerous class? The topic is not closed (thoughts about the problem). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 96–105. DOI: 10.31857/S013216250006664-3. (In Russ.)
- Salustowicz P. (2020) The Social and Political Implications of the Precariat. In: *Precarious Places Social, Cultural and Economic Aspects of Uncertainty and Anxiety in Everyday Life*. Springer VS, Wiesbaden: 85–107. DOI: 10.1007/978-3-658-27311-8.
- Shevchenko I.O., Shevchenko P.V. (2019) Gender features of precarity. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 84–95. DOI: 10.31857/S013216250006671-1. (In Russ.)
- Shevchenko I.O. (2019) Precarization of workers: the experience of calculating the precarity coefficient. *Budushchee sociologicheskogo znaniya i vyzovy socialnykh transformacij (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya V.A. Yadova)* [The future of sociological knowledge and challenges of social transformations (to the 90th anniversary of the birth of V.A. Yadov)]. International Scientific Conference. Moscow: FCTAS RAS: 782–789. URL: http://yadov-conf.isras.ru/wp-content/uploads/2019/11/Сборник_материалов_конференции_20191127.pdf (accessed 20.02.2022). (In Russ.)
- Shkaratan O.I., Karacharovskiy V.V., Gasyukova E.N. (2015) Precariat: theory and empirical analysis (based on surveys in Russia, 1994–2013). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 12: 99–110. (In Russ.)
- Sigitova M.A., Filippova K.V. (2021) Precarization as manifestation of anomie in the labor sphere. *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogics]. No. 6: 36–40. DOI: 10.24158/spp.2021.6.5. (In Russ.)
- Skvortsov N.G., Karapetyan R.V. (eds) (2021) Transformation of labor in a (de)globalizing society: a collection of scientific articles. St. Petersburg: Scifia-print. (In Russ.)
- Standing G. (2014) The Precariat. *Contexts*. Vol. 13. No. 4: 10–12. DOI: 10.1177/1536504214558209.
- Standing G. (2011) *The Precariat: The New Dangerous Class*. London, New York: Bloomsbury Academic.
- Tikhonova N. Ye. (2019) Precariat and Prospects for Changes in Russian Society Social Structure. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 167–173. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2015) Precariat – a New Social Class. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 6: 3–13. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2018) *Precariat: From Protoclass to a New Class*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2020) Precarious employment is a phenomenon of the modern economy. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 8: 3–13. (In Russ.). DOI: 10.31857/S013216250009904-7.
- Toshchenko Zh.T. (ed.) (2016) *The Lifeworld of Russians: 25 Years Later (the Late 1980s – the Middle 2010s)*. Moscow: TsSPiM. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (ed.) (2020) *Precariat: The Formation of a New Class*. Moscow: TsSPiM. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (ed.) (2021) *Precarious Employment: Origins, Criteria, Features*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (ed.) (2021) *Precarious Employment: Origins, Criteria, Features*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Vorobyova I.V. (2016) Contradictions and paradoxes of political orientations in the life-world structure of Russians. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 17–26. (In Russ.)
- Vorobyova I.V. (2021) The protest potential of Russians and the peculiarities of its manifestation in the labor sphere. In: Toshchenko Zh.T. (ed.) (2021) *Precarious Employment: Origins, Criteria, Features*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Voronin G.L., Kramer A.D. (2021) Informal employment in Russia as a condition for the formation of the precariat. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod]. No. 3 (63): 69–78. DOI: 10.52452/18115942_2021_3_69 (In Russ.)

Received: 21.02.22. Final version: 11.05.22. Accepted: 14.06.22.

© 2022 г.

В.А. АВКСЕНТЬЕВ, Б.В. АКСЮМОВ

«ПОРТФЕЛЬ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ» МОЛОДЕЖИ ЮГА РОССИИ СПУСТЯ 12 ЛЕТ

АВКСЕНТЬЕВ Виктор Анатольевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Южный научный центр РАН», Ростов-на-Дону, Россия (avksentievv@rambler.ru); АКСЮМОВ Борис Владимирович – доктор философских наук, профессор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия (aksbor@mail.ru).

Аннотация. На основе сравнения результатов исследований на Юге России в 2009 и 2021 гг. анализируются изменения в идентификационной сфере молодежи и оценивается результативность политики идентичности. Гипотезой исследования предполагалось, что в начале третьего десятилетия XXI века общероссийская идентичность существенно укрепилась по сравнению с концом первого десятилетия, и это позволит перейти от оценки ситуации как «конкуренции идентичностей» к их взаимодополнению. Гипотеза подтвердилась частично. Заметно снизилась важность всех социокультурных идентичностей, составляющих «портфель идентичностей» молодежи Юга России. Косвенно это свидетельствует о стабилизации этносоциальной и этнополитической обстановки – снизился мобилизационный характер идентичности. Однако существенной динамики в укреплении общероссийской идентичности не выявлено. Если респонденты-славяне продемонстрировали равнозначность общероссийской и этнической идентичностей, респонденты – представители народов Кавказа показали сохранение дисбаланса между ними в пользу этнической идентичности, причем за 12 лет дисбаланс увеличился. В общероссийской идентичности наблюдается сдвиг от формальных признаков (гражданство) к содержательным (причастность к отечественной истории и культуре), что трактуется как тренд к формированию российской цивилизационной идентичности. Об этом же свидетельствует динамика роста числа респондентов, воспринимающих Россию как мост между цивилизациями Запада и Востока. Делается вывод, что при наличии позитивных трендов в идентификационных процессах в молодежной среде Юга России отказ от оценки ситуации как «конкуренции идентичностей» преждевременен, а политику идентичности в регионе нельзя признать достаточно результативной.

Ключевые слова: общероссийская идентичность • гражданская идентичность • этническая идентичность • цивилизационная идентичность • политика идентичности • Юг России • Северный Кавказ • молодежь • «портфель идентичностей»

DOI: 10.31857/S013216250019645-2

Гражданская и этническая идентичность: от конкуренции к взаимодополнению?
За последние десять лет этносоциальные и этнополитические процессы в России претерпели существенные изменения. Программная статья В.В. Путина 2012 г. «Россия: национальный вопрос», принятая в том же году «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» заострили внимание на проблемах нациестроительства, поиске способов гармонизации между гражданским единством и этнокультурным

многообразием. На первый план вышли вопросы российской идентичности, появились социологические подтверждения роста гражданской идентификации россиян [Дробижева, 2020; Горшков, 2017]. Одновременно исследователи отмечают сохраняющееся и в отдельных случаях увеличивающееся значение этнической идентичности [Рыжова, 2018: 124].

В современной западной науке исследования в основном ведутся в направлении преодоления жесткого противопоставления этнического и гражданского [Brubaker, 1999; Kymlicka, 1999; Kuzio, 2002; Yack, 1996; Coakley, 2018], поиска точек соприкосновения между гражданскими и этническими векторами нациестроительства [Lindstam et al., 2021; Tabachnik, 2019]. В российской науке долгое время преобладала точка зрения о наличии конкуренции между гражданской и этнической идентичностями [Дробижева, 2020: 37–38]. Некоторые авторы по-прежнему остаются на этой позиции. Так, Ю.В. Попков пишет об альтернативности общенациональной и этнической идентичностей [Попков, 2019: 355–356]. Однако постепенно преобладающей становится точка зрения о непротиворечивом сосуществовании российской и этнической идентичностей [Дробижева, 2020; Рыжова, 2018]. Использование в ключевых нормативных и стратегических документах понятий «российская нация» и «многонациональный народ Российской Федерации» как синонимов указывает на стремление власти «не противопоставлять этничность согражданству» и добиваться того, чтобы «гражданская российская идентичность не противопоставлялась бы этнической (культурной) идентичности, а сосуществовала вместе с ней» [Тишков, 2018b: 21].

Региональные кейсы российского нациестроительства имеют свою специфику. К регионам, требующим повышенного внимания государства и научного сообщества, относится Северный Кавказ и шире – «большой» Юг России.

В Северо-Кавказском регионе за последние десять лет произошли большие изменения, позволяющие утверждать, что к началу третьего десятилетия XXI века затяжной этнополитический кризис завершился [Авксентьев, 2020: 42–43]. Акценты смещаются на экономическую реконструкцию, формирование общероссийской идентичности, работу с молодежью, остающуюся в «зоне риска» радикализации. Специалисты в области victimологии отмечают, что очень часто вербовщики в экстремистские организации своим объектом выбирают молодых людей – романтиков, идеалистов, изгоев и просто неадаптированных к современной жизни людей, которые не хотят мириться с несправедливостью в окружающей их жизни [Илюк, 2019: 27]. Для идентичности молодежи Северного Кавказа по-прежнему сохраняются «риски конфликтности» между общероссийскими и региональными идентификационными слоями [Авдеев, Воробьев, 2021].

Цель настоящей статьи – на основе сравнения результатов исследований 2009 и 2021 гг. определить динамику процессов в идентификационной сфере молодежи Юга России и результативность политики идентичности в стратегически важном для страны регионе. Опрос в обоих случаях проводился среди студентов вузов, составляющих в 2021 г. в Северо-Кавказском федеральном округе 11,2% населения в возрасте 18–30 лет, в Южном федеральном округе – 16,7%¹. В 2009 г. мы сделали вывод о том, что, хотя проект по формированию гражданской идентичности на Юге России можно считать в целом успешным, общероссийская и этническая идентичности находятся в состоянии конкуренции [Авксентьев, Аксумов, 2010]. Удалось ли за 12 лет преодолеть это состояние и перейти к дополнению разных видов социокультурной идентичности, или для региона по-прежнему характерна дихотомия «этническое – гражданское»?

¹ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2021 года (Статистический бюллетень). Москва, 2021 г. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1656171834&tld=ru&lang=ru&name=Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2021 (дата обращения 24.03.2022); Сведения о численности студентов образовательных организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/opendata/9710062939-svedeniya-o-chislennosti-studentov-obrazovatelnykh-organizatsiy-osushchestvlyayushchikh-obrazovatelnykh> (дата обращения: 24.03.2022).

Методология и описание исследования. Исследование проведено Северо-Кавказским федеральным университетом по договору и в интересах ФИЦ «Южный научный центр РАН» в октябре-ноябре 2021 г. Метод сбора данных – анкетирование. Опрошено 1400 человек – студентов высших учебных заведений. Поскольку важнейшей задачей исследования являлось сравнение с результатами 2009 г., выборка и инструментарий в 2021 г. максимально приближены к предыдущему опросу. Исследование в обоих случаях проводилось в Краснодарском и Ставропольском краях, Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской Республиках. Опрошено соответственно 450, 400, 300 и 250 человек (в 2009 г. – 503, 350, 306 и 248, всего 1407 респондентов). Ключевым показателем выборки был этнический состав студенчества, который отличается от этнической структуры населения: доля русских среди студенчества в республиках меньше, чем в структуре населения, поскольку русские абитуриенты по разным причинам предпочитают обучаться в Ставропольском и Краснодарском краях, Ростовской области, столичных городах. В 2021 г. категория «народы Кавказа» была разделена на две: народы Северного Кавказа и народы Южного Кавказа. В итоге выборка выглядела следующим образом: русские (украинцы, белорусы) – 50,8% (в 2009 г. – 48,9%), народы Северного Кавказа – 38,1%; народы Южного Кавказа – 3,0% (в 2009 г. народы Кавказа – 39,3%), другие народы – 8,1% (в 2009 г. – 11,8%). Включение в выборку категории «народы Южного Кавказа» лишь незначительно повлияло на распределение ответов респондентов, но дало возможность более четко проследить ответы на вопросы, связанные с российской идентичностью у различных групп молодежи. В этой связи при сравнении с результатами 2009 г. данные за 2021 г. рассчитываются как сумма ответов респондентов – представителей народов как Северного Кавказа, так и Южного Кавказа и фиксируются категорией «народы Кавказа». В тех случаях, когда результаты исследования охватывают только 2021 г., количественные показатели представлены по обеим группам народов отдельно.

Анкета включала 10 содержательных вопросов (в 2009 – 16); были исключены вопросы, не обнаружившие эвристической ценности при анализе результатов. Все вопросы закрытые. Акцент в исследовании делался на выявлении личностных идентичностей (я-идентичностей), которые, согласно Н. Элиасу, более характерны для современного человека, чем «мы-идентичности» [Элиас, 2001]. В варианты ответов в исследовании 2021 г. в дополнение к региональной идентичности «Я – житель Северного Кавказа» был добавлен вариант «Я – житель Юга России», поскольку после образования Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) в 2010 г. произошла переконфигурация регионального пространства, доктринально закрепленная в 2019 г. в «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». В результате этого «большой Юг» оказался разделенным на два макрорегиона – Южный и Северо-Кавказский. Также за прошедшее десятилетие изменился пространственный образ Северного Кавказа: Краснодарский край, с момента национально-государственного районирования в 1920-х гг. входивший в Северо-Кавказский регион, оказался за его пределами, что могло отразиться на региональной идентичности респондентов-краснодарцев.

Гипотезой исследования явилось предположение о том, что в начале третьего десятилетия XXI века общероссийская идентичность существенно укрепилась, что позволит отойти в интерпретации результатов от ситуации «конкуренции идентичностей» к широко поддерживаемому в научном сообществе концепту «взаимодополнения идентичностей».

«Спрос на идентичность» снижается? Сравнительный анализ результатов опросов 2009 и 2021 гг. показал заметное снижение важности социокультурных идентичностей, составляющих «портфель идентичностей» молодежи Юга России (табл. 1 и 2).

Выбор варианта «это очень важно для меня» показал снижение высокой значимости гражданской идентичности («Я – гражданин России») на 15,6 п.п., макрорегиональной («Я – житель Северного Кавказа») – на 15,4, региональной («Я – житель своего края или республики») – на 10,6, этнической («Я – представитель своей национальности») – на 23,7, конфессиональной («Я – представитель своей религии») – на 16,6. В зависимости от этнических, конфессиональных, региональных характеристик респондентов результаты

Таблица 1

Значимость основных социокультурных идентичностей для молодежи Юга России в 2009 г.
(в % от числа опрошенных по каждому виду идентичности; N =1407)

Степень важности	Я – гражданин России	Я – житель Северного Кавказа	Я – житель своего края или республики	Я – представитель своей национальности	Я – представитель своей религии
Это очень важно для меня	35,3	31,9	33,4	55,9	47,2
Это важно для меня	44,9	32,1	39,1	27,7	28,8
Это мало важно для меня	13,5	23,3	19,7	11,0	13,4
Это совсем не важно для меня	6,3	12,7	7,8	5,4	10,6

Таблица 2

Значимость основных социокультурных идентичностей для молодежи Юга России в 2021 г.
(в % от числа опрошенных по каждому виду идентичности; N=1400)

Степень важности	Я – гражданин России	Я – житель Юга России	Я – житель Северного Кавказа	Я – житель своего края или республики	Я – представитель своей национальности	Я – представитель своей религии
Это очень важно для меня	19,7	9,8	16,5	22,8	32,2	30,6
Это важно для меня	44,2	28,6	26,3	37,2	34,4	21,2
Это мало важно для меня	26,1	39,9	29,7	25,4	20,5	19,6
Это совсем не важно для меня	10,0	21,7	27,5	14,6	12,9	28,6

меняются, иногда существенно, однако тенденция к уменьшению значимости идентичностей четко просматривается при любых конфигурациях полученных результатов.

Таким образом, мы столкнулись с системным понижением «спроса на идентичность». При этом суммарные показатели по вариантам «это очень важно для меня» и «это важно для меня» остаются достаточно высокими по всем видам идентичностей: свыше 50% респондентов по каждому виду, кроме макрорегиональной (северокавказской) идентичности, на важность которой в 2021 г. указали 42,8% опрошенных, в то время как в 2009 г. таковых было 64%. Переход северокавказской идентичности в «отрицательную» зону (преобладание ответов «мало важно» и «совсем не важно») связан с мнением респондентов из Краснодарского края (450 человек), подавляющее большинство которых утрачивают ощущение связи с Северным Кавказом после создания в 2010 г. Северо-Кавказского федерального округа. Если в 2009 г. более трети респондентов из Краснодарского края (36,3%) считали очень важным или важным свою идентификацию с Северным Кавказом, то в 2021 г. таковых осталось лишь 12,8% (из них ответ «очень важно» выбрали всего 2,8%).

Динамика гражданской и этнической идентичностей. Соотношение гражданской и этнической идентичностей имеет ключевое значение для изучения «портфеля идентичностей» молодежи Юга России, где этничность традиционно играет значимую роль.

Для республик Северного Кавказа этнический фактор является конституирующим, политизированная и гиперболизированная этничность «может выливаться в межэтнические противоречия и даже в отторжение общего государства» [Тишков, 2018а: 5]. Именно по этой причине возрастает значимость укрепления в регионе общероссийской гражданской идентичности. По мнению ряда региональных экспертов, государственная политика идентичности на Северном Кавказе является достаточно эффективной [Адиев, Щербина, 2021], а общероссийская и региональная (включая этническую) идентичности «имеют равнозначное значение» [Атласкиров, 2021].

Выявленная динамика гражданской и этнической идентичностей молодежи Юга России с 2009 по 2021 г. частично подтверждает эти выводы. В 2009 г. как «очень важную» и «важную» российскую гражданскую идентичность определили 80,2% респондентов, а этническую – 83,6% (соотношение 0,959), в 2021 г. – соответственно 63,9 и 66,6% (также 0,959) (см. табл. 1 и 2). Таким образом, общероссийская и этническая идентичности действительно имеют равновеликое значение.

В зависимости от этнической принадлежности респондентов динамика гражданской идентичности выглядит следующим образом (рис. 1 и 2).

Как видим, если брать за основу сравнительного анализа вариант ответа «Это очень важно для меня», значимость гражданской идентификации одинаково снизилась для представителей славянских народов и народов Кавказа: соотношение 2021/2009 гг. – 0,550 у славянских народов и 0,556 у народов Кавказа. По показателю «Это важно для меня» изменения за 12 лет незначительны, находятся в пределах статистической погрешности, что также свидетельствует о тождественности процессов эволюции гражданской идентичности для разных категорий респондентов, объединенных по этнической принадлежности.

Если рассматривать варианты ответа «Это мало важно для меня» и «Это совсем не важно для меня», то доля славянских респондентов, выбравших эти варианты, увеличилась с 14,4% до 31,3% (в 2,17 раза), у народов Кавказа – с 24,6% до 38,6% (в 1,56 раза). Сама по себе эта динамика гражданской идентичности не дает достаточных оснований для выводов без сравнения с динамикой этнической идентичности (табл. 3 и 4).

Здесь мы также фиксируем нисходящий тренд, который имеет более выраженный характер у славянских народов. По результатам опроса 2009 г. этническая идентичность была очень важна для 43% славян, в 2021 г. доля таких респондентов снизилась до 18,3%.

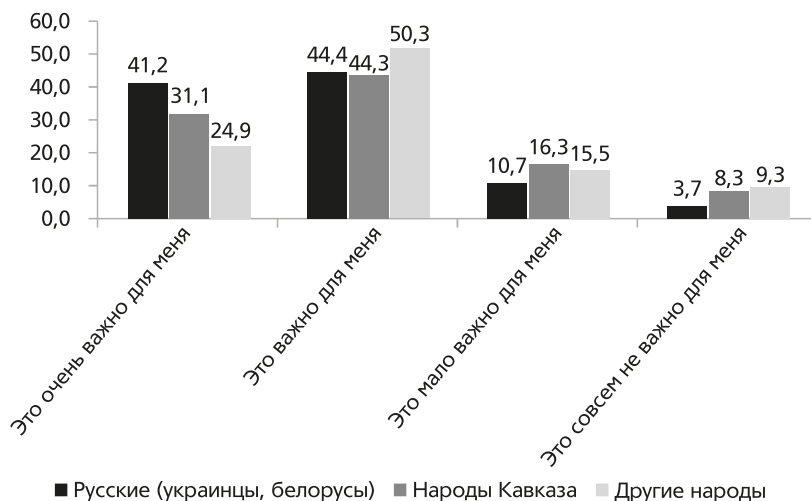

Рис. 1. Распределение мнений респондентов разных национальностей в 2009 г. о степени важности самоидентификации «Я – гражданин России» (в % от количества опрошенных соответствующей категории, N = 1407)

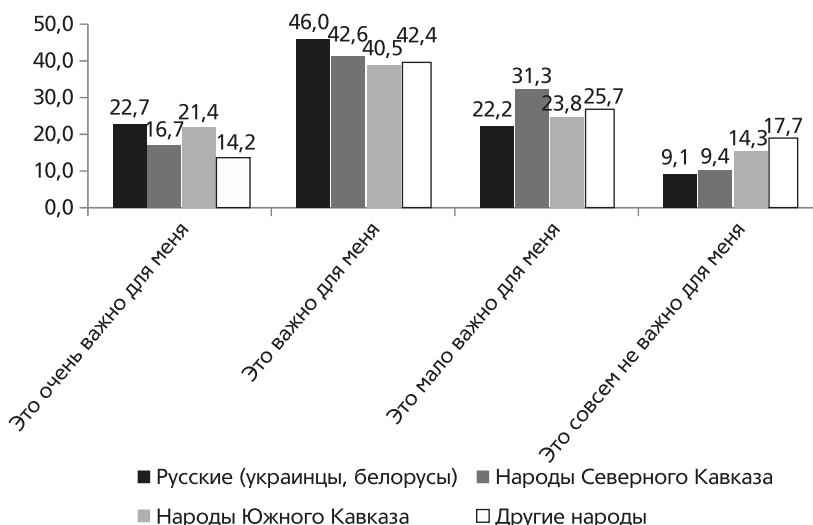

Рис. 2. Распределение мнений респондентов разных национальностей в 2021 г. о степени важности самоидентификации «Я – гражданин России» (в % от количества опрошенных соответствующей категории, N = 1400)

Таблица 3

Мнения респондентов разных национальностей в 2009 г. о степени важности этнической идентичности
(в % от количества опрошенных соответствующей категории, N = 1407)

Я – представитель своей национальности	Русские, украинцы, белорусы	Народы Кавказа	Другие народы
Это очень важно для меня	43,0	71,6	57,9
Это важно для меня	32,8	21,9	27,7
Это мало важно для меня	17,2	4,1	6,9
Это совсем не важно для меня	7,0	2,4	7,5

Таблица 4

Мнения респондентов разных национальностей в 2021 г. о степени важности этнической идентичности
(в % от количества опрошенных соответствующей категории, N = 1400)

Я – представитель своей национальности	Русские, украинцы, белорусы	Народы Северного Кавказа	Народы Южного Кавказа	Другие народы
Это очень важно для меня	18,3	51,5	42,8	24,8
Это важно для меня	38,0	30,4	40,5	28,3
Это мало важно для меня	27,4	11,9	4,8	23,9
Это совсем не важно для меня	16,3	6,2	11,9	23,0

Для представителей кавказских народов аналогичные показатели – 71,6 и 50,3%. Динамика снижения значимости этнической идентичности для славянских народов по сравнению с народами Кавказа проявляется при сравнительном анализе результатов первых двух вариантов ответа («очень важно» и «важно»). Если доля славянских респондентов, выбравших для себя один из этих вариантов, упала почти на 20 п.п. (с 75,8% в 2009 г. до 56,3% в 2021 г.), то доля респондентов-кавказцев, определивших для себя этническую

идентичность как очень важную или важную, снизилась не так существенно – с 93,5% в 2009 г. до 78,5% в 2021 г., т.е. на 15 п.п. Существенных различий в ответах респондентов в 2021 г., относящихся к двум территориальным кавказским группам, не выявлено: ответы «это очень важно для меня» и «это важно для меня» выбрали 81,9% респондентов-северокавказцев и 83,3% респондентов, относящихся к народам Южного Кавказа. Таким образом, несмотря на некоторый спад показателей, значимость этнической идентичности для народов Кавказа остается крайне высокой, что само по себе указывает на определенные риски политизации этничности и поддержания феномена гиперэтничности.

По результатам, представленным в табл. 1 и 2, можно сделать вывод о том, что существенный дисбаланс между гражданской и этнической идентичностями, выявленный по итогам исследования 2009 г., несколько уменьшился в 2021 г. Однако распределение ответов с учетом этнической идентичности респондентов позволяет по-другому интерпретировать результаты исследования. В 2009 г. 41,2% респондентов-славян определили гражданскую идентичность как очень важную для себя, 43% то же самое заявили по поводу своей этнической идентичности (соотношение 0,95). Среди респондентов-представителей народов Кавказа как очень важную свою гражданскую идентичность воспринимали 31,1%, тогда как этническую – 71,6% (0,43). В 2021 г. гражданская идентичность оказалась очень важной для 22,7% респондентов-представителей славянских народов, аналогичный показатель по этнической идентичности составляет для данной категории опрошенных 18,3% (1,24). Для народов Кавказа получаем следующие результаты – 16,9% по гражданской и 50,9% по этнической идентичности (0,33). Таким образом, в «портфеле идентичностей» респондентов-славян значимость гражданской идентичности по сравнению с этнической за 12 лет увеличилась, тогда как у представителей народов Кавказа – наоборот, увеличилась значимость этнической идентичности по сравнению с гражданской.

Тренд к социокультурной идентичности? Одной из важных задач нашего исследования было определение того, изменилось ли наполнение общероссийской идентичности респондентов. В анкете 2021 г. был полностью воспроизведен вопрос и варианты ответа анкеты 2009 г.: «Что для вас лично означает "быть россиянином"?» (табл. 5). Респондентам было предложено выбрать не более трех вариантов.

По-прежнему наиболее востребованными оказались варианты, связанные с формально-государственной составляющей общероссийской идентичности, – «иметь российское гражданство» и «жить на территории России». Вместе с тем сравнительный анализ результатов 2009 и 2021 гг. позволил обнаружить несколько интересных трендов. Так, вариант ответа «чувствовать гордость за российские победы (в спорте, культуре

Таблица 5

Распределение ответов респондентов на вопрос «Что для вас лично означает "быть россиянином"?» (в % от количества опрошенных)

Значение выражения	2009 (N = 1407)	2021 (N = 1400)
Иметь российское гражданство	49,0	55,4
Жить на территории России	44,4	43,9
Ощущать свою причастность к судьбе России	31,3	32,0
Чувствовать свою причастность к российской истории и культуре	24,2	33,3
Чувствовать себя европейцем	2,4	5,2
Ощущать Россию как страну, объединяющую вокруг себя многие народы	38,2	38,7
Чувствовать гордость за российские победы (в спорте, культуре и т.д.)	55,8	32,0
Чувствовать свое отличие от представителей других стран	18,8	15,3
Воспринимать Россию как правопреемницу СССР	4,4	5,6

и т.д.)», получивший поддержку у наибольшего количества респондентов в 2009 г. (55,8%), разделил только 5–6 места по результатам опроса 2021 г. (32%). На наш взгляд, подобная отрицательная динамика может быть объяснена тем, что период, прошедший между нашими опросами, был наполнен допинговыми скандалами, бросившими серьезную тень на всю систему мирового и российского спорта. Некоторые обвинения были признаны справедливыми российской стороной. Молодое поколение, видимо, не до конца верит в «чистоту» многих спортивных достижений, в том числе со стороны российских спортсменов. Выявлен еще один тренд: в 2021 г. существенно большее количество респондентов связывали свою российскую идентичность с причастностью к отечественной истории и культуре (рост на 9,1 п.п.). Важно подчеркнуть, что причастность к российской истории и культуре как маркеру собственной идентичности ощущают как представители славянских народов (рост на 5,9 п.п.), так и респонденты-кавказцы (рост на 10,7 п.п.). Победы в спорте и других видах конкурентной деятельности, при всей их значимости для формирования общероссийской идентичности, имеют ограниченный во времени эффект, в то время как люди чувствуют потребность в обретении более фундаментальных и стабильно воспроизводящихся стимулов поддержания своей идентичности.

Россия – мост между западной и восточной цивилизациями. По итогам опроса 2009 г. мы отмечали, что цивилизационные ориентации молодежи Юга России формируются в условиях не до конца определенного цивилизационного статуса России. В тот период еще оставались иллюзии по поводу возможности выстраивания доверительных отношений с Западом, что отчасти нашло отражение в результатах нашего опроса (табл. 6 и табл. 7).

Более четверти опрошенных в 2009 г. воспринимали Россию как часть западной цивилизации (сумма двух первых вариантов ответа). В 2021 г. количество таких респондентов уменьшилось на 5,6 п.п. В 2009 г. наибольшее количество опрошенных (57,8%) полагало, что Россия не является ни частью Запада, ни частью Востока, а имеет собственный путь развития. 14,4% респондентов видели миссию российской цивилизации в том, чтобы быть мостом между Западом и Востоком. В принципе оба этих цивилизационных образа вытекают из концепции самобытности России как уникальной культурно-цивилизационной системы, их можно рассматривать в комплексе. В 2021 г. варианты «Россия – самобытная цивилизация» (аналог формулировки 2009 г. «Россия – ни Запад, ни Восток и имеет собственный путь развития») и «Россия – мост между западной и восточной цивилизациями» набрали соответственно 38,8

Таблица 6

Распределение ответов респондентов на вопрос «Выберите, пожалуйста, суждение, с которым вы наиболее согласны» в 2009 г. (в % от количества опрошенных, N = 1407)

Суждения	%
Россия – европейская страна и часть западной цивилизации	18,6
Россия – восточноевропейская страна и окраина западной цивилизации	7,0
Россия – мост между Западом и Востоком	14,4
Россия – скорее Восток, чем Запад	2,2
Россия – ни Запад, ни Восток и имеет собственный путь развития	57,8

Таблица 7

Распределение ответов респондентов на вопрос «Выберите, пожалуйста, суждение, с которым вы наиболее согласны» в 2021 г. (в % от количества опрошенных, N = 1400)

Суждения	%
Россия – часть западной цивилизации	14,0
Россия – периферия западной цивилизации	6,0
Россия – мост между западной и восточной цивилизациями	34,6
Россия – скорее восточная, чем западная цивилизация	6,6
Россия – самобытная цивилизация	38,8

и 34,6%, что в сумме почти в точности повторяет результаты опроса 12-летней давности. Однако произошло важное изменение – количество респондентов, понимающих Россию в качестве моста между Западом и Востоком, увеличилось более чем на 20 п.п. – с 14,4 до 34,6%. Причем среди респондентов-славян динамика более выраженная – с 13,4% в 2009 г. до 38,8% в 2021 г. У респондентов, представлявших кавказские народы, аналогичные показатели составили 14,3 и 31,1% соответственно.

Обсуждение и выводы. Выявленный тренд к понижению значимости основных социокультурных идентичностей можно оценить как позитивное явление. Косвенно данный тренд указывает на улучшение социально-экономической и этнополитической ситуации в Северо-Кавказском регионе, снижение вызовов и угроз экстремистского и террористического характера. Ситуации кризиса, напряженности мобилизуют весь «портфель идентичностей», придают некоторым из них конфликтную траекторию, приводят к гипертрофированному росту отдельных видов идентичностей. С другой стороны, социально-политическая стабилизация, уверенность в завтрашнем дне, чувство социального благополучия делают излишней мобилизацию на идентификационном уровне, что ведет к деполитизации идентичности в широком смысле слова и понижает роль отдельных социокультурных идентичностей в сознании конкретного индивида. Такую ситуацию можно было бы оценить как формирование оптимального баланса между «потребностью в идентичности» (Дж. Бертон) и ее конкретными уровнями в «портфеле идентичностей», не провоцирующими конфликт идентичностей и не мобилизующими отдельные части социума на противостояние на этнической или конфессиональной основе. Более того, определенная коррекция показателей и снижение динамики свидетельствуют о переходе южнороссийского молодежного социума в зрелую стадию развития гражданской нации, которая приходит на смену стадии формирования, часто характеризующейся резким и взрывным ростом основного ряда социокультурных идентичностей.

Еще одним фактором, который может объяснить выявленный тренд, является феномен «цифровой идентичности». За 12 лет между двумя опросами границы и значимость киберпространства существенно расширились и увеличились, отвлекая на себя значительное внимание молодежи.

Тем не менее, несмотря на большую работу по формированию общероссийской идентичности, проводимую в СКФО, динамика в сторону нарастания ее роли не наблюдается, что не позволяет оценить политику идентичности на Северном Кавказе как эффективную с учетом того, что после 2012 г. акцент в этой политике отчетливо делается на интегративные процессы.

В случае со славянскими респондентами имеющиеся результаты поддерживают вывод о равнозначности гражданской и этнической идентичностей. Что касается респондентов-кавказцев, полученные данные указывают на сохранение дисбаланса между ключевыми социокультурными идентичностями в «портфеле идентичностей» кавказской части молодежи Юга России. Более того, за 12 лет, отделяющих первый опрос от второго, этот дисбаланс увеличился, что усиливает риски конфликта идентичностей и не позволяет сделать вывод, что ситуация «конкуренции идентичностей» в регионе преодолена. Возрастание роли этнической идентичности во многом обусловлено выведением почти всех северокавказских республик из Южного федерального округа, что привело к распаду еще только начавшей формироваться южнороссийской идентичности как регионального варианта общероссийской идентичности. Непосредственно после образования Северо-Кавказского федерального округа эксперты отмечали, что создание СКФО акцентировало северокавказскую идентичность как идентичность автохтонную, горскую, титульную [Денисова, Клименко, 2011: 32]. Мы считаем, что наше исследование подтвердило этот прогноз.

Рост числа респондентов, связывающих свою российскую идентичность с причастностью к отечественной истории и культуре, можно интерпретировать как тренд к формированию цивилизационной идентичности. Рост интереса молодежи к российской истории и культуре, использование наследия как важного стимула формирования и укрепления российской идентичности не являются чем-то неожиданным. Все последние годы тезис о России как о стране-цивилизации с великой историей и культурой стал одним из краеугольных камней

государственной политики идентичности. В статье В.В. Путина «Россия: национальный вопрос», опубликованной в январе 2012 г., была сформулирована задача по формированию цивилизационной идентичности, нашедшая отражение в стратегических документах, связанных с национальной и молодежной политикой. Можно сказать, что сегодня заметны определенные результаты реализации этой стратегической задачи.

Об этом же свидетельствует выраженная динамика роста респондентов, воспринимающих Россию как мост между цивилизациями Запада и Востока, что говорит об укреплении в сознании молодежи Юга России евразийской, точнее – евроазиатской цивилизационной идентичности. Рост цивилизационной составляющей российской идентичности обусловлен также тем, что в последние годы на фоне мощного геополитического обострения более четко обозначилось место России в современном мире, в том числе как потенциального посредника в диалоге между цивилизациями Запада и Востока – в диалоге, который после спада нынешнего витка геополитического кризиса должен стать основной формой межгосударственных и междоцивилизационных отношений в новом многополярном мире.

Таким образом, гипотезу исследования можно считать частично подтвердившейся. Снижение острого интереса к проблемам идентичности свидетельствует о переходе идентификационных процессов в более спокойную и более глубокую фазу, связанную с формированием социокультурной (цивилизационной) идентичности, что открывает путь к взаимодополнению идентичностей, снятию остроты конфликта идентичностей. Это позитивный результат как общих процессов стабилизации на Юге России, так и проводимой политики идентичности. В то же время результаты исследования не позволяют уже сегодня отойти от оценки ситуации как «конкуренции идентичностей». Положение дел в идентификационной сфере можно определить как амбивалентную и требующую активизации интеграционного вектора политики идентичности на Юге страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдеев Е.А., Воробьев С.М. Общероссийская гражданская идентичность молодежи Северного Кавказа: основные вызовы и риски конфликтности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2021. № 1. С. 69–86. DOI: 10.21638/spbu23.2021.106.
- Авксентьев В.А. «Округ нового типа»: региогенез и динамика этнополитических процессов на Северном Кавказе // Society and Security Insights. 2020. № 2. С. 41–54. DOI: 10.14258/ssi(2020)2-02.
- Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В. Портфель идентичностей молодежи юга России в условиях цивилизационного выбора // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 18–27.
- Адиев А.З., Щербина Е.А. Общероссийская идентичность на Северном Кавказе: pro et contra // Вестник российской нации. 2021. № 3. С. 54–63.
- Атласкиров А.Р. Проблема становления общероссийской идентичности в многонациональных регионах Северного Кавказа // Политика и общество. 2021. № 1. С. 26–32. DOI: 10.7256/2454-0684.2021.1.34728.
- Горшков М.К. О гармонизации межэтнических отношений в пореформенной России: контекстуальный подход // Гуманитарий Юга России. 2017. № 2. С. 14–25.
- Денисова Г.С., Клименко Л.В. Южно-российская идентичность: упущенная возможность интеграции мультикультурного региона // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 6. С. 29–33.
- Дробижева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50. DOI: 10.31857/S013216250009460-9.
- Илюк Е.В. Молодежь как группа риска и основные техники манипуляции при вовлечении в экстремистские организации // Витимология. 2019. № 3. С. 26–35.
- Попков Ю.В. Государственная национальная политика России: проблемы и концептуальные лакуны // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2019. № 3. С. 345–366. DOI: 10.21638/11701/spbu23.2019.30.
- Рыжова С.В. Содержание и динамика этнической идентичности в России // Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. Издание 2-е, исправленное и дополненное. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 119–135.
- Тишков В.А. Введение // Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. Издание 2-е, исправленное и дополненное. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 5–10.
- Тишков В.А. Концептуальная динамика этнополитики в России (от Горбачева до Путина) // Вестник российской нации. 2018. № 6. С. 9–30.

Элиас Н. Общество индивидов. М.: Практикс, 2001.

Brubaker R. The Manichean myth: rethinking the distinction between "civic" and "ethnic" nationalism // *Nation and National Identity: The European Experience in Perspective* / Ed. by H. Kriesl et al. Zurich: Verlag Ruegger. 1999. P. 55–71.

Coakley J. National identity and the "Kohn dichotomy" // *Nationalities Papers. The Journal of Nationalism and Ethnicity*. 2018. No. 46 (2). P. 252–271. DOI: 10.1080/00905992.2017.1360267.

Kuzio T. The myth of the civic state: a critical survey of Hans Kohn's framework for understanding nationalism // *Ethnic and Racial Studies*. 2002. No. 25 (1). P. 20–39. DOI: 10.1080/01419870120112049.

Kymlicka W. *Misunderstanding Nationalism* // *Theorizing Nationalism. SUNY Series in Political Theory* / Ed. by R. Beiner. Albany, NY: State University of New York Press, 1999. P. 131–140.

Lindstam E., Mader M., Schoen H. Conceptions of National Identity and Ambivalence towards Immigration // *British Journal of Political Science*. 2021. No. 51 (1). P. 93–114. DOI: 10.1017/S0007123418000522.

Tabachnik M. Untangling liberal democracy from territoriality: from ethnic/civic to ethnic/territorial nationalism // *Nations and Nationalism*. 2019. No. 25 (1). P. 191–207. DOI: 10.1111/nana.12428.

Yack B. The myth of the civic nation // *Critical Review. A Journal of Politics and Society*. 1996. No. 10 (2). P. 193–211. DOI: 10.1080/08913819608443417.

Статья поступила: 30.03.22. Финальная версия: 26.06.22. Принята к публикации: 27.06.22.

"IDENTITIES PORTFOLIO" OF THE YOUTH OF THE SOUTHERN RUSSIA AFTER 12 YEARS

AVKSENTEV V.A.*, AKSIUMOV B.V.**

*Federal Research Center the Southern Scientific Centre of RAS, Russia; ** North-Caucasus Federal University, Russia

Viktor A. AVKSENTEV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Federal Research Center the Southern Scientific Centre of RAS, Rostov-on-Don, Russia (avksentiev@rambler.ru); Boris V. AKSIUMOV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia (aksbor@mail.ru).

Acknowledgements. The article was supported by the article was supported by RFBR, grant No. 20-011-00132.

Abstract. The changes in the identification sphere of young people in the South of Russia are studied. The analysis is based on the comparison of mass surveys in 2009 and 2021, the effectiveness of identity politics in the region is evaluated. The hypothesis of the study was that at the beginning of the third decade of the 21st century, the all-Russian identity has significantly strengthened compared to the end of the first decade, and this would allow to move from assessing the situation as a "competition of identities" to their complementarity. The hypothesis was partially confirmed. The importance of all socio-cultural identities that make up the "portfolio of identities" of the youth of Russian South has noticeably decreased. Indirectly, this indicates the stabilization of the ethno-social and ethno-political situation – the mobilizing character of the identity has been reduced. However, no significant dynamics in strengthening the all-Russian identity was revealed. If ethnic Russian respondents demonstrated the equivalence of the all-Russian and ethnic identities, the respondents – representatives of the Caucasian peoples showed the persisting imbalance between the key socio-cultural identities – the all-Russian and ethnic – in favor of the ethnic one, and over 12 years the imbalance has increased. A shift from formal markers (citizenship) of the all-Russian identity to substantive ones (feeling of belonging to all-Russian history and culture) was found out, which was interpreted as a trend towards the formation of a Russian civilizational identity. This is also evidenced by the growth of the number of respondents who perceive Russia as a bridge between the civilizations of the West and the East. It is concluded that, in the presence of positive trends in identification processes among the youth of the South of Russia, the refusal to evaluate the situation as a "competition of identities" would be too premature, and the identity politics in the region cannot be considered sufficiently effective.

Keywords: all-Russian identity, civic identity, ethnic identity, civilizational identity, identity politics, South of Russia, North Caucasus, youth, "identities portfolio".

REFERENCES

- Adiev A.Z., Shcherbina E.A. (2021) All-Russian Identity in the North Caucasus: pro et contra. *Vestnik Rossijskoj nacii* [Bulletin of the Russian nation]. No. 3: 54–63. (In Russ.)
- Atlaskirov A.R. (2021) The problem of establishment of All-Russian Identity in multinational regions of North Caucasus. *Politika i Obshchestvo* [Politics and Society]. No. 1: 26–32. DOI: 10.7256/2454-0684.2021.1.34728. (In Russ.)
- Avdeev E.A., Vorobev S.M. (2021) Russian civic Identity of Youth in the North Caucasus: the main challenges and risks of conflict. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political Expertise: POLITEX]. No. 1: 69–86. DOI: 10.21638/spbu23.2021.106. (In Russ.)
- Avksentev V.A. (2020) "A new type district": regional transformation and dynamics of ethno-political processes in the North Caucasus. *Society and Security Insights*. No. 2: 41–54. DOI: 10.14258/ssi(2020)2-02. (In Russ.)
- Avksentev V.A., Aksimov B.V. (2010) Youth of the southern Russia: a set of identities under conditions of civilization choice. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 18–27. (In Russ.)
- Brubaker R. (1999) The Manichean myth: rethinking the distinction between "civic" and "ethnic" nationalism. In: Kriesl H. et al. (eds) *Nation and National Identity: The European Experience in Perspective*. Zurich: Verlag Ruegger: 55–71.
- Coakley J. (2018) National identity and the "Kohn dichotomy". *Nationalities Papers. The Journal of Nationalism and Ethnicity*. Vol. 46. No. 2: 252–271. DOI: 10.1080/00905992.2017.1360267.
- Denisova G.S., Klimenko L.V. (2011) South Russian identity: a missed opportunity to integrate the region's multicultural region. *Izvestiya vysshix uchebnykh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obschestvennye nauki* [Bulletin of higher education institutes. Northern-Caucasus region. Social sciences]. No. 6: 29–33. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2020) Russian Identity: searching for definition and distribution dynamics. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 37–50. DOI: 10.31857/S013216250009460-9. (In Russ.)
- Elias N. (2001) *The Society of individuals*. Moscow: Praksis. (In Russ.)
- Gorshkov M.K. (2017) The Harmonization of interethnic relations in the post-reform Russia: context approach. *Gumanitarij Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. No. 2: 14–25. (In Russ.)
- Ilyuk E.V. (2019) Youth as a risk group and basic manipulation techniques when involving in extremist organizations. *Viktimologiya* [Victimology]. No. 3: 26–35. (In Russ.)
- Kuzio T. (2002) The myth of the civic state: a critical survey of Hans Kohn's framework for understanding nationalism. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 25. No. 1: P. 20–39. DOI: 10.1080/01419870120112049.
- Kymlicka W. (1999) Misunderstanding Nationalism. In: Beiner R. (ed.) *Theorizing Nationalism. SUNY Series in Political Theory*. New York: State University of New York Press: 131–140.
- Lindstam E., Mader M., Schoen H. (2021) Conceptions of National Identity and Ambivalence towards Immigration. *British Journal of Political Science*. Vol. 51. No. 1: 93–114. DOI: 10.1017/S0007123418000522.
- Popkov Y.V. (2019) State national Policy of Russia: problems and conceptual lacunas. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political Expertise: POLITEX]. No. 3: 345–366. DOI: 10.21638/11701/spbu23.2019.30. (In Russ.)
- Ryzhova S.V. (2018) The Content and Dynamics of Ethnic Identity in Russia. In: Tishkov V.A., Stepanov V.V. (eds) *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii* [Ethnic and Religious Diversity in Russia]. Moscow: IEA RAN: 119–135. (In Russ.)
- Tabachnik M. (2019) Untangling liberal democracy from territoriality: from ethnic/civic to ethnic/territorial nationalism. *Nations and Nationalism*. Vol. 25. No. 1: 191–207. DOI: 10.1111/nana.12428.
- Tishkov V.A. (2018a) Introduction. In: Tishkov V.A., Stepanov V.V. (eds) *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii* [Ethnic and Religious Diversity in Russia]. Moscow: IEA RAN: 5–10. (In Russ.)
- Tishkov V.A. (2018b) Changing concepts of ethno-politics in Russia (from Gorbachev to Putin). *Vestnik Rossijskoj nacii* [Bulletin of the Russian nation]. No. 6: 9–30. (In Russ.)
- Yack B. (1996) The myth of the civic nation. *Critical Review. A Journal of Politics and Society*. Vol. 10. No. 2: 193–211. DOI: 10.1080/08913819608443417.

Received: 30.03.22. Final version: 26.06.22. Accepted: 27.06.22.

А.Б. НЕУСТРОЕВА, И.В. САМСОНОВА

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА (по данным исследования в Республике Саха (Якутия))

НЕУСТРОЕВА Аиза Борисовна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник (aizok@mail.ru); САМСОНОВА Ирина Валентиновна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник (irsam@list.ru). Обе – Академия наук Республики Саха (Якутия), Якутск, Россия.

Аннотация. В статье анализируются основные проблемы и риски современно-го развития коренных малочисленных народов Севера, проживающих в Республике Саха (Якутия). На основе данных исследования и статистических показателей авторы обозначили основные проблемы и риски развития коренных малочисленных народов Севера. Выявлены возможности и перспективы по снижению современных негативных тенденций в развитии коренных малочисленных народов Севера. Исследование показало наличие большого количества различных проблем, влияющих на качество жизни, состояния здоровья и условий проживания малочисленных народов.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы • традиционное хозяйство • родовые общины • проблемы развития • материальное положение

DOI: 10.31857/S013216250014318-2

Жизнедеятельность и развитие коренных малочисленных народов Севера (далее КМНС) протекает в экстремальных природно-климатических и географических условиях, которые оцениваются как абсолютно или очень неблагоприятные. К одним негативным факторам относятся влияние внешних природных опасностей и серьезные инфраструктурные ограничения: изменение климата на арктических и северных территориях, отсутствие круглогодичной наземной транспортной системы, зависимость всех сфер жизнедеятельности от изменений климата и погодных явлений. К другим – широкомасштабные промышленные проекты, связанные с освоением природных ресурсов в Арктической зоне России. Последствием влияния этих факторов стало увеличение экологических рисков (загрязнение окружающей среды, вырубка лесов и т.д.), ведущих к негативным последствиям для жизни и здоровья КМНС. Также растут сложности, относящиеся к нарушениям прав КМНС: спорные и конфликтные ситуации между недропользователями и северными народами из-за земельных вопросов; перекрытие традиционных маршрутов движения общин и животных дорогами и промышленными объектами; мусор в местах добычи полезных ископаемых и т.д. [Samsonova, 2017].

Концентрация различных рисков и их продолжительное действие говорит об их системном характере и требует подробного изучения и разработки мер по минимизации социальных проблем развития коренных малочисленных народов Севера.

Целью данного исследования стало выявление факторов, особенностей и последствий проявления негативных тенденций в развитии коренных малочисленных народов Севера, выявление их отношения к ним и восприятия.

Материалы и методы исследования. Эмпирической базой исследования стали результаты опроса, проведенного в сентябре-октябре 2020 г. в Республике Саха (Якутия) (далее РС(Я)), среди представителей пяти коренных малочисленных народов Севера ($N = 400$): эвенков,

эвенов, чукчей, юкагиров и долган¹. Использовался метод многоступенчатой квотной выборки, ошибка выборки составила 4,4%. На первой ступени был произведен отбор районов РС(Я), где проживают коренные малочисленные народы Севера. На второй ступени выбирались населенные пункты с компактным проживанием КМНС. Выборочная совокупность составила 19 районов и г. Якутск, 50 населенных пунктов, 43 из них входят в перечень мест компактного проживания коренных северных народов. На третьей ступени производился контрольный отбор респондентов по полу, возрасту и национальности². Для опроса представителей КМНС из отдаленных населенных пунктов и мест кочевания частично использовались средства связи и Интернет. Кроме этого, большую помощь при сборе данных оказали муниципальные органы власти наслегов и районов Республики Саха (Якутия).

Социально-демографические проблемы развития коренных малочисленных народов в Республике Саха (Якутия). Республика Саха (Якутия) является самым крупным по площади регионом на северо-востоке России³. Представители КМНС есть практически в каждом муниципальном районе (улусе) Якутии, четыре района носят статус национальных (Анабарский национальный долгано-эвенкийский, Жиганский национальный эвенкийский, Оленекский эвенкийский национальный, Эвено-Бытантайский национальный). В регионе 70 населенных пунктов из 21 района входят в перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности КМНС⁴, из них 49 населенных пунктов расположены в Арктической зоне.

Согласно данным Всероссийских переписей населения, все пять коренных малочисленных народов Севера в РС(Я) характеризуются устойчивой положительной динамикой роста численности. В 2010 г. их общая численность в республике по сравнению с 1970 г. выросла в 2,44 раза – с 16,3 тыс. человек до 39,9 тыс.⁵ Однако факторами увеличения численности КМНС в регионе являются не рост уровня рождаемости и снижение уровня смертности, а смена этнической идентификации, рост этнического самосознания, политика государства по отношению к КМНС.

Риски демографического развития напрямую влияют на качество населения, отличительной чертой демографической модели коренных малочисленных народов Севера в предшествующие десятилетия были относительно высокий уровень рождаемости и высокий уровень смертности. В настоящее время у северных народов происходит снижение рождаемости, а показатели смертности, особенно младенческой и на почве алкоголизма, остаются на высоком уровне⁶. Огромное влияние оказывает и миграция населения: в ре-

¹ Анкета исследования включала следующие блоки вопросов: социально-демографические характеристики респондентов; материальное положение респондентов (доходы, источники доходов); меры государственной поддержки, которыми пользуются респонденты; проблемы КМНС; оценка реализации прав КМНС в Республике Саха (Якутия); основные направления устойчивого развития КМНС Республики Саха (Якутия).

² В итоге в опросе приняли участие 162 мужчины и 238 женщин (40,4 и 59,6% соответственно). Возраст респондентов варьируется от 18 до 87 лет, средний возраст респондентов составил 44 года. Были опрошены 54,3% эвенов, 39% эвенов, 2,9% чукчей, 2,3% юкагиров и 1,5% долган.

³ Здесь проживает около 982 тысячи человек, из них 39,9 тысячи человек являются представителями коренных малочисленных народов Севера – это эвенки, эвены, юкагиры, долганы и чукчи. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39644> (дата обращения: 03.03.2021).

⁴ Закон Республики Саха (Якутия) от 10 июля 2003 года 59-3 № 121-III «О перечне коренных малочисленных народов Севера и мест их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности в Республике Саха (Якутия)» (с изменениями на 30 января 2019 года) // «Консорциум кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/553108258> (дата обращения: 03.03.2021).

⁵ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39644> (дата обращения: 03.03.2021).

⁶ Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия): Статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). Якутск, 2020. URL: <http://stat.sakha.gks.ru:8899/bgd/2020/god/10.11.03-01/01/411020120999.pdf?d7e051bc-dec5-4232-be62-d3ffd4a78329> (дата обращения: 03.03.2021).

гионе происходит постепенный переток КМНС в городскую местность, отток трудовых ресурсов, особенно молодежи, из традиционных видов деятельности в другие отрасли экономики, что приводит к старению населения в сельской местности.

Опрос представителей КМНС в регионе показал, что среди респондентов преобладает двухдетная модель семьи (в среднем 2,3 ребенка). По сравнению с родительской семьей, в которой в среднем было 3,8 ребенка, происходит снижение репродуктивных установок народов Севера. Среднее «желаемое» число детей при всех необходимых условиях в опросе составило 3,3 ребенка, среднее «ожидаемое» число детей было равно 2,2 ребенка. Разрыв между средними значениями «желаемого» и «ожидаемого» числа детей у представителей коренных малочисленных народов Севера достаточно высок и составил 1,1 ребенка. Основной причиной, повлиявшей на откладывание рождения ребенка, 26,9% опрошенных назвали низкий уровень жизни, материальные и жилищные трудности, отсутствие работы.

Данные исследования о национально-смешанных браках у северных народов показали, что среди респондентов это частое явление – 42,9% от всех браков, в том числе 37,6% были в браке с представителями национальности саха, 3,4% – с русскими, 2% – с иными национальностями. При этом браки КМНС с саха относятся к гомогенным смешанным бракам, то есть на основе родственных культур [Макарова, 2016]. Доля сопредельных межнациональных браков с не родственными народами и культурами, но проживающими долгое время на одной территории, составила 5,4%.

В целом в межнациональные браки чаще вступали мужчины, среди которых доля гомогенных смешанных браков с представительницами саха была намного выше, чем среди женщин (46,2 и 32% соответственно). Однако среди женщин КМНС была выше доля сопредельных смешанных браков с русскими и другими национальностями.

Меньше всего национально-смешанных браков среди респондентов, проживающих в сельской местности, ведущих традиционный образ жизни (оленоводство, охотничий и рыболовный промысел, собирательство, традиционное ремесленничество) и являющихся членами родовой общины (26,2%). Для сравнения: среди представителей КМНС, не занимавшихся традиционными видами деятельности, проживавших в городах и в промышленных районах, доля смешанных браков достигала 72%.

Отметим, что в РС(Я) сохраняется важный социальный семейный институт КМНС – кочевые семьи, статус которых в 2016 г. был законодательно закреплён в регионе⁷. Кочевой признается семья, перемещающаяся в течение года по местам кочевий и оленьих пастбищ, занимается традиционной хозяйственной деятельностью и промыслами КМНС. В опросе 8,5% респондентов являлись членами таких семей. В основном кочевые семьи состояли из 4–5 человек, занимались воспитанием 3 и более детей, а оба супруга являлись представителями КМНС.

Не менее остро стоит риск утраты владения родным языком большинством представителей КМНС: 44,7% поставили данную проблему на второе место, после защиты своих прав и интересов. Доминирование русского и якутского языков во всех областях жизни общества сыграло значительную роль в языковой ассимиляции малочисленных народов. Функционирование языков КМНС (эвенкийский, эвенский) сведено до минимума, а некоторые (юкагирский) на грани исчезновения. По данным переписи 2010 г., на пяти языках народов Севера говорили лишь 14,7% от всех пяти КМНС, проживающих в РС(Я). Наиболее высокой была доля владеющих долганским языком – 49,9% от всех долган, самой низкой – говорящих на чукотском и эвенкийском языках (5,5% от всех чукчей и 6,4% от всех эвенков в РС(Я)).

Рассмотренные демографические тенденции развития коренных северных народов создают высокий рисковый фон для их социально-экономического развития. Среди демографических рисков, которым сегодня подвержены коренные малочисленные народы, можно выделить сокращение численности сельских КМНС, снижение уровня рождаемости, высокую смертность, усиление миграции молодежи в города, старение людей, занимающихся традиционными видами деятельности, утрату родного языка.

⁷ Закон Республики Саха (Якутия) от 15 июня 2016 г. 1660-З № 963-V «О кочевой семье».

Занятость КМНС Якутии и рыночная экономика. Безработица, отсутствие или снижение трудового дохода, убыточность большинства традиционных хозяйств, несоответствие оплаты труда его затратам, переток рабочей силы в другие отрасли, отсутствие социальных гарантий, стабильности являются проблемой для большинства жителей регионов России. Однако для коренных малочисленных народов Севера они актуализируются в связи с суровыми природными условиями в местах их традиционного проживания. Занятие традиционными видами деятельности является основой традиционной хозяйственной деятельности КМНС [Экономика традиционного..., 2019; Филиппова, 2020]. В условиях рыночной экономики традиционное хозяйство не может приносить большого дохода и ситуацию в традиционном сельском хозяйстве можно назвать кризисной. Ежегодно наблюдается сокращение поголовья оленей в Республике Саха (Якутия), малочисленность их стад приводит к нерентабельности большинства хозяйств. Попытки возрождения оленеводства требуют огромных финансовых вложений и невозможны без государственной поддержки. Молодежь КМНС не желает заниматься оленеводством из-за низкой оплаты тяжелого труда и несоответствия заработной платы условиям труда и быта.

Чтобы не утратить традиционный образ жизни, народы Севера выбирают различные стратегии ведения и развития хозяйств, создают и объединяются в разные организационно-правовые формы: родовые общины, сельскохозяйственные кооперативы, государственные и муниципальные унитарные предприятия, коммерческие и некоммерческие организации [Неустроева и др., 2020]. В Якутии большинство хозяйств народов Севера на сегодняшний день функционируют в виде некоммерческих организаций: родовых общин и объединений малочисленных народов (ассоциации, союзы). По данным 2019 г. в РС(Я) было зарегистрировано 212 общин малочисленных народов⁸, из них 68 родовых общин занимались оленеводством⁹.

В условиях активного освоения месторождений полезных ископаемых в Арктической зоне России, для сохранения и защиты образа жизни и исконной среды обитания северных народов, во всех районах их проживания созданы особо охраняемые территории традиционного природопользования¹⁰. В Якутии образовано 62 такие территории, общей площадью свыше 165 млн га (54% территории республики)¹¹.

Так, 29,4% из опрошенных представителей КМНС вообще не занимались никакими традиционными видами деятельности, 70,6% занимались хотя бы одним видом традиционной деятельности. Чаще всего респонденты занимались собирательством дикоросов (ягод, грибов, шишек, лекарственных трав, орехов), рыболовством, охотой. Кроме этого, они занимались животноводством, коневодством, кустарным мастерством (делали нарты, арканы, сувенирные изделия из дерева), строили традиционное национальное жилье, занимались фольклором, добычей мамонтовой кости.

Традиционные виды деятельности являлись единственным источником дохода для 10,5% респондентов. Преимущественно в традиционном природопользовании заняты мужчины от 41 до 60 лет, со средним специальным или средним общим образованием, большинство из них члены родовых общин и кочевых семей.

Более 60% респондентов совмещали занятие традиционным природопользованием с занятостью в других сферах из-за низких зарплат в сельском хозяйстве и традиционных видах деятельности. В 2019 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников сельского хозяйства и традиционных видов деятельности в 13 арктических

⁸ Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях в РФ // Информационный портал Минюста России. URL: <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx> (дата обращения: 03.03.2021).

⁹ База данных «Родовые кочевые общины коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)». № RU2019622487. Дата регистрации: 16.12.2019.

¹⁰ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39644> (дата обращения: 03.03.2021).

¹¹ Официальный сайт Министерства по развитию Арктики и делам народов Севера Республики Саха (Якутия). URL: <https://arktika.sakha.gov.ru/ТТР>

районах республики составила 32 427 руб. (44,6% от средней заработной платы по республике и 90% от средней заработной платы в сельском хозяйстве)¹².

Чем выше уровень образования, тем реже респондент занят в традиционных видах деятельности. Образовательный уровень женщин выше, чем у мужчин. Женщины в основном заняты в бюджетной сфере: образование, культура, здравоохранение, государственное и муниципальное управление.

Процент безработных среди КМНС гораздо выше, чем в среднем по региону. В разрезе 21 муниципального района, где расположены территории традиционного проживания КМНС, уровень общей безработицы в 2019 г. варьировался от 4,2% в Мирнинском районе до 13,4% в Эвено-Бытантайском районе¹³. В 12 районах уровень безработицы превышал среднереспубликанский в 6,9%. Незанятых граждан в Арктической зоне республики больше, чем в среднем по республике, в 2,5 раза. По результатам опроса в 17,8% семей представителей КМНС были безработные члены. По мнению 43% представителей коренных малочисленных народов Севера, проблемы безработицы и низкой оплаты труда являются острейшими в их населенном пункте. К причинам высокой безработицы в местах проживания КМНС относятся, во-первых, экономические причины: развал и нерентабельность сельскохозяйственной деятельности, слаборазвитая транспортная инфраструктура арктических и северных районов, недостаточная государственная поддержка сельхозпроизводителей. Во-вторых, узость сферы приложения труда на селе, низкий уровень оплаты труда в сельском хозяйстве и традиционных видах деятельности, неразвитость неаграрных видов занятости; в-третьих, алкоголизация населения, иждивенчество, неадаптированность к рыночным условиям.

В Арктических районах Якутии наблюдаются самые высокие показатели напряженности на рынке труда региона, например, в Аллаиховском и Оленекском эвенкийском национальном районах нагрузка незанятого трудовой деятельностью населения на одну заявленную вакансию составляла 23,3 и 21,8 человека, тогда как по республике в целом данный показатель составлял 1,1 человека¹⁴. Среди регионов Дальневосточного федерального округа в Якутии были одни из самых высоких показателей как общей безработицы, так и безработицы сельского населения. На начало сентября 2020 г. уровень регистрируемой безработицы в Арктических районах достигал 13,4%, а численность незанятых граждан была больше, чем в среднем по республике, в 2,5 раза. На сельских жителей приходилось 60% всех безработных, состоящих на учете в государственных учреждениях службы занятости Республики Саха (Якутия)¹⁵.

Риск бедности. Как в 1990-е годы, так и сейчас малочисленные народы Севера относятся к группе с высоким риском попадания в разряд малоимущих. Одной из причин этого является высокая доля среди КМНС многодетных, семей с иждивенцами, пенсионерами и инвалидами, безработными. У 82,6% опрошенных в семьях были льготные категории граждан: пенсионеры по возрасту, инвалиды, дети-инвалиды, безработные, ветераны войны, тыла и труда. В 12,5% семей были взрослые инвалиды; в 5,3% – дети-инвалиды. В каждой пятой семье были безработные.

Другим фактором высокого уровня бедности среди КМНС является низкий уровень оплаты труда в сельском и традиционном хозяйстве при очень высоких расходах на ведение традиционной хозяйственной деятельности и дороговизна транспортной логистики в отдаленные северные и арктические районы. Это ведет к тому, что наличие работы не гарантирует выхода из бедности, поэтому большинство респондентов совмещают ведение традиционных видов деятельности с занятостью в других сферах.

¹² Труд и занятость в Республике Саха (Якутия): Статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). Якутск, 2020. URL: <http://stat.sakha.gks.ru:8899/bgd/2020/god/10.9.02/01/i411000120999.pdf?44fee10c-e925-403f-8f87-a68b9c4bffd4> (дата обращения: 03.03.2021).

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

Среднемесячный душевой доход семей по всей выборке составил 23 237 руб. (130% от уровня прожиточного минимума в РС (Я) в 2020 г.)¹⁶. При этом 31,5% опрошенных относятся к малоимущим и имеют доходы ниже величины прожиточного минимума, а доходы 23,8% не превышали размера 1,5 величины прожиточного минимума (малообеспеченные). Уровень бедности среди респондентов значительно выше среднереспубликанского показателя за 2019 г. – 17,9% [Markova et al., 2021]. Существенного расслоения по доходам среди КМНС не было, децильный коэффициент дифференциации доходов респондентов, показывающий различия между доходами самых богатых и самых бедных, в исследовании составил 4,6 раза. Сравнение доходов в группах работающих и неработающих респондентов показало, что в группе работающих средний душевой доход на одного человека в домохозяйстве составил 23 795 руб., в группе неработающих респондентов – 17 395 руб. Среднемесячные доходы респондентов, которые занимались только традиционными видами деятельности, по результатам опроса составили 21 593 руб.

Высокая доля малоимущих среди КМНС могла бы привести к феномену «политической бедности», когда социальное неравенство приводит к тому, что какие-то группы граждан неспособны эффективно участвовать в демократическом процессе, проявляют апатию к политическому участию и, следовательно, становятся еще более уязвимыми перед последствиями намеренно или ненамеренно принимаемых решений [Брега, 2015]. Однако мы видим, что коренные малочисленные народы Севера, проживающие в Республике Саха (Якутия), проявляют высокую гражданскую активность, создаются некоммерческие организации, ассоциации, союзы общин, советы, которые взаимодействуют с органами государственной власти и промышленными компаниями. Не последнюю роль в защите прав и интересов КМНС играет Российская ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Здоровье и здравоохранение в оценках коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия). Социальные условия жизнедеятельности, тяжелые условия проживания, ухудшение экологической обстановки оказывают негативное влияние на здоровье КМНС. Главные угрозы для здоровья малочисленных народов связаны с недоступностью качественных медицинских услуг. На вопрос «С какими из перечисленных проблем вы или ваши близкие за последние полгода сталкивались лично?» на первом месте были ответы о проблемах, касающихся здоровья, нехватки врачей, оборудования и лекарств (45,7%), высоких цен на лекарственные препараты и платные медицинские услуги (39%).

В местах компактного проживания КМНС в течение 10 лет коечный фонд лечебно-профилактических организаций уменьшился на 38,8%, при этом численность постоянного населения в этих населенных пунктах существенно не уменьшалась¹⁷. В большинстве населенных пунктов больницы и амбулатории расположены в зданиях с полным или 80%-ным износом.

В более 48,5% лечебно-профилактических организаций, расположенных в местах компактного проживания КМНС, существует острая нехватка врачебного персонала: укомплектованность врачебным персоналом на 2019 г. составляла 76,7%, в 8 населенных пунктах врачебный персонал вовсе отсутствует. В районах острая нехватка как высококвалифицированных профильных специалистов, так и среднего медицинского персонала.

Неутешительны статистические показатели смертности и заболеваемости в районах, где проживают КМНС. В 2020 г. самое большое количество случаев заболеваний на 10 000 человек населения было в Оленекском эвенкийском национальном

¹⁶ В IV квартале 2020 г. в целом по Республике Саха (Якутия) величина прожиточного минимума составила 17 824 руб.

¹⁷ В 70 местах компактного проживания КМНС в РС(Я) сеть лечебно-профилактических организаций представлена 66 лечебными учреждениями, в том числе 33 лечебно-профилактическими организациями и 33 амбулаторно-поликлиническими учреждениями (включая фельдшерско-акушерские пункты). Коечный фонд составляет 222 единицы. Здравоохранение в Республике Саха (Якутия): Статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). Якутск, 2020. URL: <http://stat.sakha.gks.ru:8899/bgd/2020/god/10.18.03/01/i411090120999.pdf?75133aec-004b-433d-8a27-12077321763c> (дата обращения 03.03.2021).

районе – 20 084 случая (в среднем по региону – 8996 случаев). Число умерших на 1000 человек населения в 2020 г. было самым высоким в Жиганском национальном эвенкийском (15,7) и Абыйском (15,5) арктических районах (для сравнения: в целом по региону составил 9,3 умерших).

Реализации прав и гарантий коренных малочисленных народов Севера. Российское законодательство гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права. В России принят ряд федеральных законов, направленных на защиту прав коренных малочисленных народов РФ, в том числе защиту их исконной среды обитания и традиционного образа жизни, самоорганизации, сохранения самобытности в области языка и культуры¹⁸. Признание прав КМНС на законодательном уровне сыграло позитивную роль в защите и поддержке этих народов.

Основные меры социальной поддержки КМНС устанавливаются на уровне регионов. В Республике Саха (Якутия) приняты правовые акты, призванные сохранить и защитить интересы коренных малочисленных народов Севера. Региональные власти предоставляют государственную поддержку в виде налоговых льгот, целевого финансирования региональных и местных программ сохранения и развития традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов, заключения с общинами, союзами (ассоциациями) родовых общин договоров на выполнение работ и предоставление услуг.

По данным исследования 39,6% опрошенных считают, что федеральные законы в сфере защиты прав КМНС в РС(Я) исполняются частично, 39,2% ответили, что федеральное законодательство не исполняется, и только 1,9% считают, что законы исполняются в полном объеме. Большинство опрошенных считают, что не реализуются: льготное кредитование и налогообложение; право на возмещение убытков, причиненных в результате нанесения ущерба исконной среде обитания КМНС; право участвовать в проведении экологических и этнологических экспертиз при разработке государственных программ; получение бесплатного социального обслуживания.

За последние три года 63,1% респондентов не воспользовались ни одной льготой и мерой социальной поддержки, остальные 36,9% воспользовались хотя бы одной льготой. Наибольшее количество опрошенных КМНС получили льготы на медицинскую помощь, бесплатные лекарства, субсидии на поддержку и развитие традиционного хозяйства, укрепление материально-технической базы, социальные выплаты оленеводам, чумработникам, промысловым охотникам, рыбакам, коневодам, табунщикам и дояркам. Среди респондентов, которые занимались только традиционными видами деятельности, доля пользовавшихся льготами (кроме льгот на получение медицинской помощи) была выше и составила 52,6%.

По какой причине доля получателей льгот среди коренных малочисленных народов Севера была такой низкой? Опрос показал, что 32,3% сами не обращались за получением помощи и поддержки. Среди обратившихся за льготами 16,9% столкнулись с теми или иными трудностями. В частности, респонденты не могли получить бесплатные лекарства, так как проживали не в месте компактного проживания КМНС или из-за отсутствия

¹⁸ Федеральные законы от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», от 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». Кроме того, положения, касающиеся защиты прав коренных малочисленных народов, содержатся в Земельном кодексе Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ, Федеральном законе от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», Федеральном законе от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе», Законе РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах», Федеральном законе от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире», Федеральном законе от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» и др.

медикаментов в населенном пункте. Много ответов касалось трудностей оформления документов, например, при получении лицензий, оформлении земли, предоставлении земельного участка. Также проблемы возникали у людей, проживающих в отдаленных сельских населенных пунктах, где отсутствуют Интернет и мобильная связь, нет круглогодичных дорог, у многих просто нет возможности выехать в районный центр для подачи документов на получение льгот или государственной поддержки.

Закключение. Исследование показало наличие большого количества социальных проблем, влияющих на уровень и качество жизни, состояние здоровья и условия проживания малочисленных народов. Для минимизации этих рисков для коренных малочисленных народов Севера прежде всего необходимы сохранение исконной среды обитания и традиционного образа жизни, развитие хозяйственно-экономической инфраструктуры в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности при сохранении экологического баланса. Немаловажной является государственная поддержка коренных малочисленных народов Севера, занимающихся традиционными видами деятельности, активизация предпринимательской и инвестиционной деятельности малочисленных народов, интеграция в региональную экономику и повышение экономической эффективности деятельности родовых общин КМНС и других организаций, осуществляющих традиционную хозяйственную деятельность малочисленных народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Макарова И.А. Межнациональные браки в современных условиях: особенности, факторы, мотивы формирования (на примере Забайкальского края). Дис. ... к.социол.н. Улан-Удэ, 2016.
- Неустроева А.Б., Самсонова И.В., Малышева М.С., Семенова Л.А. Современное положение традиционных хозяйств коренных малочисленных северных народов в Республике Саха (Якутия) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 3. С. 220–245.
- Филиппова В.В. Доступ к территориям традиционного природопользования: мобильность локальных сообществ в условиях промышленного освоения // Кунсткамера. 2020. № 1 (7). С. 36–42.
- Экономика традиционного природопользования: взаимодействие коренных народов Севера и бизнеса в российской Арктике / Под общ. ред. А.Е. Бурцевой, И.М. Потравного. М.: Экономика, 2019.
- Markova V.N., Alekseeva K.I., Neustroeva A.B., Potravnaya E.V. Analysis and forecast of the poverty rate in the arctic zone of the Republic of Sakha (Yakutia) // Studies on Russian Economic development. 2021. Vol. 32. № 4. P. 415–423.
- Samsonova I., Borisova U., Neustroyeva A. Problems and Prospects of Interaction of Indigenous Small Northern Nations and Extractive Companies // Espacios. 2017. Т. 38. № 59. С. 23.

Статья поступила: 17.03.21. Финальная версия: 15.12.21. Принята к публикации: 24.06.22.

PROBLEMS OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH (BASED ON THE MATERIALS OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA))

NEUSTROEVA A.B.*, SAMSONOVA I.V.*

*The Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), Russia

Aiza B. NEUSTROEVA, Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher (aizok@mail.ru); Irina V. SAMSONOVA, Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher (irsam@list.ru). Both – the Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Russia.

Abstract. The northern peoples of Russia live in conditions of absolute risks: extreme natural and climatic conditions, remoteness and inaccessibility of settlements, underdeveloped transport infrastructure, focal location of production, low stability of ecological systems. All this leads to unfavorable social consequences for small peoples, such as negative demographic processes, outflow of labor resources, limited access to high-quality medical, educational, cultural services, critical condition of housing and communal services, poor quality of life, loss of native language and national culture. The purpose of the article is to identify factors, features and consequences of the manifestation of social risks in the recent development of the indigenous peoples of the North, to identify attitudes and perception of the indigenous peoples of the North toward current risks for the development of these peoples. The article deals in detail with socio-demographic risks, including the peculiarities of the composition and structure of families of the indigenous peoples of the North, unemployment and employment in traditional activities (reindeer husbandry, fishing, gathering wild plants, hunting), financial situation and social problems. The risks in the sphere of traditional activities employment of small-numbered peoples, poverty risks, health risks and occurrence of diseases among the indigenous peoples of the North, legal risks are analyzed. The possibilities and prospects to reduce current risks in the development of indigenous peoples of the North are identified. The main conclusion of the study is that the problems of poverty and low standard of living, unemployment, unavailability of high-quality medical care and provision of medicines are acute among the northern peoples.

Keywords: indigenous small peoples, traditional economy, tribal communities, sustainable development, problems, financial situation, sociological research, North.

REFERENCES

- Economy of traditional nature management: interaction of the indigenous peoples of the North and business in the Russian Arctic.* (2019) Ed. by E.I. Burtseva, I.M. Potravny. Moscow: Ekonomika. (In Russ.)
- Filippova V.V. (2020) Access to territories of traditional nature management: mobility of local communities in conditions of industrial development. *Kunstkamera* [Kunstkamera]. No. 1 (7): 36–42. (In Russ.)
- Makarova I.A. (2016) *Interethnic marriages in modern conditions: features, factors, motives of formation (on the example of the Trans-Baikal Territory)*. Dissert. ... Cand. of Sociol. Sci. Ulan-Ude. (In Russ.)
- Markova V.N., Alekseeva K.I., Neustroeva A.B., Potravnaya E.V. (2021) Analysis and forecast of the poverty rate in the arctic zone of the Republic of Sakha (Yakutia). *Studies on Russian Economic development*. Vol. 32. No. 4: 415–423.
- Neustroeva A.B., Samsonova I.V., Malysheva M.S., Semenova L.A. (2020) The current position of traditional farms of indigenous small-numbered northern peoples in the Republic of Sakha (Yakutia). *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 23. No. 3: 220–245. (In Russ.)
- Samsonova I., Borisova U., Neustroyeva A. (2017) Problems and Prospects of Interaction of Indigenous Small Northern Nations and Extractive Companies. *Espacios*. Vol. 38. No. 59: 23–39.

Received: 17.03.21. Final version: 15.12.21. Accepted: 24.06.22.

© 2022 г.

Н.С. БАБИЧ, И.В. БАТЫКОВ

ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ: ОПЫТ МОДЕЛИРОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ КОНСЮМЕРИЗМА И РЕЛИГИОЗНОСТИ

БАБИЧ Николай Сергеевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов; старший научный сотрудник (sociolog@mail.ru); БАТЫКОВ Иван Владимирович – кандидат социологических наук, заведующий лабораторией социологической экспертизы (ivbatykov@socexpertiza.ru). Оба – Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Аннотация. Настоящая статья представляет собой попытку установления эмпирической состоятельности гипотез, описывающих взаимосвязи между эволюцией общества потребления и религии. Рассмотрены четыре гипотезы: «секуляризации» (религия приходит в упадок с ростом консюмеризации обществ), «радикализации» (важность религии повышается перед лицом враждебных ценностей безудержного потребления), «коммодификации» (религия ассимилируется обществом потребления как область духовных услуг) и «третьей переменной» (с религией связано не развитие потребления, а экономическое развитие как таковое). На основании доступной статистики по различным странам мира последовательно рассмотрены способы измерения уровней консюмеризации и важности религии в современных обществах, статистические предсказания каждой из четырех гипотез. С помощью анализа корреляций между индексом консюмеризации и уровня ВВП, с одной стороны, индивидуальной религиозности и государственной поддержки религии – с другой, проведена проверка соответствия реальных данных этим предсказаниям. По итогам анализа может быть сделан вывод о том, что расширение пространства возможностей потребления связано с сокращением уровня индивидуальной религиозности в межстрановом контексте. То есть подтверждается первая гипотеза – о связи секуляризации и консюмеризации.

Ключевые слова: общество потребления • индекс консюмеризации • общественное богатство • религия • религиозность • секуляризация • радикализация • религия и государство • межстрановые сравнения

DOI: 10.31857/S013216250019642-9

Введение. Все более впечатляющее в своих масштабах становление, экспансия и внутреннее развитие потребительской, «консюмеристской» культуры не может не оказывать существенного влияния на структуру и институты всех современных обществ. Особенно сильно оно должно проявляться в тех сферах социальной жизни, которые связаны с поиском и определением смыслов существования, активно переформируемых консюмеризмом. К таким экзистенциально-смысловым сферам в первую очередь относится религия [Бергер, 2019]. Но какое влияние общество потребления оказывает на религию и религиозность? В этом отношении могут быть выдвинуты различные гипотезы, содержание которых зависит от теоретических предпосылок или, другими словами, модельных предположений о природе соответствующих латентных переменных. Мы будем исходить из предположения

Авторы выражают благодарность членам редколлегии журнала за ценные замечания к рукописи.

о тесной связи эволюции общества потребления и экономического развития вообще. Разумеется, консюмеризм представляет собой не только экономическое, но и культурное явление, трансформирующее моральное сознание и в силу этого (в некотором смысле даже неизбежно) отражающееся на динамике религиозности. Но любое эмпирическое исследование вынуждено обращаться к какому-то упрощенному образу реальности, и в данном случае это упрощение состоит в принятии экономико-центрической модели общества потребления. Главным мотивом для этого является состояние эмпирической базы, а именно то, что измерение уровня консюмеризации обществ через показатели экономической статистики может быть осуществлено с охватом гораздо большего количества стран, чем через показатели культурных ориентаций.

В рамках «экономико-центрической» модели общества потребления наиболее распространенный, можно сказать «ортодоксальный», взгляд состоит в том, что любая традиционная религия и консюмеризм представляют из себя ценностные противоположности, между которыми вынуждены делать выбор люди, а потому распространение консюмеризма неизбежно влечет за собой упадок религии и секуляризацию [Hirschle, 2014]. Аналогично и секуляризация может быть причиной развития общества потребления в результате ослабления ограничений на получение удовольствий [Strulik, 2016]. Своеобразным развитием гипотезы секуляризации служит взгляд, который можно обозначить как «гипотезу радикализации». Ее сторонники, в целом, соглашаются с ценностной противоположностью религии и консюмеризма, но извлекают из нее противоположный прогноз: экспансия общества потребления, воспринимаемая религиозными сообществами как угроза, ведет не к их упадку, а, наоборот, к консолидации и мобилизации [Possamai, 2014: 110–124]. Иными словами, роль религиозной идентичности возрастает перед лицом торжествующего консюмеризма. Третья гипотеза ставит под сомнение ценностную противоположность религиозного и потребительского взгляда на мир. Как пишет Б. Тернер, религия «вполне совместима с секулярным консюмеризмом, о чем свидетельствуют религиозные рынки, предлагающие в широком смысле духовные, а не только узко церковные услуги» [Тернер, 2012: 24–25]. Согласно этой логике, современный капитализм вполне способен «переварить» любые традиционалистские (как, впрочем, и революционные – вспомним коммерческий успех портретов Че Гевары) институты, «коммодифицировать» их, в итоге превратив религию в такой же предмет маркетинга, как медицина или образование [Gauthier, 2019]. Наконец, четвертая позиция состоит в том, что консюмеризм является эпифеноменальным, «надстроечным» эффектом более фундаментальных процессов социального развития и накопления общественного богатства, которые и ведут к секуляризации [Inglehart, 2021]. Например, в экономически преуспевающих обществах могут быть более интенсивны социальные изменения, более высок уровень образования и индивидуальной свободы, более низкими оказываются экзистенциальные угрозы и неопределенность, так что постепенно исчезают объективные предпосылки религиозности, такие как традиционализм, потребность в идентификации с религиозными группами, поиска утешения и т.п. Все это может вести к секуляризации независимо от культуры потребления, которая, конечно, тоже развивается по мере накопления общественного богатства, но скорее независимо от религии и существенно не влияя на нее. Четвертую гипотезу можно также рассматривать в более общей форме – как любую зависимость между религией и экономическим развитием стран, более фундаментальную, чем влияние консюмеризма, не обязательно только ведущую к секуляризации.

Нетрудно видеть, что приведенные гипотезы не являются строго взаимоисключающими. Они могут описывать процессы, которые идут как одновременно, так и последовательно, с различной интенсивностью, в различных комбинациях, связках и пропорциях. Но все же в любой конкретный момент времени может быть поставлен вопрос о том, какой из трех видов влияния общества потребления на религию (или, быть может, ни один из них, согласно четвертой гипотезе) оказывается наиболее выраженным и актуальным. Это вопрос эмпирический, и ответ на него может быть получен, в частности,

с помощью анализа статистических связей между показателями экспансии общества потребления, с одной стороны, и роли религии – с другой. Настоящая статья представляет собой попытку подобного анализа, проведенного на доступной статистике по различным странам мира. Мы рассмотрим способы измерения уровней консюмеризации и важности религии в современных обществах, статистические предсказания каждой из четырех гипотез, а затем проанализируем, насколько реальные данные соответствуют этим предсказаниям.

Измерение консюмеризации обществ. «Общество потребления» – это макросоциальная форма, имеющая множество разных определений и интерпретаций, общим знаменателем которых выступает существенно избыточное по сравнению с витальными нуждами и часто даже вытесняющее их символически мотивированное потребление. Иными словами, напитки, средства гигиены, одежда и прочие элементы материальной культуры в таком обществе производятся и покупаются не столько ради своей полезности, сколько ради символической информации – дизайна и торговых марок – которую они несут. Это происходит потому, что символическое потребление становится основой для социальной идентичности, а неравенство в нем – основой для социальной структуры. Причем символическое потребление оказывается важным не только для престижных товаров и услуг, но для любых покупок как социальных действий. Потребители товаров под брендами, позиционируемыми в качестве экономного аналога продукции разрекламированных фирм (обычно такой экономвариант – это собственные марки торговых сетей), точно так же используют это позиционирование для конструирования собственной идентичности, как и потребители люксовых брендов. Только вместо идентичности «победителя», «прожигателя жизни» и т.п., связываемой с потреблением роскоши, марки эконом-уровня позволяют выработать идентичность «рационалиста», «не страдающего зависимостью от брендов» или даже просто «бедного».

Исходя из предложенной трактовки общества потребления, степень его развития в конкретных социальных системах (которые в современном мире рассматриваются в границах суверенных национальных государств) можно измерять, прежде всего, на основе макросоциальной статистики. В частности, индекс консюмеризации обществ может быть построен как комбинация среднедушевых потребительских расходов и среднедушевого количества зарегистрированных торговых марок. Первый показатель отражает объективную возможность избыточного потребления (платежеспособный спрос), а второй – готовность рынков предоставить для этого символические ресурсы (предложение брендовой и, следовательно, рекламируемой и значимой для идентичности продукции). Эмпирически показано, что натуральный логарифм от произведения этих двух переменных обладает достаточно высокой валидностью в качестве индекса консюмеризации, а именно – приобретает высокие значения в группе стран с заведомо развитым обществом потребления и низкие – в группе стран с заведомо неразвитым, а также, в соответствии с теоретическими предсказаниями, положительно и сильно коррелирует с уровнем развития информационного общества, экономической и культурной глобализацией [Бабич и др., 2022]. Таким образом, в качестве показателя развития общества потребления мы будем использовать индекс, рассчитываемый по формуле

$$IC = \ln(T \times S),$$

где T – количество действующих зарегистрированных торговых марок на душу населения, S – потребительские расходы на душу населения, IC – индекс консюмеризации.

Количество действующих торговых марок в национальных государствах известно из статистики, публикуемой Всемирной организацией интеллектуальной собственности¹, а численность населения и среднедушевые потребительские расходы могут быть оценены по данным Всемирного банка². Наиболее полные и свежие данные по обоим

¹ URL: <https://www3.wipo.int/ipstats/index.htm> (дата обращения: 02.06.2022).

² URL: <https://databank.worldbank.org> (дата обращения: 02.06.2022).

показателям имеются для 2017 г., соответственно, уровень консюмеризации обществ мы будем устанавливать именно на этот момент времени.

Поскольку мы исходим из «экономико-центрической» модели общества потребления, может быть высказано предположение, что именно экономическое развитие – выражаемое в накопленном уровне общественного богатства – является реальным фактором, влияющим на ценностные изменения. Иными словами, в экономически развитых обществах наблюдаются такие процессы, как секуляризация и консюмеризация, идущие параллельно и происходящие из одного источника, но не связанные между собой непосредственно, – в этом суть четвертой гипотезы, которая предсказывает, что наблюдаемые корреляции между экспансией общества потребления и состоянием религии будут ложными. Чтобы исключить эту возможность, в качестве контрольной переменной будем рассматривать наиболее универсальный показатель общественного богатства – уровень ВВП на душу населения (эти данные также доступны через Всемирный банк). Конечно, помимо ВВП, в качестве альтернативной объясняющей переменной могут выступать и другие показатели, например, такие как уровень неравенства. В частности, З. Бауман привлекает особое внимание к тезису папы Франциска о том, что «необузданное потребительство в сочетании с неравенством оказывается вдвойне разрушительным для социальной ткани» [Bauman et al., 2016: 43]. Если это наблюдение справедливо, то показатели дифференциации доходов (в частности, индекс Джини) также могут играть важную роль в трансформации морального и религиозного ландшафта обществ. Но с точки зрения экономико-центрической модели консюмеризма все эти процессы являются производными от накопления общественного богатства, поэтому их включение в анализ должно производиться во вторую очередь – после проверки основных выдвинутых в рамках модели гипотез.

Измерение религиозной ориентации обществ. Измерение динамики религиозности можно осуществить многими способами, но фундаментальное различие между ними проходит по оси микро- и макросоциальных феноменов. С одной стороны, интерес представляет прямая фиксация религиозности индивидов, которая предпринимается, например, в репрезентативных опросах. С другой – можно вести разговор об уровне встраивания религии в социальные системы, о проникновении религиозных идей, норм и ценностей в другие социальные институты. Мы рассмотрим оба направления измерения – и религиозности отдельных членов обществ, и обществ как таковых, с целью поиска наиболее удобных индикаторов в каждом из них.

Индивидуальная религиозность может фиксироваться по данным опросов или иных методов (например, наблюдения за посещением религиозных собраний) с помощью многих способов – прямых анкетных вопросов, индексов и вычисляемых латентных переменных и т.п. [Пруцкова, 2012]. При этом наименее проблематичными с точки зрения концептуализации, интерпретации, а главное – кросс-культурных и кросс-религиозных контекстов, остаются прямые вопросы о религиозности с одномерной шкалой [Бабич и др., 2013]. Они, как правило, обладают очевидной (или так называемой «лицевой») валидностью, то есть прямым, видимым для любого члена соответствующего языкового сообщества отношением между эмпирическим индикатором и латентной переменной, и с ними не возникает типичных для многомерных шкал проблем с взвешиванием и суммированием разных компонентов религиозности.

Примером одномерной шкалы, прошедшей многолетнюю кросс-культурную апробацию, вероятно, самую широкую в мире, является такой простой индикатор, как вопрос о важности религии в жизни респондента, используемый во Всемирном исследовании ценностей. Помимо простоты и «прозрачности» использования, он характеризуется еще одним важным достоинством. Наиболее серьезным ограничением межстранового измерения религиозности является, конечно, содержательная неоднородность религиозных верований и практик. В частности, в разных религиях и даже в рамках внутрирелигиозных школ (например, в мазахбах ислама или католических орденах) может складываться существенно разная этика потребления и экономической деятельности. Со временем содержательные расхождения между религиозными течениями часто усиливаются, а более крупные течения дробятся, что крайне усложняет религиозный ландшафт даже в рамках традиционных конфессий. Сегодня этот процесс становится еще более комплексным из-за стремительного развития технологий и обмена информацией,

из-за чего некоторые исследователи констатируют изменение фундаментальных религиозных представлений, например, в результате помещения источников зла целиком внутри общества [Wieviorka, 2012: 12], модификации предрассудков [Wieviorka, 2018] или появления квазирелигиозных убеждений [Bauman et al., 2015: 3]. Но, как обнаружили Р. Инглхарт и П. Норрис, результаты измерения по шкале важности религии в жизни оказываются сравнимы между разными культурами и религиями, а также тесно коррелируют с другими показателями религиозности [Inglehart et al., 2011: 219–226]. То есть этот вопрос, очевидно, достаточно нейтрален по отношению к содержанию религиозных верований и практик и должен примерно одинаково восприниматься католиками, православными, мусульманами, буддистами и представителями любых других конфессий. Это преимущество перед такими на первый взгляд более объективными показателями, как доля членов религиозных организаций среди населения или количество религиозных собраний на душу населения, которые сталкиваются с серьезными проблемами разного статуса религиозных организаций в странах мира (это видно на примере России, где принадлежность к РПЦ нигде не фиксируется официально) и разной роли религиозных собраний в конфессиях (так, для многих протестантских деноминаций, не признающих мистику причастия, важность собраний оказывается заведомо ниже, чем для католиков и православных).

Распределение ответов на вопрос о важности религии в жизни респондента, полученное по всем странам, в которых проводилась последняя волна Всемирного исследования ценностей (2017–2020), через интерфейс онлайн-анализа данных³ будет служить в нашей работе для измерения индивидуальной религиозности.

Уровень макросоциального проникновения религии наиболее удобно измерять на основе анализа государственной религиозной политики. Разумеется, нельзя забывать о том, что государство и общество – не тождественные явления. Тем не менее в большинстве современных стран государство так или иначе реализует «социальный заказ» и в любом случае реагирует на различные группы влияния, то есть государственная политика служит пусть и не идеальным, но отражением общественных настроений и социально-структурных сил. С другой стороны, суверенитет национальных государств, даже существующий иногда лишь формально, превращает каждое из них в своего рода отдельный длительный социальный эксперимент, в котором объектом воздействия оказываются соответствующие общества. Таким образом, государственная религиозная политика оказывается удобным измерителем макросоциальной религиозной ориентации и содержательно, и методически.

Систематические исследования религиозной политики проводятся, в частности, в рамках проекта «Религия и государство» университета им. Бар-Илана (Рамат-Ган, Израиль), который публикует базу данных, включающую индикаторы отношения государства к религии для 183 стран⁴. Основная извлеченная из нее переменная, которая характеризует интересующий нас аспект политики, – это «официальная поддержка» (official support) религии со стороны государства, принимающая значения в диапазоне от 0 (специфическая враждебность, связанная с преследованием религии) до 13 (религиозное государство, с обязательностью религии для всех жителей). Значения этой переменной получены из последней версии базы данных, содержащей анализ религиозной политики до 2014 г. включительно [Fox, 2014: 10–29]. Хотя самые свежие результаты проекта «Религия и государство» относятся к несколько более раннему периоду, чем рассчитанный нами индекс консюмеризации, можно отметить, что религиозная политика в рамках временных рядов этой базы данных является достаточно стабильной и, например, за десятилетний период (2005–2014) уровень поддержки религии государством оставался неизменным в 172 из 183 наблюдавшихся стран (то есть в 94% случаев). Таким образом, хотя данные 2014 г. могут содержать некоторые погрешности относительно состояния на год 2017, на общую

³ URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvsonline.jsp> (дата обращения: 02.06.2022).

⁴ URL: <https://www.thearda.com/ras/> (дата обращения: 02.06.2022).

структуру статистических связей эти погрешности влиять не должны, и сопоставление имеющихся рядов измерений можно признать вполне законным.

Анализ данных. Показатели, обсуждавшиеся в двух предыдущих разделах, приведены в таблице 1, которая позволяет произвести расчет нужных нам взаимосвязей. Представлены 54 государства, для которых имеются данные каждого ряда – индекса консюмеризации, индивидуальной и макросоциальной религиозной ориентации. Конечно, эта выборка стран не является полной, но она ограничивается, главным образом, наличием информации о сопоставимых репрезентативных опросах населения. Таким образом, она представляется наилучшим из возможных сегодня полных срезов исследуемых процессов. Кроме того, 54 наблюдения достаточны для получения статистически значимых коэффициентов корреляции. Их величина (по модулю) при этом может содержательно интерпретироваться следующим образом: менее 0,1 – как несущественная связь, в диапазоне от 0,1 до 0,3 как слабая, от 0,3 до 0,5 – средняя и более 0,5 – сильная связь [Cohen, 1988: 79–80].

Прежде чем приступить к анализу, рассмотрим те статистические следствия, которые вытекают из интересующих нас гипотез. Отрицательная линейная связь между религией и консюмеризмом, очевидно, должна свидетельствовать в пользу гипотезы секуляризации, так как две этих ориентации представляют собой ценностную противоположность. Если же религия

Таблица 1

Сопоставление показателей религиозной ориентации и консюмеризации

Страны	Индекс консюмеризации, 2017	ВВП на душу населения (в постоянных долларах США 2010 г.), 2017	Доля населения, в жизни которого религия очень важна, волна 2017–2020 гг.	Официальная поддержка религии государством, 2014
Австралия	6,7	56 095,19	13,8	4
Австрия	5,67	49 112,73	13,9	7
Аргентина	4,92	10 404,26	24,3	9
Бангладеш	–1,83	1 127,27	94,2	10
Беларусь	4,05	6 375,29	19,7	8
Болгария	3,68	8 350,66	21,9	9
Боливия	1,97	2 490,96	58,4	8
Босния и Герцеговина	3,11	5 772,85	39,8	7
Бразилия	3,55	11 021,72	45,1	5
Великобритания	5,62	43 010,71	15,8	10
Венгрия	3,82	15 809,77	16,1	7
Вьетнам	1,1	1 852,96	12,2	1
Гватемала	3,36	3 286,74	51,5	9
Германия	5,65	46 916,82	13,5	6
Грузия	4,02	4 512,76	69,6	9
Дания	6,04	62 733,02	5,7	11
Иран	1,76	6 948,7	70,5	12
Исландия	8,47	51 045,94	13,2	10
Испания	5,71	32 282,9	17,2	8
Италия	5,1	35 086,48	24,9	8

Окончание таблицы 1

Страны	Индекс консюмеризации, 2017	ВВП на душу населения (в постоянных долларах США 2010 г.), 2017	Доля населения, в жизни которого религия очень важна, волна 2017–2020 гг.	Официальная поддержка религии государством, 2014
Казахстан	2,52	10867,74	28,7	6
Канада	6,15	51 170,48	15,5	4
Кипр	6,77	30 650,24	50,5	8
Китай	3,45	7 346,61	3,3	1
Колумбия	3,46	7 622,28	58,4	8
Кыргызстан	0,42	1 072,49	56	1
Литва	4,96	16 855,42	12,2	7
Малайзия	4,21	11 728,98	72,4	12
Марокко	1,82	3 305,42	89	11
Мексика	4,05	10 301,36	50,5	3
Монголия	2,27	3 997,49	8,8	8
Новая Зеландия	7,02	37 725,12	13,6	5
Норвегия	7,42	91 549,04	11,2	10
Пакистан	-0,45	1 155,36	89,6	12
Перу	3,73	6 314,29	44,6	9
Польша	4,05	15 845,25	37,3	8
Португалия	5,73	23 380,69	20,1	8
Российская Федерация	3,19	11 550,53	17,4	8
Сербия	2,93	6 560,32	25,2	8
Сингапур	7	57 378,86	34	4
Словакия	4,52	19 829,82	24,4	8
США	5,52	53 382,76	37,1	4
Таиланд	2,91	6 135,47	41,5	8
Турция	4,65	14 874,78	60	8
Украина	2,19	2 988,5	19,5	4
Финляндия	6,15	48 086,67	11	10
Франция	5,68	43 015,21	14,3	3
Хорватия	4,1	15 350,44	20,6	8
Чехия	4,85	22 754,75	8,3	7
Чили	5,21	14 741,19	20,7	9
Швейцария	7,06	77 684,05	11,5	7
Швеция	5,84	57 467,25	9,5	6
Эстония	6,05	19 109,31	6,5	6
Япония	5,99	48 510,61	4,6	4

может эффективно ассимилироваться обществом потребления и превращаться в такой же продукт массовой культуры, как, допустим, кинематограф, то мы сможем наблюдать линейную положительную связь. Это будет свидетельством в пользу активного процесса коммодификации. Если справедлива гипотеза радикализации, которая предсказывает высокие уровни значимости религии в обществах, не затронутых культурой потребления и сильно продвинувшихся в ней, то мы можем наблюдать U-образную зависимость на диаграмме рассеяния (линейные коэффициенты корреляции при этом должны оказаться низкими). Наконец, для всех обнаруженных связей должно выполняться условие независимости их существования от показателя ВВП на душу населения. Иными словами, мы должны показать, что наблюдаемые связи порождаются именно потребительским аспектом современных обществ, а не просто их уровнем богатства. Если же будет доказано обратное (то есть преобладающее влияние ВВП), то подкрепление получит четвертая гипотеза.

Основным инструментом для обнаружения интересующих нас взаимосвязей логично выбрать коэффициент корреляции Пирсона, который позволяет выявлять линейные зависимости между переменными достаточно высокого уровня измерения. Кроме того, для коэффициента Пирсона легко рассчитать частную корреляцию, позволяющую проверить четвертую гипотезу о ложности статистической связи между консюмеризацией и религией. Однако один из используемых показателей – официальная поддержка религии – может рассматриваться как скорее порядковый, чем метрический, поэтому для его анализа необходимо дополнительно применять ранговые критерии, такие как коэффициент корреляции Спирмена.

В таблице 2 приведены результаты расчетов коэффициента корреляции Пирсона между интересующими нас переменными. Здесь и далее двумя звездочками отмечены величины, значимые на уровне 0,01, остальные величины статистически незначимы. Из таблицы видно, что индекс консюмеризации действительно сильно и отрицательно связан с индивидуальной религиозностью. Общественное богатство, выражаемое в ВВП, связано несколько слабее – коэффициент находится на границе сильной и средней связи, при том, что индекс консюмеризации, разумеется, сильно зависит от ВВП. Все это свидетельствует в пользу гипотезы секуляризации и опровергает гипотезу коммодификации. Однако линейного влияния на официальную поддержку религии государством не наблюдается ни для ВВП, ни для индекса консюмеризации.

Официальная поддержка религии государством не образует статистически значимой связи ни с уровнем консюмеризации, ни с ВВП не только при расчете коэффициента Пирсона, но также и при использовании коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Таким образом, отсутствие связи здесь не является следствием порядкового уровня измерения. Можно было бы предположить, что сама по себе переменная в том виде, в котором она представлена в базе «Религия и государство», не является валидным показателем, однако это не подтверждается существованием положительной статистически значимой

Таблица 2

Парные коэффициенты корреляции Пирсона

Показатели	Индекс консюмеризации	ВВП на душу населения	Доля населения, в жизни которого религия очень важна	Официальная поддержка религии государством
Индекс консюмеризации	1,00	0,79**	-0,61**	-0,07
ВВП на душу населения	0,79**	1,00	-0,51**	-0,07
Доля населения, в жизни которого религия очень важна	-0,61**	-0,51**	1,00	0,37**
Официальная поддержка религии государством	-0,07	-0,07	0,37**	1,00

связи (коэффициент Пирсона достигает 0,37) между официальной поддержкой и индивидуальной религиозностью.

Объяснение отсутствию корреляции между экономическими факторами и макросоциальной религиозной ориентацией может быть найдено в таблице 1, в которой мы видим, что высокий уровень официальной поддержки религии государством существует и для таких стран, как Бангладеш, с крайне низким коэффициентом коньюмеризации и одним из самых низких ВВП, и для Великобритании. И если, с одной стороны, религиозная ситуация в Бангладеш и Великобритании имеет качественно разный характер, то с другой – нельзя отрицать того, что известная связь англиканской церкви с английской монархией позволяет говорить о весьма высоком уровне официальной поддержки религии. В этом обстоятельстве может отражаться проблематичность одномерного измерения макросоциальной религиозной ориентации. Но, быть может, Бангладеш и Великобритания находятся на вершинах той самой U-образной зависимости, которую предсказывает гипотеза радикализации? Увы, визуальный анализ диаграмм рассеяния (рис. 1 и 2) показывает, что распределения соответствующих переменных образуют более или менее хаотические облака. Таким образом, гипотеза радикализации должна быть отклонена, хотя, конечно, лишь в том смысле, что предсказываемый ею процесс не наблюдается в конкретном срезе данных.

Итак, по результатам предпринятого анализа гипотезы радикализации и коммодификации можно признать неподтвержденными. Гипотеза же секуляризации получила существенное подтверждение, хотя только для индивидуальной религиозности. Однако остается вопрос о том, что же является причиной секуляризации – просто экономическое развитие или именно расширение возможностей потребления. Для ответа на этот вопрос необходимо рассчитать частные коэффициенты корреляции, показывающие взаимосвязь между двумя переменными при фиксированной третьей.

Частные корреляции (табл. 3 и 4) показывают, что при исключении влияния фактора общественного богатства отрицательная связь между индексом коньюмеризации и индивидуальной религиозностью сохраняется, хотя и ослабевает до среднего уровня. И наоборот, когда зафиксированы значения индекса коньюмеризации, достигнутый в стране уровень ВВП на душу населения не оказывает статистически значимого влияния на религиозность.

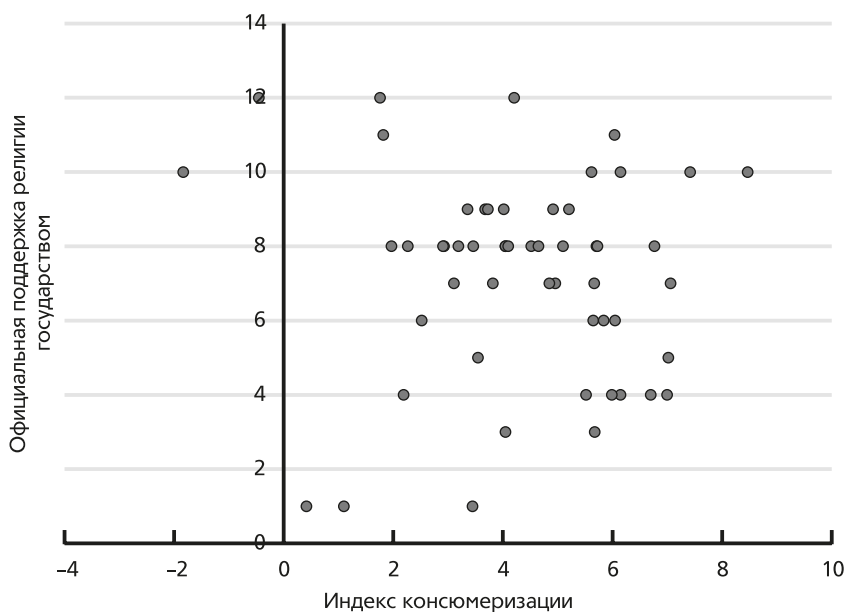

Рис. 1. Диаграмма рассеяния официальной поддержки религии в зависимости от индекса коньюмеризации

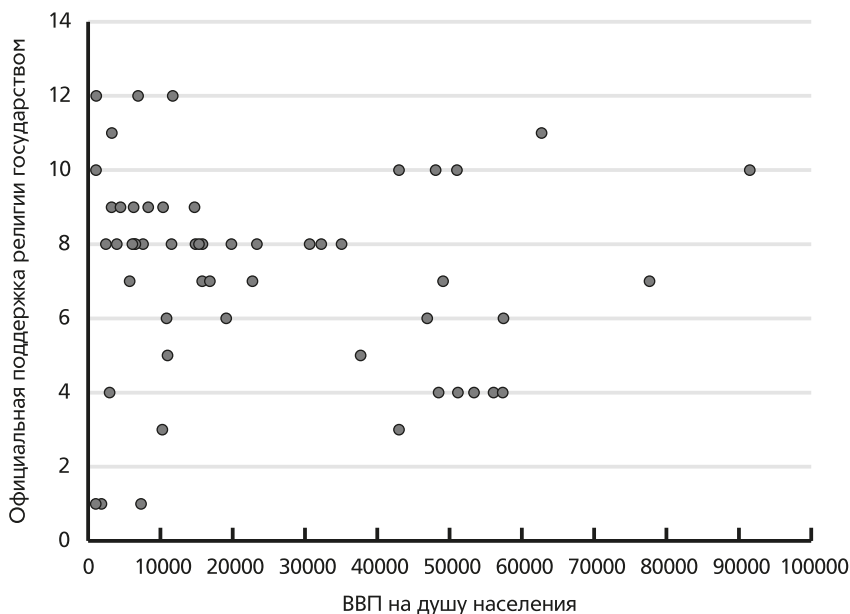

Рис. 2. Диаграмма рассеяния официальной поддержки религии в зависимости от ВВП на душу населения

Таблица 3

Частные коэффициенты корреляции Пирсона при исключенном влиянии уровня ВВП на душу населения

Показатели	Индекс коньюмеризации	Доля населения, в жизни которого религия очень важна	Официальная поддержка религии государством
Индекс коньюмеризации	1,00	-0,40**	-0,01
Доля населения, в жизни которого религия очень важна	-0,40**	1,00	0,39**
Официальная поддержка религии государством	-0,01	0,39**	1,00

Таблица 4

Частные коэффициенты корреляции Пирсона при исключенном влиянии уровня коньюмеризации

Показатели	ВВП на душу населения	Доля населения, в жизни которого религия очень важна	Официальная поддержка религии государством
ВВП на душу населения	1,00	-0,05	-0,03
Доля населения, в жизни которого религия очень важна	-0,05	1,00	0,42**
Официальная поддержка религии государством	-0,03	0,42**	1,00

Таким образом, четвертая гипотеза также может быть отклонена как не имеющая оснований в проанализированных нами данных. По-видимому, не само по себе экономическое развитие, а именно возникающее вследствие его расширение возможностей потребления ведет к эрозии индивидуальной религиозности, либо наоборот, сокращение индивидуальной религиозности способствует росту консюмеризма. Макросоциальные же религиозные ориентации подчиняются несколько иной логике и, возможно, в силу консерватизма государственных институтов, не реагируют непосредственно на экспансию общества потребления.

Заключение. Из четырех рассмотренных гипотез о взаимосвязи между консюмеризацией общества и эволюцией религии одна может быть признана по крайней мере частично подтвержденной. Расширение пространства возможностей потребления связано с существенным сокращением уровня индивидуальной религиозности в межстрановом контексте. То есть консюмеризация общества (причем именно она, а не само по себе экономическое развитие) ведет к секуляризации, либо же секуляризация способствует развитию общества потребления (корреляционный анализ не позволяет делать окончательных выводов о направлении причинно-следственной связи). Правда, аналогичного эффекта не наблюдается для официальной позиции государства в отношении религии, что, возможно, объясняется естественным для государственных институтов консерватизмом. В таком случае секуляризация государства должна просто следовать с некоторым временным отрывом за секуляризацией общества, и это следование может быть обнаружено в будущем.

Общая схема взаимосвязей, которая может быть построена по полученным нами результатам, в рамках экономико-центрической модели выглядит как последовательность следующих попарно коррелирующих переменных: общественное богатство → консюмеризация → индивидуальная религиозность → официальная поддержка религии государством. К сожалению, на данном этапе нельзя сказать, отражает ли эта схема иерархию причинно-следственных связей, так как она базируется на определенных модельных предположениях о природе общества потребления. Сами эти предположения могут быть подвержены не только теоретической критике, но и историческим изменениям. Так, новые тенденции потребления со временем могут просто вытеснить консюмеризм из числа актуальных ориентаций социальных систем. Более того, как отмечает М. Кастельс с соавторами, даже современная экономика во многом основана на циркуляции творческих практик, не следующих консюмеристской идеологии [Castells, 2017: 180]. Однако эмпирически обнаруженная нами схема взаимодействия консюмеризации и религиозности открыта для дополнения другими переменными в дальнейших исследованиях, по мере расширения и усложнения модельных предположений, в том числе обогащения экономико-центрической модели показателями культурных ориентаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Бабич Н.С., Батыков И.В. Индекс развития общества потребления: теоретическое обоснование и первичная валидизация показателя // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. № 1. С. 84–96. [Babich N.S., Batykov I.V. (2022) Index of the consumer society development: Theoretical basis and primary validation. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya* [RUDN Journal of sociology]. No. 1: 84–96. (In Russ.)] DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-84-96.
- Бабич Н.С., Хоменко В.И. Логические и практические трудности многомерного подхода к измерению религиозности // Социологический журнал. 2013. № 2. С. 89–96. [Babich N.S., Khomenko V.I. (2013) Logical and practical difficulties of multidimensional measurement of religiosity. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological journal]. No. 2: 89–96. (In Russ.)] DOI: 10.19181/socjour.2013.2.384.
- Бергер П.Л. Священная завеса: элементы социологической теории религии. М.: НЛО, 2019. [Berger P.L. (2019) *Sacred Canopy: Elements of the Sociological Theory of Religion*. Moscow: NLO. (In Russ.)]
- Пруцкова Е. Операционализация понятия «религиозность» в эмпирических исследованиях // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 268–293. [Prutskova E. (2012) The concept of religiosity: operationalization in empirical research. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide]. No. 2: 268–293. (In Russ.)]

- Тернер Б. Религия в постсекулярном обществе // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 24–25. [Turner B. (2012) Religion in a post-secular society. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide]. No. 2: 24–25. (In Russ.)]
- Bauman Z., Donskis L. (2016) *Liquid evil: living with TINA*. Cambridge: Polity.
- Bauman Z., Obirek S. (2015) *Of God and Man*. Cambridge: Polity.
- Castells M., Hlebig S. Alternative Economic Practices in Barcelona: Surviving the Crisis, Reinventing Life. In: *Another Economy is Possible*. Ed. by M. Castells. Cambridge: Polity: 160–186.
- Cohen J. (1988) *Statistical power analysis for the behavioral sciences*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum.
- Fox J. (2019) A world survey of secular-religious competition: state religious policy from 1990 to 2014. *Religion, State & Society*. Vol. 47(1): 10–29. DOI: 10.1080/09637494.2018.1532750.
- Gauthier F. (2019) *Religion, modernity, globalisation: Nation-state to market*. London: Routledge.
- Hirschle J. (2014) Consumption as a source of social change. *Social Forces*. Vol. 92. No. 4: 1405–1433. DOI: 10.1093/sf/sou001.
- Inglehart R.F. (2021) *Religion's sudden decline: what's causing it, and what comes next?* Oxford: Oxford University Press.
- Inglehart R., Norris P. (2011) *Sacred and Secular. Religion and Politics Worldwide*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Possamai A. (2014) *Sociology of religion for generations X and Y*. London: Routledge.
- Strulik H. (2016) Secularization and Long-Run Economic Growth. *Economic Inquiry*. Vol. 54. No. 1: 177–200. DOI: 10.1111/ecin.12242.
- Wieviorka M. (2012) *Evil*. Cambridge: Polity.
- Wieviorka M. (2018) Europe facing evil: Xenophobia, racism, anti-semitism and terrorism. In: *Europe's crises*. Ed. by M. Castells. Cambridge: Polity: 205–223.

Статья поступила: 28.03.22. Финальная версия: 29.05.22. Принята к публикации: 23.06.22.

CONSUMER SOCIETY: CASE OF MODELING RELATIONSHIPS BETWEEN CONSUMERISM AND RELIGIOUSNESS

BABICH N.S.*, BATYKOV I.V.**

*RUDN University of Russia, Russia; **Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Nicolay S. BABICH, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Department of Sociology of the RUDN University of Russia; Senior Research Fellow (sociolog@mail.ru); Ivan V. BATYKOV, Cand. Sci. (Sociol.), Head of the laboratory (ivbatykov@socexpertiza.ru). Both – Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Abstract. This article is an attempt to establish the empirical validity of hypotheses describing the relationship between the evolution of consumer society and religion. Four hypotheses are considered: “secularization” (religion declines with the growing consumerization of societies), “radicalization” (the importance of religion rises in the face of the hostile values of rampant consumption), “commodification” (religion is assimilated by the consumer society as an area of spiritual services) and “the third variable” (religion is associated not with the development of consumption, but with economic development as such). Based on the available statistics for various countries of the world, ways to measure the levels of consumerization and the importance of religion in modern societies are sequentially considered, as well as statistical predictions of each of the four hypotheses. By analyzing the correlations between the consumerization index and the level of GDP, on the one hand, and individual religiosity and state support for religion, on the other hand, we checked whether the real data corresponded to those predictions. Based on the results of the analysis, it can be concluded that the expansion of the space of consumption opportunities is associated with a decrease in the level of individual religiosity in the cross-country context. That is, the first hypothesis is confirmed – about the connection between secularization and consumerization.

Keywords: consumer society, consumerization, public wealth, religion, religiosity, secularization, radicalization, religion and state, cross-country comparisons.

Received: 28.03.22. Final version: 29.05.22. Accepted: 23.06.22.

Е.А. ОСТРОВСКАЯ, Т.Б. БАДМАЦЫРЕНОВ

СТРАТЕГИИ БУДДИЙСКИХ СООБЩЕСТВ В НОВЫХ МЕДИА

ОСТРОВСКАЯ Елена Александровна – доктор социологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, профессор кафедры теории и истории социологии, Санкт-Петербург, Россия (e.ostrovskaya@spbu.ru); БАДМАЦЫРЕНОВ Тимур Баторович – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой политологии и социологии Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, Улан-Удэ, Россия (batorovitch@mail.ru).

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению динамики цифровизации общин различных направлений российского буддизма и созданных ими стратегий выстраивания отношений с Интернетом и новыми медиа. В качестве методологической рамки авторы избрали подход «социорелигиозного форматирования технологий» Хайди Кэмпбелл, который позволяет выявить соответствие между историей, традицией, верованиями религиозного сообщества и выбираемыми им стратегиями использования медиатеchnологий для конструирования собственных идентичности, авторитета и границ. Опираясь на материалы интервью и данные анализа онлайн-текстов, авторы анализируют корреляции между социокультурным закреплением конкретных направлений российского буддизма и формированием медианиш русскоязычного буддизма.

Ключевые слова: цифровой буддизм • Карма-Кагью • Дзогчен • Буддийский форум • новые медиа

DOI: 10.31857/S013216250019277-7

Введение. В русскоязычном Интернете буддизм представлен широким разнообразием сайтов дацанов, хурээ и хурулов, общин и организаций различных буддийских направлений, пабликами и блогами в социальных сетях. Однако все эти формы цифровой презентации буддизма довольно слабо изучены в социологии и религиоведении. В истекшее десятилетие появились статьи, посвященные рассмотрению общих характеристик буддийской части русскоязычного сегмента Интернета [Дондуков, Дондукова, 2017], российских буддийских сайтов и электронных ресурсов [Актамов и др., 2015], некоторых буддийских сообществ социальной сети ВКонтакте [Актамов и др., 2018]. Однако анализ этих немногочисленных статей показывает, что авторы не задаются вопросом о соотносительности онлайн- и офлайн-деятельности буддийских общин. Более того, в некоторых публикациях выдвигаются тезисы, слабо подкрепленные эмпирическими данными об «информационном противостоянии между традиционными буддистами и буддийскими неофитами» [Доржигушаева, Дондуков, 2016: 113]. Вне фокуса внимания остается также изучение динамики цифровизации российского буддизма.

В настоящей статье мы сосредоточились на освещении результатов нашего долгосрочного исследования (2019–2022), нацеленного на выявление связи и взаимовлияния офлайн- и онлайн-реальностей российского буддизма. Ключевыми стали следующие вопросы: как в действительности соотносятся буддийские веб-сайты и сообщества в социальных сетях с офлайн-общинами российских буддистов? Какова динамика формирования медиапрактик конкретных буддийских сообществ? Как мировоззренческая специфика конкретных буддийских организаций и общин формирует их стратегии выстраивания отношений с интернетом и новыми технологиями?

Методы и методология исследования. В своей методологической части наше исследование опиралось на подход «социорелигиозного форматирования технологий» Хайди Кэмпбелл. Данный подход разрабатывался именно в целях выявления корреляций между

историей, традицией, верованиями религиозного сообщества и выбираемыми сообществами стратегиями использования технологий для онлайн-форматирования собственных идентичности, авторитета и границ. Предложенная Х. Кэмпбелл аналитическая рамка подразумевает изучение четырех компонентов: истории и традиции использования медиа религиозными сообществами; ключевых религиозных доктрин и паттернов, которые влияют на выстраивание отношений с медиа; форматов использования новых медиа религиозным сообществом; общинный дискурс о новых медиатехнологиях [Campbell, 2010; Кэмпбелл, 2020: 153–155].

Эмпирическая часть исследования включила две стадии и проводилась с января 2019 г. по февраль 2022 г. На первой стадии мы использовали количественные программные методы сбора данных социальных сетей – специально разработанного программного обеспечения кроулера-сборщика данных и методов математического моделирования. В результате построена графовая модель, выявлены и описаны кластеры буддийских онлайн-сообществ в социальной сети ВКонтакте. Картография буддийской ниши ВКонтакте позволила выделить три группы онлайн-сообществ с большим количеством подписчиков и регулярной активностью. Первая из них – это существующие лишь виртуально квази-буддийские аккаунты. Вторая – сообщества и паблики, презентующие региональные гелугпинские дацаны, хурээ и хурулы Бурятии, Калмыкии и Тувы. Третья – буддисты-миряне различных буддийских направлений, часть из которых – это онлайн-репрезенты зарегистрированных офлайн-объединений, а часть – цифровые сообщества практикующих буддистов конкретного направления [Ostrovskaya et al., 2021].

Анализ кластеров цифровых репрезентов офлайн-направлений российского буддизма показал, что преобладающими являются бурятская, калмыцкая и тувинская ветки тибетской школы гелугпа, российская Ассоциация общин организации Карма-Кагью, российская часть Международной Дзогчен-общины и русскоязычная Тхеравада. Цифровая инфраструктура и медиакommunikации этих направлений русскоязычного буддизма практически не изучены. В силу этого нами принято решение о комбинации методов кейс-стади, биографического нарративного и экспертного интервью. Выборку мы выстраивали в соответствии со следующими критериями: участие в создании общины; продуктивная цифровая активность не менее пяти лет; отчетливый профиль онлайн-активности (ведение аккаунта от лица организации или общины, создание сайта или блога). Всего проведено 30 интервью. Всем респондентам был предложен один и тот же список вопросов, включавший два тематических блока – биографический и о репертуаре и целевом использовании медиа буддийским сообществом конкретного направления.

На второй стадии нашего исследования мы сфокусировались на изучении стратегий выстраивания отношений с Интернетом и медиатехнологиями представителей бурятского буддизма, русскоязычного звена Международной Дзогчен-общины, представителей общин русскоязычной Тхеравады и Российской Ассоциации Алмазного пути Карма-Кагью. Как показало наше исследование, цифровые стратегии мирских общин Гелуг и общин других направлений российского буддизма формировались вне связи с этническими буддийскими регионами.

В данной статье мы сосредоточились на анализе кейсов цифровых стратегий наиболее многочисленных и активных в социальных сетях сообществ Гелуг, Дзогчен, Карма-Кагью и Тхеравады. И здесь мы пошли по пути реконструкции динамики цифровизации и выстраивания стратегий отношений с Интернетом и медиа каждого из направлений. Благодаря проведенным биографическим, экспертным интервью с создателями интернет-ресурсов общин и организаций, выбранных для изучения, нам удалось выявить и проанализировать собственный долгосрочный дискурс о медиа, который образовался в каждой из них.

Этапы цифровизации русскоязычного буддизма: от эхоконференций и бумажных медиа к форумам и сайтам. Понимание специфики медиавовлеченности современных российских буддистов напрямую связано с особенностями развития среды российского буддизма. Буддизм в России исторически был распространен преимущественно в Бурятии, Калмыкии и Туве. В советское время имперская модель организации последователей

буддизма в регионах была разрушена – духовенство репрессировано, монастыри уничтожены, а социализация мирян проходила в условиях идеологии атеизма. В 1946 г. была создана новая организационная структура, Центральное духовное управление буддистами (ЦДУБ) с Бандидо Хамбо-ламой во главе, которая формально представляла всех буддистов Советского Союза. Фактически она существовала на территории Бурятии, где было разрешено открыть два монастыря – Агинский и Иволгинский [Ванчикова, 2012: 130]. Немногочисленное буддийское духовенство, сумевшее выжить в репрессиях, возвращалось в эти храмы либо переходило к мирской жизни. В данном контексте принципиально подчеркнуть, что именно в обозначенных дацанах появляются буддийские наставники, лояльные иноэтнической конверсии в буддизм.

Постепенно в течение 1960–1970-х гг. сложилась новая модель воспроизведения буддизма, допускавшая включение мирских последователей, проживавших за пределами Бурятии и имевших иную национальность. В этот период в крупных городах СССР возникает так называемый подпольный буддизм, распространившийся преимущественно в среде востоковедных и философских факультетов и исследовательских институтов. Создателями и руководителями групп подпольных буддистов становились выходцы из разных советских республик. В поисках буддийского наставника они отправлялись в Бурятию, подолгу жили при дацанах, изучая буддизм у бывших лам. Буддийская подпольная среда хотя и была немногочисленной, но в ней выделились две автономные ветки последователей. Одни, получившие инициацию от лам бурятских дацанов, были ориентированы на переводы тибетских текстов на русский язык и налаживание контактов с западными буддистами и тибетской диаспорой в Индии. Другие стали последователями бурятского буддийского наставника Бидии Дандарона, учительская традиция которого ближе к Дзогчену, нежели к Гелуг.

В контексте анализа истории и традиции отношения к медиа принципиально важен тот факт, что первый русскоязычный буддийский журнал был создан мирским последователем Гелуг – Андреем Терентьевым. Он принадлежал среде «буддийского подполья», начавшего формироваться в конце 1970-х гг. и представлявшего собой узкие группы профессиональных буддологов и примкнувших к ним буддистов в разных частях СССР. В серии интервью YouTube-канала «Сохраним Тибет» с Андреем Терентьевым имеется часть, посвященная именно этой теме: *«Когда у нас еще в 70-х гг. был абсолютный атеизм, было очень трудно найти какую-то литературу и вообще какие-нибудь сведения о буддизме. И я налаживал контакты с "Библиотекой тибетских работ и архивов" в Дармсале. Ее директор Гьяцо Церинг иногда присылал мне какие-то книги, а я присылал ему наши публикации о буддизме. Там они знали мое имя и помогали кое в чем. Затем по другой линии случилось так, что в году, наверное, 1985, случайно, в Петербург приехал буддийский монах американский Алан Уоллес, он тогда еще был монахом. У меня в квартире собралась команда по переводу "Ламримы", [...] кто-то привел его. И он попал на семинар по Ламриму. Его это сильно впечатлило. Поскольку он понял, что у нас нет никаких контактов с буддийской общественностью и мы остро нуждаемся в Учении, посоветовал пригласить нам Александра Берзина, который тогда была одним из переводчиков Далай-ламы. И на следующий год он приехал. У нас тут были тайные, конспиративные лекции, куда мы приглашали только самых надежных буддистов, лекции – в Москве и Петербурге. Сюда приехали люди из Эстонии, Литвы, т.е. здесь собрался весь цвет подпольного буддизма и буддологии. На Алекса это произвело сильное впечатление. Берзин, он был близким человеком к Его Святейшеству Далай-ламе, и по возвращении из России подробно ему рассказывал о том, как и что здесь было. Когда началась перестройка, нам удалось отобрать у государства буддийский храм. Мы зарегистрировали для этого буддийское общество и получили буддийский храм»* (Андрей Терентьев, 2015).

В приведенной цитате отражена картина 1990-х гг., когда, наряду с восстановлением традиции Гелуг в регионах ее исторического бытования, в России появились буддийские общины мирян, организованные представителями бывшего советского буддийского

подполья. Их усилиями были созданы первые буддийские медиа тех лет – журналы «Нартанг Бюллетень» (позднее переименованный в «Буддизм России») и «Гаруда».

С 1992 по 1998 г. «Нартанг Бюллетень» существовал в форме электронного издания, получаемого по подписке, или как распечатки «электронных досок бюллетеней» (Bulletin-boardsystems). В самоописании «Нартанг Бюллетень» определялся как «единственный ежемесячный информационный обзор буддизма на территории бывшего СССР, издаваемый русским отделением издательства Нартанг Пабликейшнс при Отделе информации и международных отношений Его Святейшества Далай-ламы». Анализ публикаций первых лет показывает, что издание позиционировало себя, как связанное в своей деятельности с тибетской традицией Гелуг и ее духовным главой Его Святейшеством Далай-ламой XIV. Вместе с тем журнал изначально принял на себя миссию по освещению процессов формирования буддийской среды в России – событий в буддийских регионах, хроник регистрируемых буддийских объединений, появления буддийских медиа. С 1995 г. журнал стал выходить под названием «Буддизм России», расширив свой репертуар за пределы коротких дайджестов и хроник по буддийским общинам. В нем публиковались небольшие фрагменты переводов «Ламрима», базового текста школы Гелуг, с тибетского языка на русский язык. В течение 1990–2000-х гг. вокруг журнала и деятельности по переводу Ламрима сложилась группа буддистов-мирян из разных городов постсоветского пространства. Основными направлениями деятельности этой группы стали подготовка и публикации бумажных и оцифрованных томов русского перевода текста Ламрима, наполнение и ведение сайта журнала «Буддизм России», сотрудничество с дружественным сайтом и одноименным YouTube-каналом «Сохраним Тибет».

Издание «Гаруда» инициировано российскими последователями бурятского учителя Бидии Дандарона и позиционировалось как историко-буддологический журнал. Он выходил в течение 1992–1998 гг. как иллюстрированное религиозное медиа, посвященное публикации переводов отрывков текстов сутр, учительских текстов, биографий известных наставников. По направлению он позиционировался как представляющий русский Дзогчен, а соответственно, дружественный учению Чогьяла Намкая Норбу Ринпоче. Однако уже в период первого визита Намкая Норбу Ринпоче в Санкт-Петербург и Москву стало очевидным, что совместной общины создать невозможно.

Специфика ситуации 1990-х гг. состояла еще и в том, что традиция Гелуг утратила статус единственной школы буддизма на территории России. В короткие сроки в стране стали оформляться российские общины не только направлений тибетского буддизма, но и буддизма других стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Меж тем Бурятия, Калмыкия и Тува были сосредоточены на поисках собственных аутентичных версий традиции Гелуг, проведении жестких организационных границ, налаживании обучения буддийского духовенства, выстраивании отношений с мирскими последователями в регионах. Далеко не сразу этнические буддисты приняли новые социокультурные реалии – появление сообществ иных буддийских направлений, организованных приехавшими из-за рубежа наставниками, и общин буддистов-конвертитов.

Влиятельные буддийские зарубежные наставники и центры, особое место среди которых занимают Далай-лама XIV и тибетская диаспора, обладали высоким духовным авторитетом и выступали как значимый ресурс религиозной харизмы, практически независимый от российских общин [Бадмацыренов, Родионов, 2020: 65]. Для групп «внеэтнических» буддистов-конвертитов в крупных городах «традиционное» буддийское духовенство Бурятии, Тувы и Калмыкии часто представлялось как этнически ограниченное и не воспринималось как достаточно легитимный источник религиозного буддийского смысла и определенности [Агаджанян, 2005: 228].

В ситуации свободы религиозного выбора, открытых границ 1990-х гг. тем, кто хотел практиковать буддизм, уже не было необходимости отправляться в Бурятию или искать себе наставника в группах бывшего буддийского подполья. В России появились представители других направлений тибетского буддизма, открывавшие центры по всей стране,

не требовавшие от своих последователей принятия монашества или жизни при монастыре, предлагавшие доступный европейцу путь в Дхарму. Самыми популярными среди таких наставников стали Чогьял Намкай Норбу Ринпоче и Оле Нидал.

Намкай Норбу Ринпоче привез в Россию уже готовую модель общины с транснациональным принципом организации и электронным медиа «Зеркало». Общины, созданные усилиями Намкая Норбу в разных странах, определялись как единицы организационной структуры всемирной Дзогчен-общины. «Международная Дзогчен-община» была учреждена Намкаем Норбу в 1981 г. и первоначально зарегистрирована в Италии как «культурная ассоциация». Транснациональный способ устройства Международной Дзогчен-общины требовал для своего воплощения нестандартного управления. Этим во многом обусловлена стратегия в отношении любых технологических инноваций. В начале 1990-х гг. русскоязычным членам Дзогчен-общины была доступна англоязычная почтовая рассылка *norbunet*, а в конце 1990-х гг. организованы телефонные трансляции учений (ретритов) Намкая Норбу, проводимые по всем гарам мира одновременно.

По мнению респондентов из русскоязычного сектора Международной Дзогчен-общины, новаторская стратегия в отношении медиатехнологий была изначально напрямую связана с мировоззренческой установкой самого Чогьяла Намкая Норбу. Он «учил применять те средства и инструменты, которые соответствуют обстоятельствам времени и существующих задач» [Ostrovskaya et al., 2021]. Одной из первых Дзогчен-община стала использовать сначала Google-группу *norbunet* для быстрой связи, оповещений и решения организационных вопросов, а потом ее русскоязычный аналог Voice. В начале 2000-х гг. в транснациональном пространстве Международной Дзогчен-общины были введены онлайн-трансляции ретритов и учений на сайте *webcast.dzogchen.net*. Благодаря этому стриминговому сайту появление социальных сетей не стало вызовом для цифровой стратегии последователей Дзогчен. Запрет на онлайн-передачу тайных практик не препятствовал заведению личных аккаунтов в социальных сетях и даже блоготворчеству по темам йоги и медитации. В равной степени не ограничены дзогченовцы и в своих онлайн-контактах с буддистами любых направлений.

В период сложения среды российского буддизма Дзогчен-общины Намкая Норбу Ринпоче и общины Карма-Кагью, создаваемые по всей России и СНГ датским буддийским наставником Оле Нидалом, представлялись чем-то принципиально новым. Они не были никак связаны с традиционными буддийскими организациями Бурятии, Калмыкии и Тувы, поскольку представляли иные направления тибетского буддизма и иные организационные модели.

Начиная с 1989 г. Оле Нидал регулярно приезжал в Россию и страны СНГ, чтобы помочь своим последователям создать локальные общины международной организации Карма-Кагью. Все они функционировали по единой модели Дхарма-центров, в которых читали лекции путешествующие учителя линии Карма-Кагью, проводились регулярные коллективные медитации и ритуальные практики, имелась библиотека литературы общинного издательства. Общины Карма-Кагью стремились к получению официальной регистрации в качестве религиозных объединений и обретению публичного имиджа одной из российских конфессий. Уже в 1994 г. буддийский центр «Карма Легшей Линг» в Санкт-Петербурге стал издавать русскоязычный журнал «Мир Кагью» и основал собственное издательство «Алмазный путь» для публикации переводов книг Ламы Оле и тех тибетских учителей, тексты которых рекомендованы последователям [Островская, 2016: 79–85].

Общинные дискурсы и диверсификация цифровых стратегий. Формирование общинных дискурсов об отношении к Интернету и новым медиатехнологиям было напрямую связано с определением офлайн-границ сообществ внутри российской буддийской среды. В процессе анализа собранных интервью мы обратили внимание на высокую частоту упоминаний об участии респондентов в дискуссиях на «Буддийском форуме», созданном в 1998 г. в качестве интерактивной единицы сайта «Ассоциация "Буддизм в Интернете"». Вплоть до появления социальных сетей ВКонтакте, Facebook, Instagram Буддийский форум

являлся дискуссионной площадкой, вмещавшей медиакоммуникации последователей различных направлений российского буддизма.

Само возникновение медиапространства дискуссий о доктрине и традициях буддизма отражало российскую ситуацию конца 1990-х – начала 2000-х гг., когда происходило социокультурное оформление моделей различных направлений буддизма. Их последователи находились в тесном взаимодействии, пробовали практиковать под руководством различных наставников, обменивались литературой и переводами, совместно посещали лекции и ретриты крупных буддийских учителей, приезжавших с краткосрочными визитами из разных стран. Кроме того, к началу 2000-х гг. отчетливо оформились организационные и коммуникативные профили буддийских направлений, что нашло свое закрепление в новой для того времени медиареальности Интернета, где со второй половины 1990-х гг. один за другим возникали сайты конкретных буддийских организаций, общин, журналов и издательств.

Сайт «Ассоциация “Буддизм в Интернете”» стал первым и единственным в своем роде медиаресурсом, на котором в свободном доступе находилось все то, что прежде возможно было добыть лишь при посредстве электронных досок объявлений, внутри общинных рассылок или через сеть Fidonet. Контент сайта включал как общую информацию по истории и доктрине буддизма, так и актуальные сведения о направлениях российского буддизма, конкретных общинах в различных городах и странах, новости о новинках буддийского книжного рынка, приездах и лекциях учителей и наставников. В своем биографическом нарративе создатель сайта подчеркнул, что имел опыт глубокого знакомства с практиками и дискурсами различных буддийских общин. Этот опыт и профессиональное знание возможностей медиатехнологий мотивировали его сконструировать пространство, презентующее русскоязычный буддизм в Интернете. Принципиальной инновацией этого сайта стало открытие интерактивной площадки, названной «Буддийский форум». В интервью создатель сайта и первого буддийского форума следующим образом оценил отличие созданной им площадки от всех российских сайтов буддийских общин, существовавших на то время: «В 96–97 годах начали появляться первые буддийские сайты. У меня к этому времени был сделан сайт, посвященный местной буддийской общине “Лотос”. Мы обменивались информацией с другими владельцами интернет-ресурсов. И в какой-то момент у меня родилась идея создать сайт, объединяющий информацию по буддийскому Интернету. Так, в 98-м году был создан проект «Ассоциация “Буддизм в Интернете”», как возможность объединения буддийского интернет-пространства. Интернет только-только начал проникать в массы, а у меня была возможность в силу моей работы создать ресурс, доступный для тех, у кого был интернет. В итоге сайт стал новостным ресурсом, и я аккумулировал там информацию из других буддийских сайтов, публиковал новости из разных направлений. На сайте велся каталог буддийских ресурсов. И чуть позже была создана новостная подписка “Новости буддизма”. А через какое-то время на сайте был запущен Буддийский форум. Он был задуман как инструмент общения буддистов России. Его структура родилась быстро в первые несколько лет существования, и осталась до сих пор. Люди общались по направлениям буддизма, сравнивали идеи, школы, тексты. По статистике больше всего было представителей тибетского буддизма, так и остается и по сей день. За ними шел дзен как более известный феномен, а замыкала все это Тхеравада как путь особо интересующихся».

Углубление процесса цифровизации российского буддизма, стартовавшее с широким распространением Интернета, выражалось не только в создании собственных общинных сайтов. В российской буддийской среде созрела потребность в четком обозначении общинных границ и уточнении понятийных оснований собственных доктринальных дискурсов. «Буддийский форум» стал уникальной цифровой площадкой для подобных самоопределений в «межбуддийской» виртуальной дискуссии. Постепенно дискурс форума дифференцировался по отдельным веткам с модераторами, регулировавшими дискуссию последователей тибетского буддизма направлений Гелуг, Карма-Кагью, Дзогчен и др.,

представителей буддизма Дзен, Чань и Тхеравады. В интервью создатель «Буддийского форума» подчеркнул, что по мере диверсификации общинных дискурсов у буддистов различных направлений нарастала потребность в отделении и создании собственных медиа-площадок: «Были волны взаимодействия представителей разных направлений, которые закусочно не принимают друг друга. Мы вырабатывали принципы сосуществования в одном информационном пространстве, чтобы снизить накал страстей. Единое медийное пространство – это было замечательное время общения в одном пространстве, что-то создавалось, мы обсуждали переводы, термины и т.д. Как единое медийное пространство Форум существует много лет, несколько раз у него менялся движок. На Форуме очень строгие правила, из-за чего люди стали уходить. На мой взгляд, Форум – это площадка, на которой рождается некая полезная информация для людей. Такое было мое видение, оно не всем нравилось, и часть людей стала откалываться, уходить и создавать свои площадки. На Форуме участником может быть любой и не буддист, но надо заполнить онлайн-анкету, где есть вопрос об этом. На Форуме были последователи Оле Нидала, они так же и остались, но сделали свое. В 2000 г. Карма-кагью создали быстро свой медиаресурс и ушли в свое пространство на основе сайта buddhism.ru. В 2005 г. с администратором сайта карма кагью buddhism.ru возник конфликт. Ему удалось зарегистрировать на себя мой домен buddhist.org.ru, на котором был размещен сайт "Ассоциации" и Буддийский форум. После переписки мы достигли соглашения, что buddhist.org.ru будет ссылаться на мой новый сайт buddhist.ru. Но через какое-то время соглашение было прекращено. Это давняя, конечно, история, теперь уже не так важно».

Упомянутая в цитате курьезная ситуация с попыткой администратора сайта buddhism.ru Карма-Кагью получить авторитетный домен сайта «Ассоциации "Буддизм в Интернете"» отчетливо отражает идеологическую установку последователей Оле Нидала. С момента создания первых общин Ламы Оле в России и СНГ была принята установка на максимально широкую популяризацию буддизма направления Карма-Кагью в самых разных аудиториях. С течением времени эта установка привела к отказу от заявляемого Карма-Кагью в 1990-х гг. противопоставления своей традиции «консервативной монашеской традиции Гелуг», господствующей в Бурятии, Калмыкии и Туве. В 2000-х гг. последователи Оле Нидала начали формировать публичный имидж Карма-Кагью как одной из традиционных конфессий России. Цифровая активность общины по созданию собственного медиабренда buddhism.ru во многом направлена на широкое продвижение подобной самопрезентации. В такой перспективе в период оцифровки общинный журнал «Мир Кагью» получил новое имя «Буддизм.ру». Сайты локальных общин Карма-Кагью, пестревшие прежде разнообразием дизайна и наполнения, были обновлены с учетом введенного единообразного визуального оформления.

В экспертном интервью с членом правления Российской ассоциации буддистов Алмазного пути традиции Карма-Кагью эта унификация была объяснена стремлением очертить границы собственной медианиши, отделить доктрины и практики, принятые в Международной Ассоциации общин Карма-Кагью, от содержательного наполнения других русскоязычных интернет-ресурсов о буддизме: «С тех пор, как стали появляться большие настольные компьютеры, мы стали делать сайты центров. Первые российские сайты появились в 1996 г. Помню, что сама работала в 98-м над текстами для первых сайтов. Потом, конечно, все это начало объединяться, поскольку у нас есть централизованная и местные организации. Какое-то время было много свободы: местные организации могли действовать на своих сайтах, как хотели – и писать, и картинки. Потом мы стали приводить все это в порядок, у нас появился стиль визуальный, логотип международный. И мы стали все под этот стиль, под общие идеи. У нас такая идея – представить так, чтобы люди лучше поняли, кто мы и чем мы занимаемся. А для этого стоит публиковать то, что объясняет наш подход. Другие подходы тоже прекрасны. Раньше мы их много публиковали, чтобы может быть показать самим себе и другим, что мы не интроверты. Сейчас такой задачи уже нет, поэтому сужаем спектр тем. На нашем официальном сайте есть буддизм в целом, школа кагью, учителя, поучения, контакты и т.д. Официальные сайты стандартизированы по всему миру,

центры и местные организации подключены к этой большой шапке. У каждого центра есть своя подстраничка, но все в одном ключе сделаны. В основном белый фон, на котором обязательно логотип – красно-огненное колесо. В нем внутри буква "К" – первая буква нашего названия и имени "Кармапа", красная полоса – это вот наш всеобщий логотип. Наш логотип – красный, белый и чуть-чуть желтого – хорошо везде известен».

В интервью с членами правления российских общин Карма-Кагью, с редакторами сайта «Буддизм.ру» и его одноименного мобильного приложения подчеркивалось, что линия общин Карма-Кагью «аналоговая», т.е. передача учений, посвящений на практики и вообще любые коммуникации о буддизме школы Карма-Кагью должны проводиться только офлайн. По словам респондентов, такая установка была дана самим Оле Нидалом, запретившим своим последователям создавать в Интернете какие-либо блоги про буддизм. Более того, он настоятельно рекомендовал воздерживаться и от участия в каких-либо дискуссиях на форумах или в социальных сетях на духовные темы. Приведем здесь цитату из интервью с председателем московской общины Карма-Кагью относительно магистральной медиастратегии: «У нас есть сложившийся стиль поведения в сети. Не поощряются диспуты и дискуссии в группах, открытых и закрытых, а также в чатах в Telegram, например. Лучше прояснять вопросы лицом к лицу. Запрет на создание блогов и активностей в социальных сетях исходит от Ламы Оле. Он периодически отправляет письма по нашей внутренней сети dwbp.org по темам, которые считает актуальными. Эти письма приходят в центры, мы их переводим и отправляем в свою новостную рассылку. Сам Оле не пишет в социальных сетях. Здесь речь о том, чтобы люди не втягивались в дискуссии и не давали собственных поучений. Объем информации сейчас велик, и возникает больше запутанности. В живом аналоговом варианте мы продолжаем быть очень открытыми».

Такая установка Ламы Оле интерпретировалась нашими респондентами в интервью как вытекающая из самой сути доктрин школы Карма-Кагью, признающей только устную передачу сакрального знания «из уст в уши», от учителя к ученику. В интервью с членом правления данная тема была раскрыта следующим образом: «Понимаете, у нас школа в названии имеет слово "Кагью", что означает устная преемственность. Устная передача подразумевает личную встречу для учителя и ученика. В истории нашей мы знаем Марпу, который ходил через Гималаи, чтобы со своим учителем побыть физически рядом. И сейчас, когда начался ковид, лама Оле получил много вопросов, а можно ли читать лекции онлайн, а можно ли то онлайн, сё онлайн. Он сразу же ответил, что мы никогда не будем менять свой основной подход – для того, чтобы получить практику, нужно лично встретиться с человеком. При личной встрече передается не только информация, но и определенное благословение и опыт конкретного человека по практике. Лама Оле сказал, что он будет регулярно читать нам лекции по стримингу, трансляции через Интернет даже о Махамудре, о Высшем. У нас специально сделанная для этого международная сеть наша. Есть местная, есть центральная в России, а есть международная. Есть серверы, которые транслируют стриминг. Он появился в 2001–2002 году для людей, которые хотели смотреть издалека. Раньше это было как бонус, а теперь стало основным способом послушать Оле. Он разрешил это только на период пандемии ковида, когда нет возможности с ним лично встретиться. Оле еще медитации проводит онлайн. Вообще говоря, мы нацелены на то, что это полностью прекратится. То есть стриминги останутся, но практики и все, что требует личного присутствия, будут только лично. Мы консерваторы! Пока мы живы, не будет перехода практик в онлайн».

Как явствует из интервью, транслोकальные религиозные медиапрактики в стриминге относятся уже к периоду 2019–2021 гг. и рассматриваются как противоречащие стратегии ограничения религиозных коммуникаций форматом офлайн-взаимодействия лицом к лицу. И здесь мы вплотную соприкасаемся с современной ситуацией разнообразия общинных курсов об Интернете и новых медиа в различных направлениях русскоязычного буддизма.

Цифровая стратегия общин Карма-Кагью линии Оле Нидала выстраивается в соответствии с различием способов самопрезентаций в публичном офлайн-пространстве

и в пространстве медиа. В своей офлайн-активности представители общин Карма-Кагью стремятся максимально расширять свою аудиторию – читать лекции и проводить семинары о буддизме в вузах, организовывать крупные конференции с приглашением известных ученых и представителей разных конфессий, выступать в прессе и на телевидении. В своих медиакоммуникациях они придерживаются стратегии четкого размежевания с другими направлениями российского буддизма и сужения аудитории до последователей Оле Нидала.

Медианиша Карма-Кагью состоит из открытых и закрытых форматов коммуникаций. В русскоязычном секторе Интернета в свободном доступе имеются сайт, мобильное приложение и сайт журнала, объединенные логотипом и визуальным оформлением. Они презентуют бренд Международной Ассоциации общин Карма-Кагью и предназначены, согласно интервью, для новичков, муниципальных и государственных чиновников, постоянных членов локальных общин. Медиакоммуникации о буддийской доктрине и практике последователей Оле Нидала ограничены закрытым стриминговым сайтом dwbp.org, требующим регистрации с предъявлением доказательств посвящения, полученного лично от Ламы Оле.

Заключение. Проведенное исследование показало, что в динамике цифровизации российского буддизма обнаруживается три основных этапа – создание медиа по аналогии с теми, которые уже были сделаны в зарубежных общинах сходного направления (газеты, журналы, сетевые интернет-подключения); возникновение общих дискуссионных площадок (Буддийский форум) и создание общинных сайтов; создание собственных внутриобщинных стриминговых сайтов, аккаунты в социальных сетях, медиабрендирование общин конкретного направления. Эта динамика по-разному представлена в каждом из направлений российского буддизма.

Стратегии отношений с Интернетом и новыми медиатехнологиями различных буддийских общин, их дискурсы о буддизме и медиа выстраивались отнюдь не в связи с появлением интернета или созданием новых медиа. Мы полагаем, что новые медиатехнологии позволили отстроить и закрепить структуру взаимодействий внутри и вне общины в соответствии с особенностями социокультурного закрепления практик того или иного направления на российской почве. Так, Буддийский форум, задуманный изначально как цифровая площадка для взаимодействий русскоязычных буддистов, послужил дифференциации позиции общин разных направлений по вопросам доктрины и практик буддизма. Фреймом для выстраивания стратегий в отношении Интернета и новых медиа являлась внутриобщинная религиозная регламентация коммуникаций о доктрине и практиках. Например, в учительских традициях Международной Дзогчен-общины и общин Карма-Кагью Оле Нидала коммуникации об учении и практиках ограничены внутренними закрытыми медиа. В открытом доступе каждое из этих направлений располагает русскоязычным сайтом и цифровым СМИ. Этим сходство стратегий исчерпывается. Уникальность цифровой стратегии Международной Дзогчен общины состоит в принятии современности и высокой чувствительности к изменяющимся ее условиям. Это нашло свое отражение в создании общинными цифровыми новаторами собственных общинных медиа, опосредующих транслокальные коммуникации ее членов в разных частях мира и позволяющих синхронизировать религиозную практику локальных общин. Совершенно иначе выстраивается стратегия Международной Ассоциации общин Карма-Кагью и ее русского сектора. Технологические инновации современности трактуются здесь как угроза для традиции устной учительской передачи сакрального знания от учителя к ученику. Сам Оле Нидал и администрация общин рекомендуют последователям Карма-Кагью воздерживаться от медиакоммуникаций о буддизме и практиковать только в офлайн-формате. Последователи Оле Нидала используют новые медиатехнологии инструментально – преимущественно в целях продвижения бренда «Алмазного пути традиции Карма-Кагью» как представляющего российский буддизм в публичных медиапространствах. В силу этого репертуар медиа Карма-Кагью исчерпывается сайтом, сайтом журнала, мобильным приложением, повторяющим контент сайта журнала, и VK-аккаунтами, служащими визитками локальных общин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Актамов И.Г., Бадмацыренов Т.Б., Доржиева Т.Б. Буддизм в Интернете: методология изучения виртуальных религиозных сообществ // Вестник Бурятского государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 6. С. 86–91.
- Актамов И.Г., Бадмацыренов Т.Б., Хандаров Ф.В. Особенности развития виртуальных буддийских сообществ Рунета // Власть. 2018. № 2. С. 100–105.
- Бадмацыренов Т., Родионов В. Буддийское возрождение и конструирование буддийского сообщества в современной Бурятии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 1 (38). С. 62–85.
- Бадмацыренов Т.Б., Скворцов М.В., Хандаров Ф.В. Топологические характеристики буддийского сообщества в социальной сети «ВКонтакте» // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 74–82.
- Ванчикова Ц.П. Тибетцы в Бурятии: новый феномен в этническом и культурном многообразии республики // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2012. № 2. С. 128–135.
- Дондуков Б.Ц., Дондукова Г.П. Предпосылки формирования буддийского сегмента Интернета // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Т. 6. № 6А. С. 200–210.
- Доржигушаева О.В., Дондуков Б. Влияние информационных технологий на развитие буддийских сообществ России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2016. Т. 35. № 3 (224). С. 110–114.
- Кэмпбелл Х. К вопросу о религиозно-социальном формировании технологии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38 (2). С. 124–158.
- Островская Е.А. Буддийские общины Санкт-Петербурга. СПб.: Алетейя, 2016.
- Терентьев Андрей. Переводчик Далай-ламы. YouTube канал «Сохраним Тибет». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bG8uySvoi2I> (дата обращения: 02.02.2022).
- Campbell H. Considering the Religious-Social Shaping of Technology // When Religion Meets New Media. New York: Routledge, 2010. P. 41–63.
- Ostrovskaya E., Badmatsyrenov T., Khandarov F., Aktamov I. Russian-Speaking Digital Buddhism: Neither Cyber, nor Sangha // Religions. 2021. № 12.

Статья поступила: 14.03.22. Финальная версия: 11.05.22. Принята к публикации: 28.05.22.

RUSSIAN DIGITAL BUDDHISM: STRATEGIES OF BUDDHIST COMMUNITIES IN NEW MEDIA

OSTROVSKAYA E.A.*, BADMATSYRENOV T.B.**

*Saint Petersburg State University, Russia; **Dorzhii Banzarov Buryat State University, Russia

Elena A. OSTROVSKAYA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Faculty of Sociology, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia (e.ostrovskaya@spbu.ru); Timur B. BADMATSYRENOV, Dr. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Head of Department of Politology and Sociology, Dorzhii Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia (batorovitch@mail.ru).

Acknowledgements. The reported research was funded by RFBR project No. 20-011-00531.

Abstract. The paper is devoted to the consideration of the dynamics of digitalization of communities of various Buddhism traditions in Russia and the construction of strategies by them for building relationships with the Internet and new media. As a methodological framework, the authors have chosen Heidi Campbell's "socio-religious technology formatting" approach, which makes it possible to identify the correspondence between the history, tradition, beliefs of the religious community and the strategies they choose to use media technologies to construct their own identity, authority and boundaries. Based on interview materials and data from the analysis of online texts, the authors analyze the correlations between the sociocultural consolidation of specific areas of Russian Buddhism and the maturation of media niches of Russian-speaking Buddhism.

Keywords: Digital Buddhism, Karma-Kagyü, Dzogchen, new media.

REFERENCES

- Aktamov I.G., Badmatsyrenov T.B., Dorzhieva T.B. (2015) Buddhism on the Internet: a methodology for studying virtual religious communities. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University]. Series: Philosophy. No. 6: 86–91. (In Russ.)
- Aktamov I.G., Badmatsyrenov T.B., Khandarov F.V. (2018) Features of the development of virtual Buddhist communities in Runet. *Vlast* [Power]. No. 2: 100–105. (In Russ.)
- Badmatsyrenov T., Rodionov V. (2020) Buddhist revival and construction of the Buddhist community in modern Buryatia. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. No. 1 (38): 62–85. (In Russ.)
- Badmatsyrenov T.B., Skvortsov M.V., Khandarov F.V. (2018) Topological characteristics of the Buddhist community in the VKontakte social network. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 74–82. (In Russ.)
- Vanchikova Ts.P. (2012) Tibetans in Buryatia: a new phenomenon in the ethnic and cultural diversity of the republic. *Uchenyye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of the Transbaikalian State University. Series: Philology, history, oriental studies]. No. 2: 128–135. (In Russ.)
- Dondukov B.Ts., Dondukova G.P. (2017) Prerequisites for the formation of the Buddhist segment of the Internet. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and reflection: philosophy about the world and man]. Vol. 6. No. 6A: 200–210. (In Russ.)
- Dorzhigushaeva O.V., Dondukov B. (2016) Influence of information technologies on the development of Buddhist communities in Russia. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Scientific bulletins of the Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law]. Vol. 35. No. 3 (224): 110–114. (In Russ.)
- Campbell H. (2020) To the question of the religious and social formation of technology *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. No. 38(2): 124–158. (In Russ.)
- Ostrovskaya E.A. (2016) *Buddhist communities of St. Petersburg*. St. Petersburg: Aletheia. (In Russ.)
- Campbell H. (2010) Considering the Religious-Social Shaping of Technology. In: *When Religion Meets New Media*. New York: Routledge: 41–63.
- Ostrovskaya E., Badmatsyrenov T., Khandarov F., Aktamov I. (2021) Russian-Speaking Digital Buddhism: Neither Cyber, nor Sangha. *Religions*. No. 12.
- Terentiev Andrey (2015) "The Dalai Lama's translator." YouTube channel "Save Tibet". <https://www.youtube.com/watch?v=bG8uySvoi2I> (accessed 11.02.22).

Received: 14.03.22. Final version: 11.05.22. Accepted: 28.05.22.

Социология международных отношений

© 2022 г.

ЛИ МУН-ЁН

КОРЕЙСКИЙ КОНФЛИКТ И ЯДЕРНАЯ ПРОБЛЕМА: ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

ЛИ Мун-Ён – профессор Института исследований проблем мира и объединения при Сеульском национальном университете, Сихын, Республика Корея (reacemoon@snu.ac.kr).

Аннотация. Рассматриваются социологические проблемы, связанные со сформировавшимся в 1948 г. «противостоянием двух Корей»: сравнивается восприятие проблемы объединения Кореи северными и южными корейцами и анализируется отношение граждан соседних стран (Китая, Японии, России и США) к северокорейской ядерной проблеме. Опросы общественного мнения демонстрируют значительную разницу в восприятии гражданами двух Корей самой необходимости объединения Кореи. Чем моложе поколение, тем более негативно южные корейцы относятся к такому объединению, в то время как абсолютное большинство северных корейцев, вне зависимости от поколения, выражают желание объединиться. Что касается ядерной проблемы Северной Кореи, то наблюдаются значительные отличия в отношении к ней россиян и китайцев, с одной стороны, и граждан Южной Кореи, США и Японии – с другой. В позициях этих шести стран есть выраженная конфронтация (между группами КНДР–Китай–Россия и РК–Япония–США), напоминающая структуру глобального политического противостояния времен холодной войны.

Ключевые слова: политическая социология • корейский конфликт • объединение Кореи • ядерная проблема • общественное мнение

DOI: 10.31857/S013216250019651-9

Корейский конфликт как «организованный не-мир». Так называемый корейский конфликт начался в 1948 г. с разделения Кореи на Республику Корея (РК) на юге и Корейскую Народно-Демократическую Республику (КНДР) на севере. Это разделение закреплено в ходе Корейской войны 1950–1953 гг. и сохраняется более 70 лет. В начальный период разделения обе стороны рассматривали друг друга как врага и настаивали на объединении только путем «поглощения» одной страны другой военной силой. Однако обе стороны постепенно начали признавать друг друга и стремиться к сосуществованию. Кроме того, был достигнут консенсус, что объединение должно осуществляться поэтапно посредством сотрудничества на долгосрочной основе и на основе мирного урегулирования. Отсюда следует, что «слепое» стремление к объединению может серьезно угрожать миру на полуострове [Lee, 2022: 187, 198].

Однако при реализации выработанных принципов и договоренностей возникало немало трудностей. Чем дольше длилось разделение, тем глубже становились различия

Работа поддержана грантом Министерства образования Республики Корея и Национального исследовательского фонда Кореи NRF-2021S1A5B8096371.

между двумя Кореями. В начальный период экономическая мощь Северной Кореи превосходила мощь Южной, однако с начала 1970-х гг. экономика Южной Кореи стала стремительно развиваться, произошло «южнокорейское чудо». В результате в 2020 г. номинальный ВВП Северной Кореи (28,2 млрд долл. США) составлял всего 1,8% от ВВП Южной (1,6 трлн долл.), а номинальный ВНД на душу населения Севера (1120,7 долл. США) – лишь 3,7% от ВНД Юга (30573,8 долл. США) [대한민국 통계청, 2021: 10–11]. Южная Корея занимает 6-е место в мировом рейтинге военной мощи, в то время как Северная Корея – 28-е [Global Fire Power, 2021].

Корейский конфликт обостряется тем, что Северная Корея для преодоления экономического и военного отставания, а также для обеспечения своей безопасности с середины 1980-х гг. интенсивно занималась ядерными разработками. В октябре 2006 г. Северная Корея провела первые испытания ядерного оружия, а после успешного запуска в ноябре 2017 г. МБР, способной нанести удар по материковой части США, КНДР официально объявила о «завершении создания ядерных сил». Это было воспринято как политический кризис, поскольку КНДР как «ядерная держава» стала источником угроз безопасности соседних стран [조성렬, 2019: 72; Lee, 2022: 192, 194, 197], усилился международный характер корейского конфликта. Попытки международных договоренностей по устранению северокорейской ядерной проблемы остаются малорезультативными из-за слишком большой разницы в позициях сторон. В частности, понимание «денуклеаризации Корейского полуострова» у КНДР и США совершенно разное: для США – это, прежде всего, ядерное разоружение Северной Кореи в одностороннем порядке, в то время как для КНДР денуклеаризация включает в себя также «сворачивание ядерного зонтика США» на Корейском полуострове.

Корейский конфликт является ярким примером «организованного не-мира» (organized peaselessness). Данная концепция была предложена ведущим немецким исследователем проблем мира Д. Сенгхаасом. По его мнению, «не-мир» представляет собой комплексную структуру, в которой переплетаются разные факторы – международные отношения, внутренние социальные системы и стратегии, восприятие и мотивация и т.д. Межкорейские отношения также находятся под влиянием комплекса факторов и имеют организованный характер [Senghaas, 1969: 17–20; 이동기, 2013: 53; Lee, 2022: 187].

Для преодоления корейского конфликта и объединения двух стран важны многие факторы, однако в последнее время первостепенная роль отводится такому фактору, как «интеграция сознания и мышления» жителей двух Корей. Это связано с тем, что возможность объединения и его устойчивость на политическом и институциональном уровнях, равно как и решение северокорейской ядерной проблемы, во многом зависят от уровня социокультурной интеграции. Они могут быть разрешены только при наличии согласия и поддержки граждан стран, заинтересованных в их решении [Lee, 2022: 198]. Далее мы перейдем к конкретному анализу различий в восприятии северными и южными корейцами проблемы объединения Кореи, а также к анализу отношения граждан соседних стран (Китая, Японии, России и США) к северокорейской ядерной проблеме.

Восприятие проблемы объединения южными корейцами. «Интеграция сознания и мышления» является трудной задачей. В частности, по мере усугубления расхождений в политических системах Северной и Южной Кореи, а также углубления разрыва в уровне экономического развития, различия в мышлении и сознании северных и южных корейцев стали представлять собой серьезную проблему. Это явственно отражается в разном отношении северных и южных корейцев к проблеме объединения и его необходимости.

Институт исследований проблем мира и объединения при Сеульском национальном университете с 2007 г. ежегодно проводит исследования на тему восприятия проблемы объединения Кореи, респондентами которых являются 1200 южных корейцев. Кроме того, с 2011 г. ежегодно проводятся исследования на тему восприятия проблемы объединения северными корейцами, респондентами которых являются северокорейские перебежчики, живущие в Южной Корее. Хотя северокорейских перебежчиков сложно

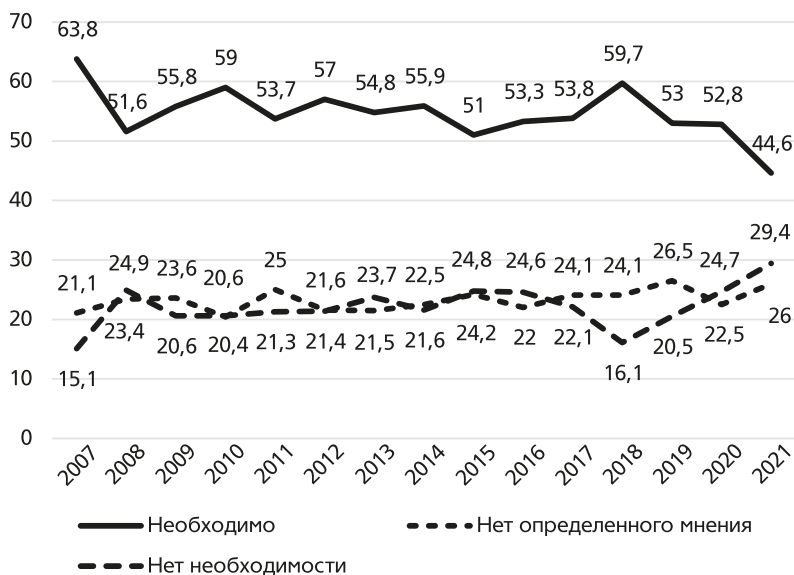

Рис. 1. Динамика восприятия южными корейцами необходимости объединения Кореи, 2007–2021 гг., в % от числа опрошенных

Источник: [IPUS, 2022: 31].

отождествлять с обычными гражданами КНДР, данный способ является единственно доступным для оценки их восприятия, так как проведение прямого опроса северных корейцев невозможно. Для компенсации недостатков данной выборки опрашивают только тех северокорейских перебежчиков, которые прибыли из Северной Кореи менее года назад, и оценивается их отношение к объединению Кореи «на момент проживания в Северной Корее». Размер выборки варьируется в зависимости от года проведения исследования, в среднем эта цифра составляет 124 человека.

Что касается восприятия южных корейцев, то, согласно результатам опросов последних 15 лет (2007–2021), процент граждан, по мнению которых объединение необходимо, демонстрирует тенденцию к понижению (рис. 1).

Согласно опросу 2021 г., процент южных корейцев, по мнению которых объединение необходимо, составил 44,6%, что является самым низким показателем с начала опросов (2007 г.). С другой стороны, процент респондентов, по мнению которых в объединении нет необходимости, составил 29,4% – самый высокий показатель с их начала. Эти результаты контрастируют с результатами опроса 2018 г., когда возлагались большие надежды на три межкорейских саммита, а также на первый в истории саммит КНДР и США, когда ожидания установления мира на Корейском полуострове были сильны. Ведь если не принимать во внимание опрос 2007 г., в 2018 г. был зафиксирован самый высокий за период проведения опроса процент южных корейцев, считающих, что объединение необходимо (59,7%), а процент респондентов, по мнению которых в объединении нет необходимости, в том году был самый низкий (16,1%). Всего за три года количество южных корейцев, по мнению которых объединение необходимо, упало на 15 п.п., в то время как число тех, по мнению которых в объединении нет необходимости, увеличилось более чем на 13 п.п. С учетом респондентов, у которых нет определенного мнения относительно необходимости объединения, в настоящее время более половины южных корейцев (54%) относятся к объединению негативно или безразлично. В 2021 г. данное соотношение впервые превысило 50% [IPUS, 2022: 31]. Это напрямую отражает разочарование южных корейцев в так называемых

«встречах века», которые имели символическое значение, не принесли ощутимых результатов. Уже в июне 2020 г. южные корейцы после взрыва властями КНДР межкорейского офиса связи, построенного в результате договоренности на межкорейском саммите 2018 г. в Кэсоне, испытали глубокое разочарование. Негативное отношение к объединению особенно заметно среди молодого поколения. Так, по результатам опроса 2021 г., почти половина корейцев в возрасте 20–30 лет (43%), а также более трети корейцев в возрасте 30–40 лет (35%) не видят необходимости в объединении [IPUS, 2022: 32].

Восприятие проблемы объединения северными корейцами. В отличие от южных корейцев, абсолютное большинство северных корейцев считают объединение необходимым, и данный показатель сохраняется без существенных изменений с 2011 г. (рис. 2)¹.

В опросе 2020 г. на вопрос «Насколько необходимым вам казалось объединение, когда вы жили в Северной Корее?» 80,7% северокорейских респондентов ответили «очень необходимо» и 12,8% – «в какой-то мере необходимо», лишь 0,9% ответили, что «в объединении нет необходимости». Кроме того, на вопрос «Насколько, по вашему мнению, северные корейцы хотят объединения?» 78,9% респондентов ответили «очень хотят» и 18,3% – «в какой-то мере хотят» [IPUS, 2021b: 196–197]. В отличие от южных корейцев, у северных корейцев нет большой разницы между поколениями. В 2020 г. доля северных корейцев в возрастах 20–30 лет и 30–40 лет, по мнению которых «объединение необходимо», составила соответственно 85,3% и 94,4% [IPUS, 2021b: 196].

Разница в восприятии необходимости объединения между северными и южными корейцами связана с пониманием причин необходимости объединения. В опросе 2020 г. в ответах на вопрос «Какую из следующих причин необходимости объединения вы считаете наиболее важной?» такие ответы, как «устранение угрозы войны между Севером и Югом» (38,9%) и «принадлежность к одной нации» (36,6%), оказались у южных корейцев на первом и втором местах соответственно. Что касается северных корейцев, то у них заняли первую и вторую позиции ответы «принадлежность к одной нации» (45,0%)

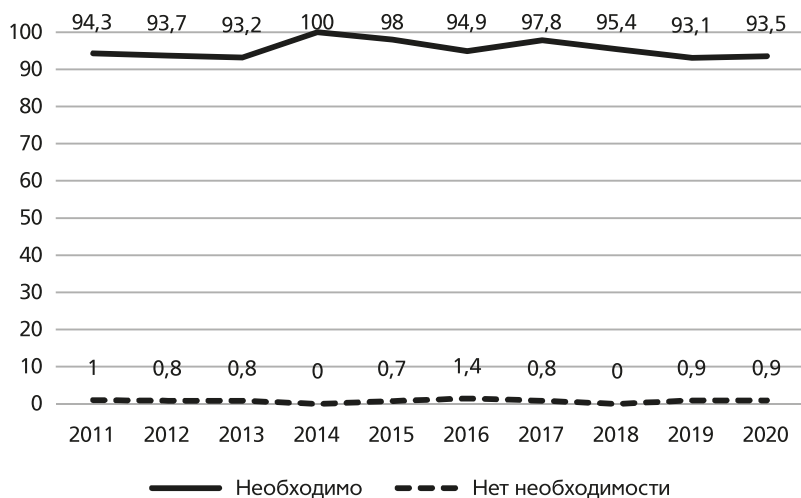

Рис. 2. Динамика восприятия северными корейцами необходимости объединения Кореи, 2011–2020 гг. в % от числа опрошенных

Источник: [IPUS, 2021b: 45].

¹ В мониторинге нет данных за 2021 г., так как проведение стандартных исследований было затруднено из-за резкого сокращения количества северокорейских перебежчиков в связи с пандемией COVID-19.

и «чтобы северные корейцы жили хорошо» (24,8%). Таким образом, можно констатировать общее: северные и южные корейцы по-прежнему воспринимают принадлежность к одной нации как основную причину объединения. Но далее следуют различия: наиважнейшей причиной объединения южные корейцы считают «устранение угрозы войны», в то время как для северных корейцев (кроме вопроса национальности) самая важная причина – экономические выгоды. Даже в ситуации обострения проблемы разработки КНДР ядерного оружия лишь 4,6% северных корейцев в качестве причины для объединения выбрали «устранение угрозы войны» [IPUS, 2021a: 314; IPUS, 2021b: 198].

Разница в восприятии проблемы объединения северными и южными корейцами напрямую отражается в их восприятии преимуществ объединения. В опросе 2020 г. 93,6% северных корейцев ответили, что объединение принесет им пользу. Что касается южных корейцев, так ответили 24,9% [IPUS, 2021b: 201; IPUS, 2021a: 317]. Таким образом, значительное количество южных корейцев считает, что объединение Южной Кореи с КНДР не окажет позитивного влияния на экономику их страны. Большинство северных корейцев полагают, что объединение принесет им пользу, поэтому они не против объединения в рамках южнокорейской политической системы. На вопрос о «предпочтительной политической системе единой Кореи» 35,8% северных корейцев ответили, что «главное – это объединение, и не имеет значения, в рамках какой системы», а 29,4% хотели «объединения в рамках политической системой Южной Кореи». Процент северокорейцев, ответивших, что хотели бы «сохранения существующих систем КНДР и РК» или «объединения в рамках политической системы КНДР», составил 7,3% и 3,7% соответственно. Для сравнения: около 70% южных корейцев выразили надежду сохранить южнокорейскую политическую систему после объединения [IPUS, 2021a: 328; IPUS, 2021b: 210].

Анализ показывает колоссальную разницу во мнениях об объединении между южными и северными корейцами. Чем больше времени проходит и чем моложе поколения, тем негативнее южные корейцы относятся к объединению. Абсолютное большинство северных корейцев, вне зависимости от времени и поколения, выражают желание объединиться.

Ядерная проблема КНДР в зеркалах общественного мнения. Воля граждан КНДР и РК, главных субъектов объединения Кореи, имеет большое значение, однако одной ее недостаточно. Подобно тому как разделение Кореи явилось прямым результатом международной политики периода холодной войны, международные политические факторы корейского конфликта сохраняют значение и в современном мире. Это еще более очевидно по отношению к ядерной проблеме Северной Кореи, которая оказывает негативное влияние на безопасность соседних стран Северо-Восточной Азии.

Согласно результатам опроса в 2021 г. известного японского агентства по исследованию общественного мнения Genron NPO среди 195-ти экспертов в области дипломатии и безопасности РК, Японии, Китая и США, факт «существования КНДР как ядерной державы» занял 1-е место среди 10-ти ключевых рисков, представляющих угрозу миру в Северо-Восточной Азии. Конкуренция между США и Китаем, «тайваньский вопрос» и территориальные споры в Южно-Китайском море заняли места ниже [Genron NPO, 2021: 1]. То же самое прослеживается в опросах общественного мнения, проведенных среди граждан соответствующих стран. Согласно общенациональным опросам в РК, США и Японии в 2017 г., когда северокорейский ядерный кризис достиг своего пика, 82,8% респондентов из Южной Кореи, 89,2% из Японии и 75% из США ответили, что ядерное оружие КНДР представляет большую угрозу безопасности их стран [IPUS, 2018: 328; Genron NPO, 2017: 29; Friedhoff, Smeltz, 2017: 1].

В тот же период в России проводились аналогичные опросы общественного мнения на тему северокорейской ядерной проблемы. Согласно опросу Фонда «Общественное мнение», по мнению 67,0% россиян, ядерное оружие Северной Кореи представляет опасность для других стран; по мнению 60,0%, есть вероятность начала войны как результат наличия данной проблемы, а 72% считали, что Россия должна предпринять какие-либо действия в целях предотвращения войны [ФОМ, 2017].

По результатам опроса 2020 г., 76,1% южных корейцев, 81% японцев и 52% американцев считали, что ядерное оружие КНДР представляет серьезную угрозу их национальной безопасности. В российском опросе 2020 г. КНДР заняла 3-е место (после США и Китая) в списке стран, от которых исходит угроза применения ядерного оружия [IPUS, 2021a: 356; Genron Pro, 2020: 7; Friedhoff, 2020; ФОМ, 2020].

Сами южные корейцы отчётливо осознают международный характер корейского конфликта, включающего северокорейскую ядерную проблему, и в связи с этим хорошо понимают необходимость сотрудничества со всеми соседними странами (не только США и Японией, но и КНР и Россией). В 2017 г. процент южных корейцев, по мнению которых «необходимо сотрудничество с конкретной страной», как правило, превышал 60% опрошенных (табл.).

Таблица

Доля граждан Южной Кореи, высказывающихся за сотрудничество с соседними странами (%)

Годы опросов	США	Китай	Россия	Япония
2017	92,4	82,4	64,0	60,1
2020	92,3	82,8	66,2	49,7

Источник: [IPUS, 2018: 383–386; IPUS, 2021a: 423–426].

Тенденция значительного сокращения количества южнокорейцев, по мнению которых есть необходимость в сотрудничестве с Японией, связана с обострением исторических проблем, продолжающихся со времен японского колониального правления 1910–1945 гг. Особо следует отметить, что более 60% южнокорейцев признают необходимость сотрудничества с Россией, хотя лишь 1% отмечают национальную близость южнокорейцев к России, что намного ниже показателя близости к другим странам, например США (67,8%) [IPUS, 2021a: 408].

Международное сообщество разделяет мнение, что для решения северокорейской ядерной проблемы необходимо многостороннее сотрудничество. Однако различие позиций между КНДР и США по ядерной проблеме в последние десятилетия расширяется, превращаясь в конфронтацию между группой КНДР–Китай–Россия, с одной стороны, и группой РК–Япония–США – с другой. Обе группы решительно выступают против ядерных разработок КНДР. Однако Китай и Россия отделяют северокорейскую ядерную проблему от общего северокорейского вопроса и предпринимают меры, чтобы санкции не оказывали серьезного влияния на режим КНДР. Они считают, что северокорейская ядерная проблема вызвана, прежде всего, враждебной политикой США по отношению к Северной Корее, поэтому опасения КНДР относительно национальной безопасности оправданы.

Официальные позиции правительств КНР и России связаны с отношением граждан двух стран к северокорейской ядерной проблеме. Согласно опросу, проведенному Китайским институтом социальных исследований (中國社會調查所, КИСИ) в июне 2003 г., 54% китайцев поддерживали развитие ядерной программы КНДР. По мнению научного сотрудника КИСИ (Ван Син, 王星), «согласно позиции китайцев, США, сами обладающие ядерным оружием, не имеют права вмешиваться в вопросы ядерных разработок других стран, поскольку обладание ядерным оружием является вопросом суверенитета». Результаты опроса авторитетной китайской газетой «Хуаньцю шиба» (环球时报) в ноябре 2010 г. показали, что 55,6% китайцев считают основной причиной кризиса на Корейском полуострове США и 9% – Северную Корею [유상철, 2003; 魏萊, 2010]. Как упоминалось выше, во время кризиса 2017 г. абсолютное большинство граждан РК, США и Японии воспринимало северокорейскую ядерную проблему как ключевую угрозу национальной безопасности своей страны. Между тем среди ответов китайцев данный показатель составлял 13% в 2017 г., а в 2020 г. он сократился до 8%. В 2017 и 2020 гг., по мнению большинства китайцев, «страна, несущая самую большую угрозу в военном отношении», – не Северная Корея, а соответственно Япония и США [Genron NPO, 2017: 29; Genron NPO, 2020: 7].

Аналогичны мнения экспертов. Согласно цитируемому выше опросу Genron NPO 2021 г., если эксперты из Южной Кореи, США и Японии единогласно считают Северную Корею первой в списке десяти ключевых угроз миру в Северо-Восточной Азии, то китайские эксперты ставят ее в конец списка (9-е место) [Genron NPO, 2021: 8].

В российских опросах общественного мнения прослеживается тенденция, аналогичная китайской. Согласно опросу Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2017 г., на вопрос «Кто в большей степени виноват в начавшемся корейском кризисе?» 57% россиян назвали США, 26% – Южную Корею, 12% – Северную Корею [ВЦИОМ, 2017b: 155]. В другом опросе ВЦИОМа того же года о странах, разрабатывающих ядерное оружие (включая Северную Корею), 41% россиян ответили, что «эти страны имеют такое же право на ядерное оружие, как США, Россия, Китай и т.д.». Лишь 38% россиян считали, что в отношении таких стран необходимо ввести экономические санкции и изолировать их от мирового сообщества. Согласно опросу ФОМа в том же 2017 г., соотношение сторонников и противников санкционных мер ООН в отношении Северной Кореи составило 40% к 33%, что не демонстрирует существенной разницы [ВЦИОМ, 2017a; ФОМ, 2017].

Восприятие корейской ядерной проблемы китайцами и россиянами контрастирует с ее восприятием южнокорейцами, американцами и японцами. Согласно опросу «Chicago Council on Global Affairs (CCGA)» в 2017 г., 76% американцев ответили, что в целях прекращения разработки ядерного оружия КНДР «необходимо ввести более жесткие экономические санкции», и 11% ответили, что «разработку ядерного оружия КНДР необходимо признать». Аналогичны показатели и опроса 2020 г., когда обладание Северной Кореей ядерным оружием стало свершившимся фактом [Friedhoff, Smeltz, 2017: 3; Friedhoff, 2020: 7]. Согласно опросу общественного мнения в РК и Японии в 2020 г., 78,2% южнокорейцев и 75,2% японцев заявили, что «статус КНДР как ядерной державы не должен быть признан». Лишь 16,4% южнокорейцев и 4,4% японцев ответили, что этот «статус должен быть признан», но только при возвращении КНДР в Договор по нераспространению ядерного оружия [동아시아연구원, 겐론 NPO, 2020: 63].

Таким образом, понимание сути северокорейской ядерной проблемы и путей ее решения южнокорейцами, японцами и американцами разительно отличается от понимания этого вопроса россиянами и китайцами. Можно сказать, что политика правительств данных стран в отношении Северной Кореи соответствует мнению их граждан.

Выводы. Резюмируя анализ динамики общественного мнения в 2007–2021 гг., следует констатировать, прежде всего, заметную разницу в восприятии проблемы необходимости и причин объединения Кореи между северными и южными корейцами. Чем больше времени проходит и чем моложе поколение, тем негативнее южные корейцы относятся к объединению, в то время как абсолютное большинство северных корейцев, вне зависимости от времени и поколения, выражают желание к объединению. Что касается ядерной проблемы Северной Кореи, ключевой в корейском конфликте, подтвердился факт, что в позициях разных стран и их граждан сохраняется конфронтация, унаследованная со времен холодной войны. В свете растущей конфронтации между США и Китаем, США и Россией, укрепления стратегического сотрудничества между Россией и КНР, традиционного военного альянса РК и США, Японии и США, перспективы разрешения северокорейской ядерной проблемы не очень оптимистичны.

Тем не менее процесс разрешения корейского кризиса – от разрешения ядерной проблемы Северной Кореи до реализации объединения – не может быть иным, чем процессом примирения интересов и позиций шести заинтересованных стран. Из этого следует, что Южная Корея должна прилагать постоянные усилия, чтобы заручиться пониманием и поддержкой со стороны не только правительств заинтересованных стран, но и их граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- ВЦИОМ. Ядерное оружие на Корейском полуострове. 2017а. 16 мая. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/yadernoe-oruzhie-na-korejskom-poluostrove-novaya-ugroza-dlya-rossii> (дата обращения: 25.11.2021).
- ВЦИОМ. Корейский кризис // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017б. Сентябрь-октябрь. № 5 (141). С. 154–157.
- ФОМ. О Северной Корее и ее военном потенциале. 12 сентября 2017. URL: <https://fom.ru/posts/13704> (дата обращения: 25.11.2021).
- ФОМ. О ядерном оружии. 7 декабря 2020. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14509> (дата обращения: 17.12.2021).
- Friedhoff K., Smeltz D. North Korea Now Seen as a Top Threat Facing the United States // The Chicago Council on Global Affairs. 2017. August 7. URL: <https://www.thechicagocouncil.org/research/public-opinion-survey/north-korea-now-seen-top-threat-facing-united-states> (дата обращения: 20.12.2021).
- Friedhoff K. With Tensions Receding, Americans Lose Fear of North Korea // The Chicago Council on Global Affairs. 2020. February 26. URL: <https://www.thechicagocouncil.org/research/public-opinion-survey/tensions-receding-americans-lose-fear-north-korea> (дата обращения: 17.12.2021).
- Genron NPO. Japan-China Public Opinion Survey 2017. Tokyo: Genron NPO, 2017.
- Genron NPO. Japan-China Public Opinion Survey 2020. Tokyo: Genron NPO, 2020.
- Genron NPO. Top 10 Risks Threaten a Peace in Northeast Asia. Tokyo: Genron NPO, 2021.
- Global Firepower. 2021 Military Strength Ranking. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (дата обращения: 05.01.2022).
- Lee Moon-Young. Korean Conflict and Reunification Efforts // Encyclopedia of Violence, Peace and Conflict. 3rd ed. London: Elsevier, 2022. P. 187–199.
- Senghaas D. Abschreckung und Frieden. Frankfurt: Fischer Verlag, 1969.
- 대한민국 통계청. 『2021 북한의 주요통계지표』. 서울: 통계청, 2021.
- 동아시아연구원, 겐론 NPO. 『2020년 제8회 한일 국민 상호인식조사』. 서울: 동아시아연구원, 2020.
- 서울대 통일평화연구원. 『2017통일의식조사』. 서울: 다해 미디어, 2018.
- 서울대 통일평화연구원. 『2020통일의식조사』. 서울: 다해 미디어, 2021a.
- 서울대 통일평화연구원. 『북한주민 통일의식 2020』. 서울: 다해 미디어, 2021b.
- 서울대 통일평화연구원. 『2021통일의식조사』. 서울: 희망커뮤니케이션즈, 2022.
- 유상철. «사화조사소 여론조사: 중국인 57%, 北 도와 참전해야» 『중앙일보』 2013.06.07. URL: <http://www.joongang.co.kr/article/187291#home> (дата обращения: 05.01.2022).
- 이동기. «디터 쟁하스의 평화론» 『Oughtopia』 제23권 1호. 2013. P. 31–66.
- 조성렬. 『한반도비핵화리포트』. 서울: 백산서당, 2019.
- 魏業. 环球时报调查:六成中国受访者对朝鲜态度中立 // 环球时报. 2010年11月29日. URL: <http://roll.sohu.com/20101129/n300677144.shtml> (дата обращения: 17.12.2021).

Статья поступила: 04.04.22. Финальная версия: 20.06.22. Принята к публикации: 20.06.22.

THE KOREAN CONFLICT AND THE NUCLEAR PROBLEM IN PUBLIC OPINION RESEARCH

LEE MOON-YOUNG

Institute for Peace and Unification Studies, Seoul National University, Republic of Korea

Moon-Young LEE, Associate Professor, Institute for Peace and Unification Studies, Seoul National University, Siheung, Republic of Korea (peacemoon@snu.ac.kr).

Acknowledgements. This work was supported by the Ministry of Education of the Republic of Korea and the National Research Foundation of Korea (NRF-2021S1A5B8096371).

Abstract. This article examines differences in perceptions between North and South Koreans regarding the Korean unification, as well as attitudes of citizens of interested neighboring 4 countries to the North Korean nuclear issue, based on the analysis of various public opinion surveys. There is a significant difference in the unification perceptions between North and South Koreans: The more time passes and the younger the generation, the more negatively South Koreans think about unification, while an absolute majority of North Koreans, regardless time and generation, express a desire for unification. On the North Korean nuclear issue, the perceptions by Russians and Chinese strikingly differ from those of South Koreans, Japanese and Americans. Positions of six countries clearly show a confrontational structure between the DPRK-China-Russia and the ROK-Japan-USA, resembling the Cold War structure.

Keywords: political sociology, Korean conflict, Korean unification, North Korean nuclear issue, public opinion.

REFERENCES

- Cho Sung-Ryul. (2019) *Report on Denuclearization of the Korean Peninsula*. Seoul: Baeksanseodang. (In Korean)
- East Asia Institute, Genron NPO. (2020) *The 8th Korea-Japan Mutual Recognition Survey*. Seoul: EAI. (In Korean)
- FOM. (2017) *On North Korea and its Military Potential*. 12 September. URL: <https://fom.ru/posts/13704> (accessed 25.11.2021). (In Russ.)
- FOM. (2020) *On Nuclear Weapon*. 7 December. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14509> (accessed 17.12.2021). (In Russ.)
- Friedhoff K. (2020) With Tensions Receding, Americans Lose Fear of North Korea. *The Chicago Council on Global Affairs*. 26 February. URL: <https://www.thechicagocouncil.org/research/public-opinion-survey/tensions-receding-americans-lose-fear-north-korea> (accessed 17.12.2021).
- Friedhoff K., Smeltz D. (2017) North Korea Now Seen as a Top Threat Facing the United States. *The Chicago Council on Global Affairs*. 7 August. URL: <https://www.thechicagocouncil.org/research/public-opinion-survey/north-korea-now-seen-top-threat-facing-united-states> (accessed 20.12.2021).
- Genron NPO. (2017) *Japan-China Public Opinion Survey 2017*. Tokyo: Genron NPO.
- Genron NPO. (2020) *Japan-China Public Opinion Survey 2020*. Tokyo: Genron NPO.
- Genron NPO. (2021) *Top 10 Risks Threaten a Peace in Northeast Asia*. Tokyo: Genron NPO.
- Global Firepower. *2021 Military Strength Ranking*. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (accessed 05.01.22).
- IPUS. (2018) *2017 Unification Perception Survey*. Seoul: IPUS. (In Korean)
- IPUS. (2021a) *2020 Unification Perception Survey*. Seoul: IPUS. (In Korean)
- IPUS. (2021b) *North Koreans' Unification Perceptions 2020*. Seoul: IPUS. (In Korean)
- IPUS. (2022) *2021 Unification Perception Survey*. Seoul: IPUS. (In Korean)
- Lee Dong-Gi. (2013) D. Senghaas's Theory of Peace. *Oughtopia*. Vol. 23. No. 1: 31–66. (In Korean)
- Lee Moon-Young. (2022) Korean Conflict and Reunification Efforts. *Encyclopedia of Violence, Peace and Conflict*. 3rd ed. Amsterdam, London: Elsevier: 187–199.
- Senghaas D. (1969) *Abschreckung und Frieden*. Frankfurt: Fischer Verlag.
- Statistics Korea. (2021) *2021 Key Statistical Index of North Korea*. Seoul: Statistics Korea. (In Korean)
- VTSIOM. (2017a) *Nuclear Weapons on the Korean Peninsula*. 16 May. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/yadernoe-oruzhie-na-korejskom-poluostrove-novaya-ugroza-dlya-rossii> (accessed 25.11.2021). (In Russ.)
- VTSIOM. (2017b) *The Korean Crisis Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. September-October. No. 5: 154–157. (In Russ.)
- Wei Lei. (2010) Global Times Survey. *Global Times*. 29 November. URL: <http://roll.sohu.com/20101129/n300677144.shtml> (accessed 17.12.2021). (In Chinese)
- Yu Sang-Chul. (2003) Polls by the Chinese Social Research Institute. *Joongangilbo*. 7 June. URL: <http://www.joongang.co.kr/article/187291#home> (accessed 05.01.2022). (In Korean)

Received: 04.04.22. Final version: 20.06.22. Accepted: 20.06.22.

НАМ ХЕ ХЕН, К.С. ФЕДОРОВА

ЯЗЫКОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ РОССИИ И ЮЖНОЙ КОРЕИ (ОТНОШЕНИЕ К ЯЗЫКАМ МИГРАНТОВ В ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ)

НАМ Хе Хен – кандидат филологических наук, профессор университета Йонсей, Сеул, Республика Корея (zean01@yonsei.ac.kr); ФЕДОРОВА Капитолина Сергеевна – кандидат филологических наук, профессор российских исследований Таллинского университета, Эстония (kapitolina.fedorova@tlu.ee).

Аннотация. Языковая идеология российского и южнокорейского обществ рассматривается через ее проявления в публичном метадискурсе – коллективном отношении к языкам мигрантов, выраженном в интернет-пространстве и в социальных сетях. Сопоставление двух очень непохожих обществ, российского и корейского, представляет интерес, так как при всем различии социальной организации и этнического состава обе страны официально ориентируются на моноязычную языковую модель. В то же время обе страны в последние десятилетия столкнулись с резким ростом внешней миграции, способствующей росту этнического и языкового разнообразия. Эмпирический анализ продемонстрировал, что в публичном дискурсе России и Южной Кореи объективно преобладают нормативный монолингвизм и пуризм. Большая часть русскоязычного населения выражает негативное отношение к языкам мигрантов и к слабому владению мигрантами русским языком, сходные эмоции обнаруживаются в данных на корейском языковом материале. Однако в дискурсах есть и различия: среди наиболее частотных слов в русскоязычных интернет-комментариях представлены лексемы, относящиеся к должностованию и обучению, тогда как в корейских базах данных сильнее актуализируются лексемы, отсылающие к социальным проблемам и конкретным странам. Языковая практика в России и в Южной Корее постепенно меняется, расширяя разнообразие языкового ландшафта и провоцируя общественные дискуссии, что в дальнейшем может стать вызовом для монолингвизма и пуризма.

Ключевые слова: языковая идеология • монолингвизм • пуризм • миграция • отношение к языку • этносоциология • социоллингвистика

DOI: 10.31857/S013216250017775-5

Языковая идеология как объект социологического анализа. Языковая идеология – это совокупность представлений людей о языке, влияющих на их речевое поведение. Она выражается в коллективных представлениях о правильном языке и его роли в обществе, осложненных политическими интересами и этическими представлениями [Woolard, Schieffelin, 1994: 57, Spolsky, 2004: 14]. Языковая идеология составляет важный объект изучения, поскольку ее анализ раскрывает, как языковые представления говорящих связаны с более широкими социокультурными системами, нередко порождая дискриминирующие убеждения, которые, в свою очередь, поддерживают и усугубляют существующее в обществе неравенство [May, 2014].

В последнее время вопрос языковой идеологии приобретает все большую актуальность, так как глобализация и миграции увеличивают языковое и культурное разнообразие [Blommaert, 2013], что может служить причиной конфликтов и столкновений. Более того, в основе официальной языковой политики многих стран лежат принципы, сформировавшиеся в эпоху модерна в ходе становления национальных государств («одна

страна, один народ, один язык»), которые воспринимаются большинством населения как нечто естественное и универсальное [May, 2014]. В результате доминирования одноязычных установок реальное повседневное многоязычие не оценивается как ценный ресурс и либо игнорируется, либо проблематизируется.

В рамках настоящей статьи рассматривается в сравнительной перспективе отношение к языкам мигрантов в двух странах – России и Республике Корея. Сопоставление двух столь непохожих обществ, российского и корейского, представляет интерес с точки зрения доминирующих в них языковых идеологий, так как, при всем различии социальной организации и этнического состава этих стран, обе они, как будет показано, ориентируются на одноязычную языковую модель.

Из-за исторического языкового и культурного многообразия формирование языковой идеологии и политики в России не может рассматриваться в отрыве от более широких вопросов национальной идентичности. Долгое время в русской истории две разные языковые идеологии – либерально-новаторская и консервативно-пуристическая – чередовались в зависимости от общественных и политических предпосылок [Тынянов, 1929]. После Октябрьской революции язык стал важнейшим фундаментом строительства советского государства и воспитания его граждан; контроль над языком осуществлялся через систему образования и средства массовой информации [Gorham, 2014]. Языковую ситуацию и представления людей о языке в СССР формировали постепенная русификация и закрытость, в том числе и языковая, от внешнего мира, и даже спустя десятилетия после распада Советского Союза влияние прежней идеологии остается сильным. Более того, в последние 15–20 лет в официальном дискурсе и законодательстве упор делается на защите русского языка и поддержке его государствообразующего статуса, а не на языковом разнообразии и поддержке языков меньшинств, что было более характерно для 1990-х гг. [ibid: 15, 139].

Корея на протяжении своей долгой истории вынуждена была выстраивать свою идентичность вопреки сильным иностранным влияниям: китайскому, с конца XIX в. до освобождения от японской оккупации в 1945 г. японскому, а после разделения Кореи на КНДР и Республику Корею в своей южной части – американскому [Robinson, 2007; Schmid, 2002]. Соответственно, исследователи корейского национализма определяют доминирующую идеологию как «одна страна – один народ – один язык». Идее этнической и особенно языковой исключительности принадлежит ведущая роль в определении основ корейского общества [Shin, 2006: 37]. Несмотря на большое значение, которое придается изучению английского языка в Южной Корее, реальный уровень владения им среди большинства населения остается низким, английский язык служит в большей степени для поддержания статусных иерархий, чем для реальной коммуникации [Song, 2011]. Пуристский дискурс, фокусирующийся на защите корейского языка от иностранных влияний, характерен для официальной риторики и для СМИ.

Таким образом, Россия и Корея, несмотря на различную природу своих национальных проектов, исторически ориентированы на монолингвальную идеологию. Обе страны в последние десятилетия столкнулись с резким ростом внешней миграции, способствующей росту этнического и языкового разнообразия. Цель данной статьи – проанализировать реакции принимающих обществ на языки мигрантов и определить, действительно ли монолингвизм продолжает доминировать в языковом сознании россиян и корейцев.

Теоретико-методологическая база исследования. Взгляд на соотношение языка и идентичности является важной частью языковой идеологии. В связи с этим обычно выделяют две разные идеологии: консервативно-пуристическую и либерально-новаторскую. Согласно первому подходу, язык является ядром коллективного менталитета, и потому нужно хранить его первоначальную чистоту. Для пуристов существует некий образец – стандартный, нормированный язык; отступления от него недопустимы. В языке существует множество фонетических, лексических и грамматических вариаций, но в результате кодификации появляется стандарт, который фиксируется в словарях и грамматических

пособиях [Thomas, 1991]. Поэтому после утверждения престижной нормы стандартные формы употребления автоматически рассматриваются как правильные, а формы, не прошедшие кодификацию, считаются нелегитимными [Milroy, 2001: 552]. Согласно второму подходу, употребление языка полностью зависит от задач времени, поскольку он неизбежно отражает изменения общества. Такой взгляд проявляется в период резких социальных изменений, когда отрицается старая языковая норма и придается большое значение новому языку как инструменту строительства нового мира (например, в период реформ Петра I, в 1920-е гг., во время перестройки).

Эссенциалистская природа пуризма базируется, помимо прочего, на представлении о «кровной» связи человека с родным языком. Соответственно, как правило, приверженцы такого подхода руководствуются идеями монолингвизма. Монолингвизм как идеология рассматривает в качестве нормы наличие у человека одного родного языка. В этой парадигме отношения между разными языками предстают как игра с нулевой суммой: успех одного происходит за счет утраты позиций другого, а языковое разнообразие воспринимается как угроза национальному единству [May, 2014].

Идеология монолингвизма не ограничивается официальной языковой политикой, законами и подзаконными актами. Языковая политика в современных исследованиях понимается как комплексное явление, совокупность действий множества акторов; официальные власти при этом выступают как наиболее очевидный из них, но далеко не единственный [Spolsky, 2004]. Языковая идеология того или иного общества ярко отражается в метадискурсе о языке (metalinguistic discourse). Его продуцируют все акторы языковой политики – не только правительственные органы, социальные институты и организации, но и, что немаловажно, обычные носители языка через социальные сети и повседневную коммуникацию. В связи с этим Л. Рязанова-Кларк делит метадискурс о языке на два субдискурса: государственный, который включает в себя комментарии политиков и законодательные акты, и публичный, который включает дискуссии рядовых граждан в масс-медиа [Ryazanova-Clark, 2006: 33]. Если первый структурирует официальное представление о роли языка и языковую политику, то второй – коллективные взгляды и отношение к тем или иным языкам, подъязыкам и группам их пользователей.

В данной статье мы фокусируемся на публичном дискурсе, на самом его «демократическом» сегменте, отражающем представления обычных интернет-пользователей. Материалом для анализа отношения носителей русского и корейского языков к языкам мигрантов и шире к использованию других языков в окружающем их пространстве послужили комментарии о языках мигрантов в соцсетях Twitter, Youtube и интернет-форумы.

Положение с языками мигрантов в России. На протяжении последних десятилетий (до пандемии COVID-19) миграция в Россию из сопредельных государств была стабильно высокой, чему способствовали относительно лучшие экономические возможности, старение населения и безвизовый въезд для граждан СНГ. В 2002 г. был принят закон «О правовом положении иностранных граждан в РФ»; в более поздних редакциях (2014 и 2020 гг.) в него добавлено требование, которое обязывает всех иностранцев, желающих получить разрешение на временное проживание и работу, предоставить документ, подтверждающий владение русским языком, знание истории и основ законодательства РФ (ст. 37). При этом инфраструктура для обучения мигрантов русскому языку не создавалась, более того, постепенно были свернуты проекты дополнительных занятий русским языком для детей-мигрантов в российских школах (подробнее см.: [Baranova, Fedorova, в печати]). Мер, направленных на использование родных языков мигрантов в государственном образовании, не существует.

Таким образом, официальная политика ориентирована на поддержку и защиту русского языка, а языки мигрантов не рассматриваются как обладающие какой-либо ценностью. Разделяет ли такой взгляд российское общество? Каково коллективное отношение россиян к языкам мигрантов, непонятым для большинства? Пока немногочисленные исследования на эту тему показывают, что носители русского языка в основном негативно

относятся к языкам мигрантов и его использованию в публичном пространстве [Баранова, Федорова, 2018; 2020; Baranova, Fedorova, 2020]. При этом предметом критики становится главным образом речь мигрантов из Средней Азии. В целом присутствует дифференцированный подход к мигрантам в зависимости от их происхождения: мигранты из славянских стран воспринимаются как более интегрированные, так как понимают русский язык и русскую культуру лучше выходцев из Азии.

Языковые практики мигрантов можно разделить на внутригрупповое и межгрупповое общение с местными жителями [Баранова, Федорова, 2020: 56–57]. В случае первого используются языки мигрантов (например, в Санкт-Петербурге – узбекский). При этом мигранты стараются быть как можно более «невидимыми». Они воздерживаются от общения на своем языке в общественных местах, ограничивают общение с русскоязычными до необходимого минимума, а элементы языкового ландшафта на языках мигрантов обнаруживаются в основном в местах, скрытых от глаз большинства. Языковой изоляции мигрантов способствует и их компактное расселение. Как правило, они живут рядом с местом работы и редко выходят за пределы места проживания, что отсекает их контакты с местным населением [Рязанцев, 2014: 26]. Это отражается в языковом ландшафте крупных российских городов, где постепенно увеличивается количество многоязычных вывесок, рекламных объявлений (главным образом, на европейских и китайском языках), но представление языков мигрантов остается низким по сравнению с численностью их носителей [Баранова, Федорова, 2018; 2020].

В случае межгруппового общения – коммуникации мигрантов с местными жителями – языки мигрантов используются крайне редко. В опросах и интервью жители российских мегаполисов заявляют, что голоса мигрантов воспринимаются ими как слишком громкие, а их непонятные языки, сильный акцент и грамматические ошибки им неприятны. Негативное отношение к языкам мигрантов проявляется в том, что язык мигрантов нередко называют «тарабарщиной» [Baranova, Fedorova, 2020: 6–8]. В большинстве случаев государственные органы общаются с мигрантами *только* на русском языке. Например, информационный портал Управления федеральной миграционной службы РФ (ufmsrf.ru) и официальный сайт Главного управления по вопросам миграции МВД России (<http://services.fms.gov.ru/>) предлагаются только на русском языке, что неизбежно создает барьеры в коммуникации. Как показано в [Клобукова и др., 2020: 124], при общении с представителями органов власти РФ мигранты испытывают серьезные проблемы, так как их зачастую бытовой уровень владения русским языком не позволяет коммуницировать в официально-деловой сфере.

Публичный дискурс о языках мигрантов в российских социальных сетях. Для анализа отношения россиян к языкам мигрантов, отражающегося в интернет-коммуникации, было проведено исследование на базе социальных платформ Twitter и Youtube. Для первого этапа исследования (его предварительные результаты представлены в: [Nam, 2021]) посредством веб-скрейпинга (web scraping) собраны твиттер-сообщения (твиты)¹ о языках мигрантов с 2009 (с момента появления русскоязычной версии Twitter) по 2020 г. Затем собранные тексты были проанализированы морфологически, шумовые слова удалены, в результате чего получена база данных из 1351 твита.

На рис. 1 показано облако частотных полнозначных слов в собранных данных, в котором размер шрифта коррелирует с частотностью слова. Список 20 самых частотных слов (с указанием числа их появлений в твитах) выглядит так: обязывать (267), учить (199), знать (183), ребенок (173), Россия (150), выучивать (132), трудовой (130), закон (111), изучать (100), страна (78), сдавать (74), история (68), госдума (65), хотеть (52), должный (51),

¹ Использовались следующие поисковые запросы: мигранты, свой язык / мигранты, на своем языке / мигранты, по своему языку / мигранты, чужой язык / мигранты, с акцентом / мигранты, нерусские / понаехавшие, говорить / понаехавшие, говорят / понаехавшие, язык / нерусский язык, говорить / нерусский язык, говорят / говорить, не по-русски / говорят, не по-русски / язык мигрантов / язык чурки / русский язык, неправильный / язык, тарабарщина.

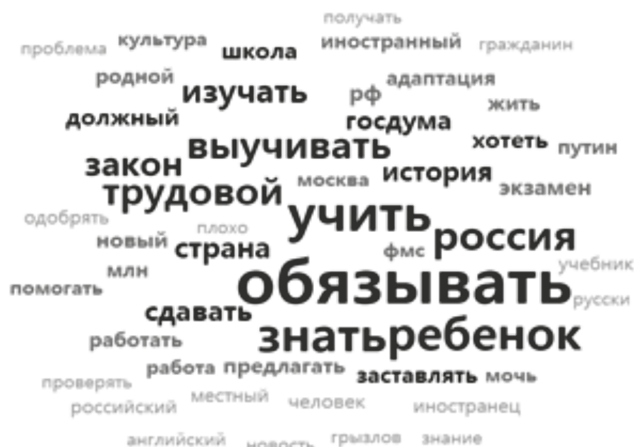

Рис. 1. Облако самых частотных слов в твитах о языках мигрантов

школа (50), РФ (47), заставлять (46), экзамен (43), новый (40). На основе этого облака слов можно предположить, что дискурс о языке мигрантов в твитах отражает коллективное мнение, что мигранты и их дети обязаны учить русский язык, адаптироваться к русской культуре, а их знание языка нужно проверять посредством экзамена.

На материале собранных текстов проведен анализ тональности (Sentiment analysis)². Из 1351 твита определенную тональность имеют 976, среди которых 760 содержат негативную тональность, а 216 – позитивную (рис. 2). Количество негативно настроенных твитов превышает количество позитивно настроенных во все периоды, что подтверждает доминирование негативного отношения к языкам мигрантов. При этом количество твитов

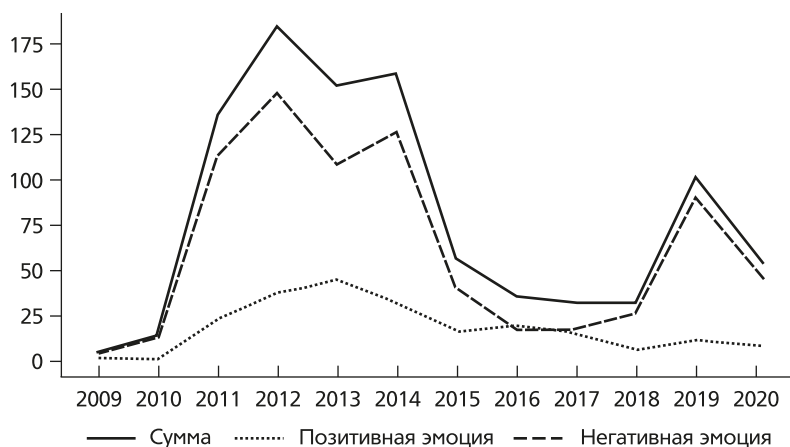

Рис. 2. Динамика тональности русскоязычных твитов о языках мигрантов, 2009–2020 гг.

² Использована библиотека анализа настроений для русского языка «Dostoevsky», обученная на наборе данных RuSentiment. Библиотека классифицирует тексты на 5 категорий: негативное настроение; позитивное настроение; нейтральное поведение; речевой акт; класс «пропустить» для неясных случаев. Подробнее о модели Dostoevsky см. <https://github.com/bureaucratic-labs/dostoevsky> (дата обращения: 16.01.2021).

о языках мигрантов уменьшилось в период с 2015 по 2017 г. за счет сокращения негативных твитов (количество позитивных твитов в тот же период осталось практически неизменным). Это можно объяснить влиянием СМИ. По мнению С. Ералиева и Р. Урибоева, антимигрантские настроения в России обуславливаются и усиливаются средствами массовой информации, но в 2014 г., когда нарастала напряженность между Россией и Украиной, СМИ актуализировали критику Украины и Запада, за счет чего уменьшилось количество негативной информации о мигрантах [Eraliev, Urinboyev, 2020: 259], что привело к спаду антимигрантских настроений в обществе.

Результат количественного анализа подтверждает гипотезу о доминирующем негативном отношении к языкам мигрантов на основе идеологии монолингвизма и пуризма.

Интересную картину представляет и качественный анализ интернет-комментариев. В последнее время горячую дискуссию вызывает вопрос об обучении детей мигрантов в российских школах. Посвященные этой теме видео на YouTube набирают большое количество просмотров и комментариев. Мы изучили самые популярные новостные видео по этой теме за 2018–2021 гг.³: собраны 6719 комментариев, которые затем были отфильтрованы через поисковые запросы «мигрант» и «язык». В результате оказались отобраны 337 комментариев. Их контент-анализ показал, что большинство местных жителей соглашается, что нужно обучать детей переселенцев русскому языку, но против того, чтобы дети мигрантов учились вместе с детьми местных жителей, так как они мешают местным детям в учебе из-за низкого уровня владения русским языком. В качестве примера можно привести следующий комментарий (во всех случаях сохраняются авторская орфография и пунктуация): *«Вообще из опыта скажу, Дети эмигрантов так же как и их родители не знают русского языка! На уроках не работают, мешают вести занятия учителям! И вообще разная культура, разное воспитание»* (YouTube ID: vF23NRqFiSl, автор – Ирина Богатырева). В этих комментариях можно обнаружить мнения мигрантов, которые в свою очередь обвиняют русских в существовании двойных стандартов: *«В Прибалтике очень много русских которые не хотят учить их язык [...] у русских двойные стандарты, прибалтийцев осуждают а сами хотят контролировать ещё жёстче»* (YouTube ID: ICjV7f1FzJc, автор – spidermanzorro).

Никакой дискурс не может быть монолитным, и языковые идеологии не следует воспринимать как стабильные и неизменные. Можно ожидать постепенного размывания монолингвизма в России при появлении надлежащих условий. В данный момент мы можем наблюдать некоторые, пусть слабые, признаки того, как идеология монолингвизма начинает уступать место мультилингвизму. Например, в 2019 г. на портале Tedza открылась дискуссия по теме «Должны ли мигранты разговаривать на языке той страны, в которую они приехали?»⁴. Наряду с многочисленными высказываниями, обязывающими мигрантов знать русский язык и зачастую сопровождающимися ксенофобией по отношению к ним, здесь можно найти много комментариев, в которых говорится о необходимости признать, что мигранты могут не знать русский язык в достаточной мере, и обязывать их говорить на русском во всех сферах жизни – ущемление их прав. Также появляются частные интернет-сайты для помощи мигрантам на их языках. Например, интернет-сайт «Все о миграции» (<https://migranturus.com>) функционирует на 10-ти языках (русском, английском, казахском, кыргызском, таджикском и т.д.), а интернет-сайт «Мигранты.org» (<https://migranty.org>) – на 7-ми (русском, английском, кыргызском, узбекском, таджикском и т.д.).

На фоне таких тенденций символичным является недавнее появление указателей на таджикском и узбекском языках на двух станциях московского метро, «Прокшино» и «Лесопарковая», от которых отправляются автобусы в миграционный центр «Сахарово». С другой

³ ID рассмотренных видео в YouTube: D_8TTn0YKEM, 5jHmG-Jpnk8, AMINE03f5gg, JTMbunYGGcA, ICjV7f1FzJc, eHmh2rbzMrA, vF23NRqFiSl.

⁴ URL: <https://tedza.com/forum/threads/dolzhy-li-migranty-razgovarivat-na-jazyke-toj-strany-v-kotoruju-oni-priexali.16830/> (дата обращения: 25.01.2021).

стороны, подобные нововведения нередко вызывают негативную реакцию местных жителей⁵. Появление дополнительного языка на указателе или кнопки выбора языка меню на интерактивном экране не происходит за счет русского языка и, как кажется, не может нести ему угрозы. Однако нервная реакция носителей русского языка на это свидетельствует, что они воспринимают любое расширение функций другого языка как покушение на доминирование своего языка, т.е. находятся под влиянием молингвальной идеологии.

Негативные стереотипы о языках мигрантов и молингвальные установки трудно отделить от негативного отношения к самим мигрантам и ксенофобских настроений, широко представленных в российском обществе [Chapman et al., 2018]. Тем не менее с учетом как изменений в языковых практиках, так и выведения проблем многоязычия в пространство общественных дискуссий можно констатировать появление первых «трещин» в российском «моноязычном фасаде» [Baranova, Fedorova, 2020: 16].

Положение с языками мигрантов в Республике Корея. Южная Корея была страной-поставщиком рабочей силы до 1970-х гг., но с конца 1980-х гг. в связи с повышением доходов и распространением высшего образования обострилась нехватка рабочей силы в областях так называемых 3D-индустрии (difficult, dirty and dangerous), поэтому в страну стали активно завозиться рабочие из других азиатских стран. Они являются самым большим представителем языкового меньшинства в корейском обществе. В качестве проблемы, с которой сталкиваются мигранты, они называют именно общение, и в большей части это связано с моноэтнической и моноязычной идентичностью, характерной для корейского общества [Park, 2005: 205–206].

По данным Министерства юстиции Республики Корея, по состоянию на конец 2020 г. в Корею проживает почти 2,04 млн иностранцев (из Китая, Вьетнама, Таиланда, Узбекистана, Филиппин, Монголии и т.д.). Они в основном занимаются низкооплачиваемой работой на строительных и промышленных объектах. У них практически нет возможности изучать корейский язык и интегрироваться: хотя бесплатные школы корейского языка функционируют при религиозных учреждениях, существуют проблемы с нехваткой учебников, отсутствием систематического учебного плана, отсутствием времени у мигрантов посещать уроки [Cho, 2006: 30–31].

Кроме трудовых мигрантов, в Корею представлены так называемые «брачные иммигранты», в основном женщины из экономически менее благополучных стран, которые выходят замуж за корейских граждан. Брачные иммигранты также выделяют языковые проблемы в качестве самых серьезных трудностей, с которыми они сталкиваются в корейском обществе. Несмотря на невысокий уровень владения корейским языком, многие мигрантки вынуждены общаться с семьей исключительно на корейском, так как мужья не поддерживают использование ими родных языков и не стараются их изучать [Kim et al., 2011].

В 2017 г. Национальная комиссия по правам человека Кореи проанализировала 10 тыс. твитов с использованием поисковых запросов, связанных с мигрантами и мультикультурными семьями. В результате анализа в качестве самых частотных слов в этих твитах были извлечены такие, как «Юго-Восточная Азия», «унижение», «оппозиция», «ненависть», «депортация» и др. Кроме того, 56,1% мигрантов признались, что они сталкивались со словесными оскорблениями и другими дискриминационными практиками⁶.

Важно отметить, что к категории языковых меньшинств, чьи языковые права подвергаются ущемлению, принадлежат также перебежчики из Северной Кореи и китайские

⁵ См., напр.: Мишина И. Великий и могучий с переводом на таджикский: почему переделаны указатели в метро // Новые известия. 15 сентября 2021 г. URL: <https://newizv.ru/news/city/15-09-2021/velikiy-i-moguchiy-s-perevodom-na-tadzhikskiy-pochemu-peredelany-ukazateli-v-metro> (дата обращения: 20.10.2021). Другие примеры изменений языкового ландшафта и реакций на них см. в: [Baranova, Fedorova, 2020].

⁶ Ко Сын Хе. Глядя свысока на юго-восточных азиатцев [в переводе на русский] // Ежедневная газета Чжун Анг. 8 мая 2021 г. URL: <https://www.joongang.co.kr/article/24052654#home> (дата обращения: 02.03.2022).

корейцы – потомки переселенцев из Кореи в Китай. В отличие от иностранных мигрантов, о которых речь шла выше, они свободно общаются по-корейски, но их язык настолько отличается от стандартного южнокорейского, что становится предметом насмешек и вызывает пренебрежительное отношение. Во многих корейских фильмах и сериалах китайские соотечественники изображаются как представители криминального мира, их речь стигматизируется. В результате многие из них избегают общения с южнокорейцами, поскольку не хотят, чтобы по их речи собеседники угадывали их происхождение [Yang, 2013: 53–55].

Публичный дискурс о языках мигрантов в южнокорейских социальных сетях.

Сбор данных для анализа на корейском материале проводился на базе двух интернет-платформ – на новостном портале и YouTube. Сначала с использованием корейских поисковых запросов «иностранец» и «родной язык» были найдены более 500 статей, написанных в период с 2010 г. по 2021 г., среди них отобраны 8 политически наиболее нейтральных и к ним собраны 963 комментария. Также собраны 258 комментариев к видеоролику на YouTube «Должны ли иностранцы, живущие в Корее, изучать корейский язык? Честные мысли иностранцев», загруженному 22 июня 2020 г. сайтом «Awesome Korea» (YouTube ID: xPs7q2FhIjk). Таким образом, в целом собран 1221 комментарий о языках иностранцев в корейском обществе.

Облако частотных полноточных слов в собранных комментариях иллюстрирует список 25 самых частотных слов, который (с указанием числа их появлений в комментариях) выглядит так: Китай (116), беженец (106), культура (90), деньги (89), корейский алфавит (88), работа (72), государство (62), народ (62), проблема (59), Япония (55), нелегалы (55), китайский язык (54), местные жители (54), США (52), базис (52), налог (52), предприятие (50), обязывать (49), учёба (42), путешествие (36), усилия (36), депортация (34), неудобство (33), школа (32), трудовой мигрант (31). Среди них многие носят негативный оттенок: беженец, проблема, нелегалы, обязывать, депортация, неудобство.

Отношение корейцев к языкам иностранцев обнаруживается и при анализе тональности сообщений⁷. Среди всех эмотивных слов, содержащихся в 1221 комментарии, 70,1% носят негативную тональность, 29,9% – позитивны. Каждая эмотивная тональность состоит из нескольких чувств, в нашем случае наибольшую долю негативной тональности

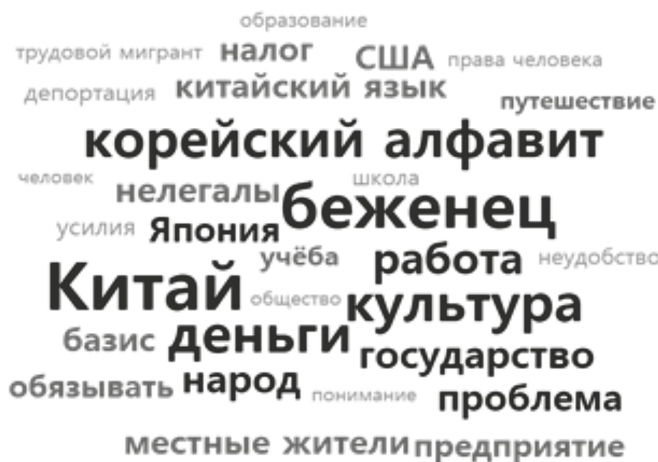

Рис. 3. Облако самых частотных слов в корейских интернет-комментариях о языках мигрантов (в переводе на русский язык)

⁷ В отличие от анализа тональности русскоязычного корпуса, сделанного с помощью библиотеки анализа настроения «Dostoevsky», анализ тональности корейского корпуса проведен на платформе Textom (<https://www.textom.co.kr/>) из-за разных систем алфавитов этих двух языков.

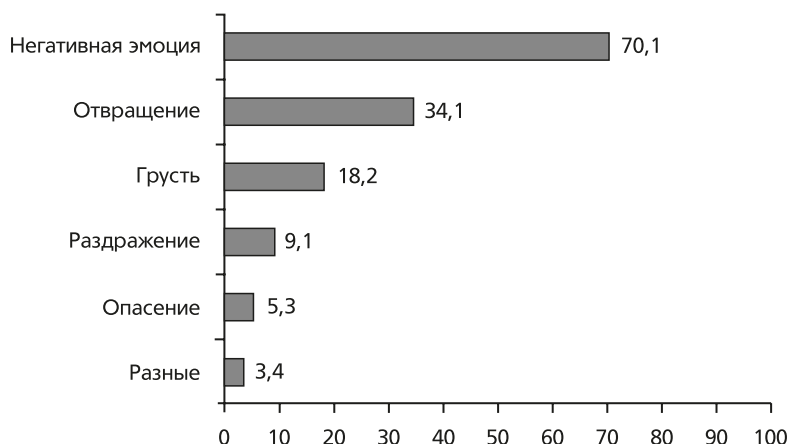

Рис. 4. Доля негативной тональности в корейских комментариях о языках мигрантов, в %

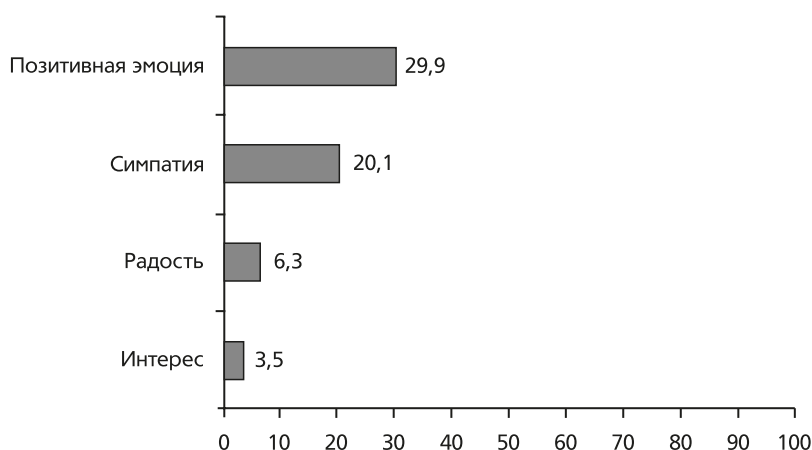

Рис. 5. Доля позитивной тональности в корейских комментариях о языках мигрантов, в %

занимают чувства «отвращение», «грусть», «раздражение» и «опасение» (рис. 4), тогда как наибольшую долю позитивной тональности – «симпатия», «радость», «интерес» (рис. 5).

Как видим, подавляющее большинство корейцев негативно оценивают языки мигрантов, испытывая такие сильные эмоции, как отвращение и раздражение. Есть и корейцы, которые с симпатией и интересом относятся к языкам мигрантов.

В Южной Корее негативное восприятие языков иностранцев наблюдается по отношению не только к трудовым мигрантам, но и к приезжим из Европы и США. По мнению Хам Хан Хи, корейцы склонны ранжировать иностранцев и их языки в соответствии с социально-экономической мощью их стран, так что языки западных стран воспринимаются как более престижные, чем языки выходцев из ЮВА [Nahm, 1995]. Однако содержательный анализ комментариев показывает, что если вопрос касается речи мигрантов, проживающих в Корее, то корейцы придерживаются более строгого подхода даже по отношению к англоговорящим. Многие из интернет-комментариев к вышеупомянутому видео «Должны ли иностранцы, живущие в Корее, изучать корейский язык?» демонстрируют

раздражение их авторов по поводу того, что многие англоговорящие иностранцы, долго прожившие в Корее, не изучают корейский язык, что воспринимается как неуважение к корейскому обществу.

Как и в случае с российскими данными, интересно сопоставить результаты анализа отношения, выраженного в метадискурсе, с реальной языковой практикой. Как показывает исследование языкового ландшафта Южной Кореи [Fedorova, Nam, в печати], иностранные языки представлены в нем неравномерно и асимметрично. Китайский, русский, узбекский, вьетнамский и другие языки, распространенные среди трудовых мигрантов, используются только в определенных городских кварталах («этнических деревнях»), во внутригрупповой коммуникации. Английский язык при этом используется, с одной стороны, как маркер престижного потребления в рекламе, ориентированной на корейцев, с другой – как универсальный иностранный язык, призванный заменить все остальные и быть маркером всего иностранного (не-корейского), независимо от реальной и языковой принадлежности той или иной группы. В частности, в сеульском районе Итэвон, имеющем репутацию «города для иностранцев», разнообразные этнические заведения используют англоязычные вывески, объявления и рекламу. В этом смысле монолингвальная идеология продолжает определять языковую практику, поскольку реальное языковое разнообразие иностранцев игнорируется и подменяется доминированием одного языка (английского). В то же время, по крайней мере в некоторых городских пространствах, корейский язык перестает быть единственным, представленным визуально, и многоязычие получает все больше шансов на репрезентацию. Более того, сами мигранты начинают расширять свое языковое пространство. Хорошим примером служит проводное вещание «MWTv» (<http://mwtv.kr>), через которое уже с 2005 г. выпускаются программы «Мир трудовых мигрантов», которые готовят сами мигранты на 8-ми языках (включая непальский, монгольский, бангладешский, бирманский и индонезийский).

Выводы. Проведенный анализ продемонстрировал, что в публичном дискурсе обеих стран, России и Южной Кореи, преобладают нормативный монолингвизм и пуризм. Большая часть русскоязычного населения выражает негативное отношение к языкам мигрантов и к слабому владению мигрантами русским языком; сходные эмоции обнаруживаются на корейском языковом материале. Среди наиболее частотных слов в русскоязычных комментариях представлены лексемы, относящиеся к семантическому полю должностования и обучения («обязывать», «учить», «изучать»), в корейских данных актуализируются лексемы, отсылающие к социальным проблемам («беженцы», «проблема», «деньги», «нелегалы») и конкретным странам («Китай», «Япония»). Темпоральная динамика выражаемых эмоций анализировалась только на российском материале, поскольку корейские данные, в силу выбора комментариев к конкретным статьям, носили дискретный характер. Очевидно, что кривая негативных эмоций в большей степени приближена к общему количеству текстов о языках мигрантов, т.е. рост числа упоминаний о них происходит как реакция на те или иные события в социальной жизни и их обсуждение в СМИ.

При этом языковая практика и в России, и в Южной Корее постепенно меняется, расширяя разнообразие языкового ландшафта и провоцируя общественные дискуссии. Можно предположить, что в дальнейшем это может стать вызовом для монолингвизма и пуризма и привести к постепенным трансформациям в сфере языковой идеологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранова В., Федорова К. Многоязычие в городе: языковая политика, дискурсы и практика // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2018. № 14(3). С. 38–57.
- Баранова В., Федорова К. Видимо-невидимо: миграция и трансформация языкового ландшафта Санкт-Петербурга // *Laboratorium. Журнал социальных исследований*. 2020. Т. 12. № 1. С. 48–80.
- Клобукова Л., Молчанова Н., Головина Л. Специфика речевого взаимодействия трудовых мигрантов с представителями органов власти РФ // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2020. Т. 13. Вып. 11. С. 123–128.

- Рязанцев С.В. О языковой интеграции мигрантов как новом ориентире миграционной политики России // Социологические исследования. 2014. № 9. С. 25–29.
- Тынянов Ю.Н. Архаисты и новаторы. Ленинград: Прибой, 1929.
- Baranova V., Fedorova K. Overcoming aggressive monolingualism: prejudices and linguistic diversity in Russian megalopolises // Open Linguistics. 2020. Vol. 6. No. 1. P. 672–689.
- Baranova V., Fedorova K. Keeping 'old' roots vs. taking 'new' roots: Multidirectional initiatives in Moscow micro-level language planning. (Forthcoming.)
- Blommaert J. Ethnography, Superdiversity, and Linguistic Landscapes: Chronicles of Complexity. Bristol: Multilingual Matters, 2013.
- Chapman H., Marquardt K., Herrera Y., Gerber T. Xenophobia on the rise? Temporal and regional trends in xenophobic attitudes in Russia // Comparative Politics. 2018. Vol. 50. No. 3. P. 381–394.
- Cho S.K. Foreign workers' language problems and countermeasures // Saegugeosaenghwal [New Life with Korean]. 2006. Vol. 16. No. 1. P. 7–32. (In Korean)
- Eraliev S., Urinboyev R. Precarious times for Central Asian migrants in Russia // Current History. 2020. Vol. 119. No. 819. P. 258–263.
- Fedorova K., Nam H.H. Global and local contexts in the South Korean linguistic landscape. (Forthcoming.)
- Gorham M. After Newspeak. Language Culture and Politics in Russia from Gorbachev to Putin, Ithaca, NY: Cornell University Press, 2014.
- Hahm H.H. Migrant workers in Korea in terms of race and class // Korean Cultural Anthropology. 1995. Vol. 28. P. 199–221. (In Korean)
- Kim K.R. et al. Basic survey on the environment of multicultural families using Korean language. The National Institute of Korean Language, 2011. (In Korean)
- May S. Contesting public monolingualism and diglossia: rethinking political theory and language policy for a multilingual world // Language Policy. 2014. Vol. 13. P. 371–393.
- Milroy J. Language ideologies and the consequences of standardization // Journal of Sociolinguistics. 2001. Vol. 5. No. 4. P. 530–555.
- Nam H.H. Monolingualism in a multilingual environment: Focusing on the case of modern Russia // Language, contact and communication. Seoul: Yonsei University. 2021. P. 175–206. (In Korean)
- Park H.Y. An Ecological perspective on linguistic human rights of Asian migrant workers // The Journal of Asiatic Studies. 2005. Vol. 48. No. 4. P. 205–232. (In Korean)
- Robinson M. Korea's twentieth-century Odyssey. Honolulu: University of Hawaii Press, 2007.
- Ryazanova-Clarke L. The Crystallization of Structures: Linguistic culture in Putin's Russia // Landslide of the Norm. Language Culture in Post-Soviet Russia, Bergen: Department of Russian Studies, University of Bergen, 2016. P. 31–63.
- Schmid A. Korea between Empires, 1895–1919. New York: Columbia University Press, 2002.
- Shin G.W. Ethnic nationalism in Korea: genealogy, politics, and legacy. Stanford, California: Stanford University Press, 2006.
- Song J.J. English as an official language of South Korea: Global English or social malady? // Language Problems and Language Planning. 2011. Vol. 35. P. 35–55.
- Spolsky B. Language Policy (Key Topics in Sociolinguistics). Cambridge University Press, 2004.
- Thomas G. Linguistic purism. London and New York: Longman, 1991.
- Woolard K., Schieffelin B. Language ideology // Annual Review of Anthropology. 1994. Vol. 23. P. 55–82.

Статья поступила: 13.04.22. Финальная версия: 23.06.22. Принята к публикации: 25.06.22.

THE LANGUAGE IDEOLOGY OF RUSSIA AND SOUTH KOREA (ATTITUDES TO THE LANGUAGES OF MIGRANTS IN PUBLIC DISCOURSE)

NAM Hye Hyun*, FEDOROVA K.S.**

*Yonsei University, Republic of Korea; **Tallinn University, Tallinn, Estonia

Hye Hyun NAM, Ph.D. (Filol.), Prof., Yonsei University, Seoul, Republic of Korea (zean01@yonsei.ac.kr); Kapitolina S. FEDOROVA, PhD (Filol.), Prof., Tallinn University, Estonia (kapitolina.fedorova@tlu.ee).

Acknowledgements. This work was supported by the Yonsei University. Research Grant of 2020 (2020-22-0364).

Abstract. The article addresses issues of language ideology in Russia and South Korea; it focuses on public metadiscourses – attitudes to the languages of migrants expressed in Internet comments and on social networks. A comparison of two dissimilar societies, Russian and Korean, is of interest because, despite all the differences in social organization and ethnic composition, both societies are oriented towards a monolingual language model. At the same time, both countries have experienced a sharp increase in migration in recent decades, contributing to the growth of ethnic and linguistic diversity. Our data analysis reveals that public discourses of both countries are indeed dominated by normative monolingualism and purism. Most of the Russian-speaking population expresses a negative attitude towards the migrants' languages and their lack of fluency in Russian; similar emotions are found in the Korean data. In addition, it is interesting that among the most frequent words in the Russian-language comments are lexemes related to the semantic field of obligation and education, while in the Korean data, lexemes referring to social problems and specific countries are found. Sentiment analysis also supports the conclusion about an overall negative tonality of the data. However, the language practice in both countries is gradually transforming: linguistic landscapes have become more diverse, and there are public discussions on multilingualism. One may assume that in the future, monolingualism and purism will be seriously challenged by such trends.

Keywords: language ideology, monolingualism, purism, migration, language attitudes, ethnosociology, sociolinguistics.

REFERENCES

- Baranova V., Fedorova K. (2018) Urban multilingualism: language policy, discourses, and practice. *Acta Linguistica Petropolitana*. No. 14(3): 38–57. (In Russ.)
- Baranova V., Fedorova K. (2020) Growing visibility: migration and transformations in Saint Petersburg's linguistic landscape. *Laboratorium: Zhurnal social'nyh issledovanij* [Laboratorium: Russian Review of Social Research]. Vol. 12. No. 1: 48–80. (In Russ.)
- Baranova V., Fedorova K. (2020) Overcoming aggressive monolingualism: prejudices and linguistic diversity in Russian megalopolises. *Open Linguistics*. Vol. 6. No. 1: 672–689.
- Baranova V., Fedorova K. (Forthcoming) Keeping 'old' roots vs. taking 'new' roots: Multidirectional initiatives in Moscow micro-level language planning.
- Blommaert J. (2013) *Ethnography, Superdiversity, and Linguistic Landscapes: Chronicles of Complexity*. Bristol: Multilingual Matters.
- Chapman H., Marquardt K., Herrera Y., Gerber T. (2018) Xenophobia on the rise? Temporal and regional trends in xenophobic attitudes in Russia. *Comparative Politics*. Vol. 50. No. 3: 381–394.
- Cho S.K. (2006) Foreign workers' language problems and countermeasures. *Saegugeosaenghwal* [New Life with Korean]. Vol. 16. No. 1: 7–32. (In Korean)
- Eraliev S., Urinboyev R. (2020) Precarious times for Central Asian migrants in Russia. *Current history*. Vol. 119. No. 819: 258–263.
- Fedorova K., Nam H.H. (Forthcoming) *Global and local contexts in the South Korean linguistic landscape*.
- Gorham M. (2014) *After Newspeak. Language Culture and Politics in Russia from Gorbachev to Putin*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Hahm H.H. (1995) Migrant workers in Korea in terms of race and class. *Korean Cultural Anthropology*. Vol. 28: 199–221. (In Korean)
- Kim K.R. et al. (2011) *Basic Survey on the Environment of Multicultural Families Using Korean Language*. The National Institute of Korean Language. (In Korean)
- Klobukova L., Molchanova N., Golovina L. (2020) Speech interaction between labor migrants and Russian authorities. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Studies. Problems of Theory and Practice]. Vol. 13. No. 11: 123–128. (In Russ.)

- May S. (2014) Contesting public monolingualism and diglossia: rethinking political theory and language policy for a multilingual world. *Language Policy*. Vol. 13: 371–393.
- Milroy J. (2001) Language ideologies and the consequences of standardization. *Journal of Sociolinguistics*. Vol. 5. No. 4: 530–555.
- Nam H.H. (2021) Monolingualism in a multilingual environment: Focusing on the case of modern Russia. *Language, Contact and Communication*. Seoul: Yonsei University: 175–206. (In Korean)
- Park H.Y. (2005) An ecological perspective on linguistic human rights of Asian migrant workers. *The Journal of Asiatic Studies*. Vol. 48. No. 4: 205–232. (In Korean)
- Robinson M. (2007) *Korea's Twentieth-Century Odyssey*. Honolulu: University of Hawaii Press.
- Ryazanova-Clarke L. (2016) The crystallization of structures: linguistic culture in Putin's Russia. In: *Landslide of the Norm. Language Culture in Post-Soviet Russia*. University of Bergen: 31–63.
- Ryazantsev S.V. (2014) Migrants' language integration as a new benchmark in Russia migration policies. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 25–29. (In Russ.)
- Schmid A. (2002) *Korea between Empires, 1895–1919*. New York: Columbia University Press.
- Shin G.W. (2006) *Ethnic Nationalism in Korea: Genealogy, Politics, and Legacy*. Stanford, California: Stanford University Press.
- Song J.J. (2011) English as an official language of South Korea: Global English or social malady? *Language Problems and Language Planning*. Vol. 35: 35–55.
- Spolsky B. (2004) *Language Policy (Key Topics in Sociolinguistics)*. Cambridge University Press.
- Thomas G. (1991) *Linguistic purism*. London and New York: Longman.
- Tynyanov Yu.N. (1929) *Archaists and Innovators*. Leningrad: Priboy. (In Russ.)
- Woolard K., Schieffelin B. (1994) Language ideology. *Annual Review of Anthropology*. Vol. 23: 55–82.

Received: 13.04.22. Final version: 23.06.22. Accepted: 25.06.22.

© 2022 г.

Д.А. ДАВЫДОВ

КЛАССОВОЕ ГОСПОДСТВО В ЭПОХУ ПОСТКАПИТАЛИЗМА: Часть 1. Этос персоналиата

ДАВЫДОВ Дмитрий Александрович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия (davydovdmitriy90@gmail.com).

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы трансформации классовой структуры в эпоху посткапитализма. Классовая структура современного западного общества перестает соответствовать марксистским представлениям о беспрекословном господстве буржуазии и наличии основного антагонизма между капиталистами и рабочим классом. На верхних этажах социальной иерархии уже располагается персоналиат – класс, состоящий из людей, чей основной ресурс – популярность и внимание. В первой части статьи исследуется дискурсивный аспект гегемонии персоналиата. Как у любого ведущего класса, у персоналиата – своя классовая идеология, состоящая из смеси культа самовыражения, «прогрессивных» постматериалистических ценностей – ядра политики идентичности и основы экологических дискурсов. Эта идеология вступает в прямое противоречие с реалиями «уходящих» классов. В данных условиях растущую долю представителей рабочего класса и буржуазии объединяют консервативные ценности и «материалистическое» мироощущение.

Ключевые слова: посткапитализм • персоналиат • социальная революция • постматериализм • марксизм • классовый анализ • социальная стратификация • классовая идеология • политика идентичности

DOI: 10.31857/S013216250019870-0

Введение. Классическая марксистская модель классовой структуры подразумевает господство тех, кто владеет средствами производства. Причем не просто средствами производства, а капиталом как самовозрастающей стоимостью. Господство, разумеется, здесь не означает, что буржуа всевластны или находятся в некоем сговоре с целью всецелого подавления эксплуатируемых классов. Однако они имеют ряд серьезных «структурных» преимуществ, позволяющих им определять общее направление движения общественного организма, превращая свое классовое сознание в насаждаемый всюду «здоровый смысл», а также постоянно расширяя свое непосредственное политическое, социальное и пр. влияние путем укрепления экономического могущества.

Классический марксизм подразумевал, что господство буржуазии – последнее классовое господство в истории человечества (не считая «диктатуру пролетариата» как временное и переходное явление). Однако сегодня, по мере того как концепт коммунизма постепенно вытесняется осторожным и осмотрительным концептом посткапитализма [Srnicsek, Williams, 2016; Mason, 2017 и др.], становится понятно, что «закат капитализма» означает не наступление бесклассового общества, а складывающиеся новые общественные отношения не менее антагонистичны, чем прежние [Давыдов, 2021a]. Ранее отмечалось, что переход от производства материальных благ к производству «нематериально-го» [Gorz, 2010], вытеснение труда творчеством [Бузгалин, Колганов, 2019], а рыночного

обмена производством с «нулевыми предельными издержками» [Rifkin, 2015] означает лишь смену приоритетов. «Нематериальное» тоже может быть дефицитным, если говорить не о знаниях или легко копируемых результатах творческой деятельности, а о том, что напрямую зависит от такого ограниченного ресурса, как *внимание*. Даже если предположить, что накопление капитала или материальных благ когда-нибудь перестанет быть актуальным (например, в результате чего-то вроде «полностью автоматизированного роскошного коммунизма» [Bastani, 2020]) или «модным», люди не перестанут стремиться *выделиться среди других, «произвести» свою личность*, сделать ее более видимой и популярной, а потому наслаждаться самим процессом самореализации или обретением власти и влияния (в том числе политического), обусловленных не столько богатством, сколько огромным количеством подписчиков в соцсетях, славой или заслуженным авторитетом (хотя, как мы убедимся, в условиях посткапитализма материальное богатство зависит от «нематериального»). В нескольких публикациях было показано, что это и наблюдается: в развитых странах люди чаще ставят *уникальность своей личности выше материального богатства*, а наблюдения за трансформацией социальных ценностей демонстрируют интенсификацию погони за *популярностью и вниманием* (см., напр.: [Давыдов, 2021б]).

Так как общественное внимание небеспредельно, борьба за популярность и признание неизбежно ведет к установлению новой классовой структуры. В марксистской традиции под классами принято понимать большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, а также по их отношению к средствам производства. Здесь принципиален вопрос, о каких средствах производства мы говорим. Господствующее положение феодалов обуславливалось монополией на основное средство производства – землю; буржуа находится на вершине социальной иерархии благодаря обладанию средствами производства (как правило, материальными: производственные помещения, станки, машины и пр.). Сегодня все чаще те или иные экономические и неэкономические преимущества обуславливаются бытием в качестве яркой и *привлекающей внимание личности* (персоны), что может означать наличие нетривиальных творческих способностей, индивидуальных качеств вроде внешности, а также сконструированных образов, рассчитанных на «внешний эффект». Соответственно на роль нового господствующего класса претендует *персоналиат* как социальная прослойка тех, кто «обладает личностью» и привлекает внимание (точнее – притягивает и аккумулирует его). Представители персоналиата, к которому можно отнести влиятельных популярных блогеров, артистов и деятелей искусства, именитых ученых, общественных деятелей, селебрити-политиков и политиков-селебрити и т.д., являются «законодателями мод». На них смотрят и на них равняются представители молодых поколений.

В эпоху Интернета и социальных сетей *борьба за популярность и внимание* может стать всеобщей. Но, как будет показано далее, вряд ли стоит надеяться на то, что социальная структура посткапиталистического общества будет более «справедливой», чем в условиях капитализма, а люди станут много счастливее. Напротив, мы можем прийти к более неравному и несправедливому обществу, в котором подавляющее большинство людей несчастливы. Казалось бы, это только перспектива. Возможно, говорить о том, что на смену капиталистической классовой структуре пришло нечто принципиально новое, рано. Однако возможно, что эти изменения не просто дело грядущих дней, но уже произошли в значимой части мира.

Статья состоит из двух частей. В первой дается характеристика «этосу персоналиата» как составной части идеологии нового класса, претендующего на статус господствующего. Будет показано, как люди, разделяющие соответствующий набор ценностей и убеждений, уже занимают господствующее положение в университетах, СМИ и социальных сетях. Во второй части раскрыто, как в сфере борьбы за внимание складывается экстремальное неравенство, определяющее и положение конкретных лиц в социальной иерархии (престиж, авторитет и т.п.), и распределение экономических ресурсов и благ. При этом единицы обретают сверхвозможности, а огромные массы людей остаются ни с чем. Речь будет идти в основном о странах Запада, но не в том плане, что эти страны и все то, что

там происходит, образец для остального мира. Скорее, это вариант становящегося посткапиталистического общества, причем явно не самый лучший из возможных.

С методологической точки зрения данный текст можно отнести к марксизму лишь условно: главная цель его – подвергнуть сомнению многие, в том числе марксистские, представления о классовой структуре современного общества.

Посткапитализм и ценности персоналиата. Чисто внешне все выглядит как прежде. Налицо в западных странах та же рыночная экономика с ее узнаваемыми особенностями: социально-экономическое неравенство, погоня за деньгами, своекорыстное поведение финансистов и банкиров и т.п. Но в глубине многие вещи существенно меняются. Буржуазия влиятельна, но горизонты ее влияния ограничены универсумом (экономическим, культурным, социальным), который определяется капитализмом как специфической системой накопления материальных богатств (с культом материального богатства, бережливостью, трудолюбием и пр.). Закат капитализма, в частности, означает, что за пределами капиталистического универсума формируется и расширяется экономическая и соответствующая ей социокультурная реальность, где более значимыми оказываются ценности, определяемые не буржуазией.

Расширение «посткапиталистического универсума» обусловлено изменениями с обществом по мере деиндустриализации, улучшения жизни в материальном отношении, которое, несмотря на растущее неравенство, затрагивает всех [Pinker, 2018]. Посткапитализм, как мы отметили, подразумевает не просто производство «имматериального», но и возросшее значение личности как блага¹, удовлетворяющего массу потребностей (в самоуважении, самоактуализации и т.п.), а это, в свою очередь, означает стремление к расширению свободы творческого и не только самоутверждения конкретных индивидуальностей в этом мире. Р. Инглхарт отмечал, что в 1970-е гг. наблюдалась «тихая революция» как постепенное вытеснение материалистических ценностей постматериалистическими. Сытых и относительно обеспеченных людей все меньше беспокоили вопросы, связанные с выживанием и безопасностью (в том числе экономической); чаще они думали о таких вещах, как самореализация, свобода политического выбора, экология, гражданские права и т.д. [Inglehart, 1997]. Люди в западных странах становились (и, отмечу, до сих пор становятся) более терпимыми к иной сексуальности, религии, расе, к любым (законным) способам самореализации и проявления индивидуальности. Стало быть, политика идентичности (и сопутствующие феномены вроде идеологии «пробуждения» (woke [см.: Ramaswamy, 2021]), специфического понимания «социальной справедливости» и пр.) есть совокупность характерных симптомов-проявлений всеобщей «борьбы за самореализацию»².

Персоналиат стоял и стоит в авангарде посткапиталистической трансформации. Не только потому, что инициаторами дискурсов, о которых речь ниже, стали культурные элиты, среди которых немало тех, кто оказывает влияние на умы (от университетских преподавателей до медийных инфлюенсеров). Нахождение представителей персоналиата на «коммуникативной вершине» сочетается с рядом факторов, обуславливающих принятие и продвижение ими соответствующих ценностей. (1) Это в основном творческие личности, нацеленные на самопозиционирование в дискурсивном пространстве; отсюда преобладание среди них «личностного» (творческого, «экспрессивного») индивидуализма. (2) Это люди, занятные нематериальной деятельностью и не испытывающие особой нужды в материальных благах,

¹ Под «личностью» здесь подразумевается не столько человек как конкретное лицо или совокупность его индивидуальных качеств и черт, сколько социальное восприятие этого человека, образ, который может складываться сам собой и целенаправленно конструироваться.

² Многие критикуют политику идентичности за уничтожение подлинного либерального индивидуализма и за соответствующий трайбализм [Hicks, 2011; Pluckrose, Lindsay, 2020; Ramaswamy, 2021] и за авторитарные тенденции [Shapiro, 2021] и цензуру [Knowles, 2021]. Но, в сущности, эта политика и ее противоречия есть выражение интересов тех, кто свою потенциальную ущербность (ущемленность) конвертирует в набор привилегий [Scarry, 2020], а то и в повод для гордости (даже если речь, например, о морбидном ожирении, сокращающем продолжительность жизни). Кроме того, личностная идентичность подразумевает сочетание идентичностей групповых, так что здесь нет противоречия.

то есть те, чья «экзистенциальная безопасность» является в большинстве случаев гарантированной. (3) Среди персонала значительна доля образованных людей, обитателей университетских городков, где популярны прогрессистские, постмарксистские и постмодернистские идеи (так называемый «прикладной постмодернизм» [Pluckrose, Lindsay, 2020]), обуславливающие, в частности, политику идентичности (см. далее).

NB! Слово «посткапитализм» здесь и далее не означает нечто уже сформированное на руинах капитализма. Та или иная знаменитость (блогер, актер, писатель, популярный ученый и т.п.) может и, как правило, является частью капиталистического мира, имея доходы от рекламы или сотрудничая с брендами. Подчеркнем: капитализм и идущая на смену новая общественная формация не обязательно должны быть абсолютно антагонистичны по отношению друг к другу (к примеру, в эпоху предыдущей социальной революции никто не запрещал капиталисту быть и дворянином). Иными словами, частичная «зависимость» представителей персонала от капиталистической системы не означает, что ничто принципиальным образом не меняется. Необходимо опираться не на идею «разрыва», а на идею «синтеза», согласно которой старые и новые средства производства могут оказываться в одних и тех же руках. Популярный блогер может существовать на доходы от рекламы, но эти доходы – не капиталистическая прибыль в чистом виде (не результат эксплуатации наемных работников). Это своего рода «рента» с популярности. Попутно этот же блогер может получать пожертвования (донаты), которые воплощают собой некапиталистическую логику личной преданности, благодарности поклонников. О некапиталистической сущности экономики творчества и специфике борьбы за внимание см. вторую часть статьи.

В мире, в котором борьба за самореализацию важнее борьбы за материальные блага, главное – *предоставить каждому максимальный выбор* там, где раньше выбирать не приходилось. Сексуальность, раса, пол, гендер являются частью конструируемого «я». Даже там, где выбор был ограничен двумя-тремя вариантами, появляется масса альтернатив (не 2 гендера, а 50 по версии Facebook³). Как пишет сексолог и критик гендерных теорий и «исследований» Д. Со, «гендер стал модным, и быть кем-то другим, кроме мужчины или женщины, звучит экзотично; человек кажется интересным и прогрессивным. Просто будучи известным как небинарный или агендерный или использующий местоимения «они/их» (they/them), он немедленно сообщает другим людям, что отличается от других и является в некоторой степени особенным, исключением из правил...» [Soh, 2020: 47]. Одна из блогеров(ок) в TikTok, которую приметил консервативный критик политики идентичности Б. Шапиро, себя характеризует так: «Я Коды (местоимение он/она/оно/они). Я белая трансмаскулинная женщина, небинарная, непостоянная, обсессивно-компульсивная, хронически больная, культурный еврейский унитарист, немоногамная, демиромантичная, грейдемибисексуальная, переживающая острую сложную травму, миллениал, родитель кота, выздоравливающего после травмы»⁴. И это не единичный случай таких характеристик среди медийных персон. Архив соответствующей рубрики Б. Шапиро насчитывает сотни специфически выглядящих деятелей из социальных медиа: от того, кто говорит о либрагендере (разница между статичным и флюидным гендером)⁵, до людей, выражающих себя как пони («если они говорят, что они пони, кто вы такой, чтобы говорить, что это не так?»)»⁶.

³ Принадлежит Meta Platforms (признана в России экстремистской организацией и запрещена).

⁴ Реакция на TikTok #2 | Бен Шапиро. URL: https://www.youtube.com/watch?v=vw_BAOP_Z7s (дата обращения: 05.04.2022).

⁵ Цитата: «Еще у нас есть либра флюиды, которые чувствуют себя в основном представителями агендера с небольшой связью с другим полом, которая колеблется между другими гендерами. Они чувствуют сильную связь с агендером, а другая часть их пола ощущается как текучая. Одна часть всегда будет чувствовать себя агендером, а другая будет колебаться между мужским и женским полом» (Бен Шапиро | ТикТокерша объясняет: Кто такой Либрагендер? URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LLmwqP3-t-Y> (дата обращения: 05.04.2022)).

⁶ Бен Шапиро | Фестиваль Человеческих Пони. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BJgflLqHBdc> (дата обращения: 05.04.2022).

Суть здесь не только в политике идентичности. Преобладание постматериалистических ценностей подразумевает специфические приоритеты у тех, кто их разделяет. Те, кого не сильно заботит «экономическая сторона» жизни, больше внимания уделяют вещам вроде борьбы с глобальным потеплением или за права животных. Они обладают набором представлений о том, что хорошо, а что плохо. Эти представления преимущественно идеалистические. Такие люди, как правило, будут смотреть на мигрантов не как на потенциальную угрозу (ассоциируемую с контрабандой наркотиков, ростом преступности, вытеснением местной рабочей силы), а как на равных себе людей, которые должны обладать всеми правами, даже теми, которыми наделены граждане принимающей страны (отсюда озабоченность правых критиков относительно потенциальной «смерти американского гражданина» [Hanson, 2021]). Д. Гудхарт называет таких людей классом Anywheres (anywhere – где угодно), противопоставляя их классу Somewheres (somewhere – где-то). Для первых мир открыт и приветлив, у них хорошее образование и они востребованы, толерантны и мобильны, принимают новые ценности «социальной справедливости» и политики идентичности, не имеют ничего против глобализации. Разумеется, медиаповестка сегодня в западных странах чаще формируется представителями класса Anywheres (см. ниже). Somewheres, напротив, зависят от местных сообществ и социального государства, более консервативны (нужда в экономических благах способствует привычному распределению семейных ролей), воспринимают мигрантов как конкурентов, на космополитизм смотрят как на предательство национальных интересов (и, в частности, на способ разрушить местную промышленность). Д. Гудхарт показывает, что Somewheres выступили за Брекзит (см.: [Goodhart, 2017]). К Somewheres можно отнести американский белый рабочий класс [Williams, 2017], реднеков, поддержавших в 2016 г. Д. Трампа⁷.

Новый ценностный раскол. Классовое господство бывает двух разновидностей. Новый господствующий класс может эксплуатировать антагонистическую «противоположность» (патриций-плебей, рабовладелец-раб, феодал-крестьянин, буржуа-рабочий). Но существует и «межформационное» господство, когда «возвышающиеся» классы вытесняют старые классы на свалку истории. О первом антагонизме речь в следующей части статьи. Сейчас обращаю внимание на второй. Не обязательно сегодня в реалиях должно иметь место нечто вроде огораживаний⁸. Установление господства персоналиата и тех, кто на него равняется (разделяет ценности, подражает), уже происходит в силу его дискурсивного доминирования и продвижения им ценностных установок, складывающихся в классовый этос. На ценностном уровне – настоящий раскол.

Противоречие между Anywheres и Somewheres – часть картины. Здесь масса проблем. Например, захватившая развитые страны «прогрессивная» экологическая повестка, опирающаяся на зыбкие научные основания (ученые, стоящие на консервативных позициях, приводят аргументы, опирающиеся на анализ массива данных, согласно которому возможные последствия глобального потепления, как минимум, преувеличиваются (см., напр.: [Shellenberger, 2020; Morano, 2021])). Зеленая повестка блогеров, университетских лидеров мнений и «прогрессивных» активистов вроде Греты Тунберг, уже привела Европу (а то и весь западный мир) к острому энергетическому кризису (чего стоит постепенное закрытие в Германии АЭС), оставила многих представителей рабочего класса без работы (что прибавило Д. Трампу и популистам политических очков). Консервативные критики, разумеется, в меньшинстве, так как «левая» (насколько современные «левые» левые – тема отдельного разговора) зеленая повестка заразительна и быстро подхватывается лидерами мнений (Леонардо Ди Каприо, Эмма Уотсон и многие другие). В конце концов, это модно.

⁷ В этом смысле условный «холодильник» оказался более значимым, чем условный «телевизор», точнее – весь медиа истеблишмент, который агрессивно выступал против Брекзита и против Трампа. Надолго ли этого хватит? Напомним, в 2021 г. Трамп проиграл на выборах под ликование селебрити и прочих лидеров мнений.

⁸ Насильственная ликвидация общинных земель в Европе на раннем этапе капитализма.

Серьезные проблемы имеет политика идентичности, которая благодаря постмодернистской риторике переросла в идейный тоталитаризм, когда попытка усомниться в представлении о мире, присущем многочисленным «жертвам» белых гетеросексуальных цисгендерных мужчин, преследуется отрядами «полиции мыслей» («воинами социальной справедливости») в реальности (травля людей, якобы «оскорбивших» привилегированных жертв [Murragy, 2019]) и в социальных сетях (среди проникшихся распространенной в Кремниевой долине идеологией «креативности» и «свободы самовыражения» представителей BigTech подавляющее большинство – постматериалисты, которые распоряжаются потоками внимания тайно [Hawley, 2021], но в основном плывя по течению тренда, формируемого персоналиатом [Knowles, 2021]). Так, борьба с расизмом переросла во встречный расизм [McWhorter, 2021], когда «цветные» становятся более привилегированными, а белым остается следовать речевым правилам, дабы никого ненароком не обидеть, это может повлечь за собой т.н. «отмену» – публичную травлю с лишением работы и «отзывом» званий и достижений [Dershowitz, 2020]. В атмосфере повсеместного восхваления (желательно чернокожих) женщин (просто потому что они женщины), мигрантов, трансгендеров, представителей ЛГБТК+ сообщества наиболее неодобряемой, а то и демонизируемой и (само)презираемой, в медиапространстве социальной группой оказываются белые мужчины, которые по факту в эпоху автоматизации производства и составили большинство беднеющих или ставших безработными рабочих и представителей редющего среднего класса. П. Коллиер отмечает: «обычным белым представителям рабочего класса не присваивали достоинства “жертвы”». Вот что пишет *National Review*, издание сто-процентно WEIRD-овское⁹, по поводу снижения продолжительности жизни в этой группе: «они заслуживают того, чтобы умирать». Видимо, хотя все жертвы равны, некоторые «равнее» прочих» [Коллиер, 2021: 35]¹⁰.

Основная проблема политики идентичности заключается в опасном сближении с ней марксизма и левых. Сегодня на Западе «левые» – те, кто забыли о классической классовой борьбе. По сути, дискурсы постматериалистов, продвигаемые персоналиатом, вытесняют из повестки старую проблематику социально-экономического неравенства, безработицы, условий труда и прочего. О вытеснении класса дискурсом [Кагарлицкий, 2017] пишут марксисты, стоящие на привычных «традиционных» позициях, и правые, для кого специфическая «левизна», игнорирующая проблемы white working class, является поводом для ехидства (дескать, старая промышленная буржуазия хотя бы разговаривала на одном языке с представителями рабочего класса, думая о расширении производства, инвестициях, а не о векторах флюидности гендера) (см., напр.: [Pluckrose, Lindsay, 2020; D'Souza, 2020]). Как отметил В.Д. Хансон, «в Соединенных Штатах <...> белые бедняки являются самой крупной обедневшей этнической группой, и она больше, чем все другие группы бедных меньшинств вместе взятые. Короче говоря, нынешний воин за социальную справедливость, очевидно, не хотел бы сочувствовать шахтеру из Западной Вирджинии, а вместо этого предпочитает внимательно слушать ведущего CNN Дона Лемона или миллиардера-рэпера Jay-Z» [Hanson, 2021].

Дискурсивное господство. Данная статья не о ценностном расколе между «прогрессивными» постматериалистами и остальными не вписавшимися в тренд, а о персоналиате. Эти социальные прослойки пересекаются, но не идентичны. Первая группа выделяется по критерию разделяемых ценностей и приоритетов, вторая – по доступу к важнейшему сегодня ресурсу, *внимание* общественности. Выше отмечено, что среди персоналиата преобладают указанные «прогрессивные» ценности, но это требует дополнительного обоснования. Сделать это не так сложно, как может показаться. В США, например, описанный

⁹ WEIRD: Western – западный, Educated – образованный, Industrial – промышленный, Rich – богатый и Developed – развитый; в английском языке слово «weird» означает также «странный», «причудливый» [Коллиер, 2021: 27].

¹⁰ О снижении продолжительности жизни представителей белого рабочего класса, других серьезных социальных проблемах, с которыми столкнулись его представители, см.: [Case, Deaton, 2020].

выше ценностный раскол проходит по линии разделения дискурсов Демократической и Республиканской партий (не ограничиваясь этим участком публичного дискурса). Многие наблюдают, как левая повестка в Демократической партии (скажем, о социально-экономическом неравенстве, которую поднимает Б. Сандерс) выталкивается на обочину «леваческими» повестками о правах чернокожих, трансгендеров, глобальном потеплении и т.п. [D'Souza, 2020]. Республиканцы, напротив, постепенно сближаются с рабочим классом, причем их неприятие активной роли государства (включая неприятие «перераспределительной» политики) не мешает получать голоса беднеющих слоев населения¹¹. Есть основания считать, что подобный ценностный раскол наблюдается и между сторонниками Лейбористской и Консервативной партий Великобритании [Goodhart, 2017].

Чтобы обнаружить дискурсивное господство персоналиата, исповедующего постматериалистические и «прогрессивные» ценности (сделаем это на примере США, которые являются ориентиром для остального Запада), нужно понять, преобладают ли среди тех, кто «созидает» публичные дискурсы, демократы. Как известно, среди населения в целом число сторонников той и другой партии примерно одинаково (на последних президентских выборах небольшой перевес был у демократов). Любое сильное отклонение в сторону представительства демократов в публичном дискурсе, учитывая контекст, будет свидетельствовать, что один класс со специфическим мировоззрением и мироощущением имеет преимущество и навязывает остальным свою классовую идеологию.

Начнем с университетских городков: там зародились, развились и пошли по-западному (и не только) миру постмодернистские и постмарксистские дискурсы [Scruton, 2017] с их социально-лингвистическим и конструктивистским описанием реальности. В исследовании 2016 г., в котором изучалась регистрация избирателей среди профессоров в сорока ведущих американских университетах по пяти дисциплинам, соотношение демократов к республиканцам составило 4,5 (экономика), 33,5 (история), 20 (журналистика), 8,6 (право) и 17,4 (психология). В двадцати учебных заведениях доля профессоров-республиканцев близка к нулю [Langbert et al., 2016: 422]. То же касается управленцев. Как отмечает В. Рамасвами, «сегодня администрация университетов, как правило, монолитна в своих политических взглядах, препятствуя свободному обмену разнообразными идеями в университетах. Сэмюэл Абрамс из Американского института предпринимательства обнаружил, что либеральные сотрудники превосходят по численности своих консервативных коллег в удивительном соотношении 12:1. И все же по иронии судьбы эта тенденция была максимальна по отношению к множасьимся администраторам "по разнообразию"» [Ramaswamy, 2021: 67]. Профессорско-преподавательский состав, к примеру, Гарварда перекошен в «левую» сторону. Из 236 представителей факультета искусств и наук Гарвардского университета, ответивших на вопрос о политических пристрастиях в опросе преподавателей The Crimson за 2021 год, семь (3%) назвали себя «в какой-то степени» или «очень консервативными» по сравнению со 183, назвавшими себя «в какой-то степени» или «очень либеральными»¹². Гарвард не исключение. Согласно опросу Yale Daily News за 2017 г., консервативное представительство среди преподавателей Йельского университета немногим превышает представительство в Гарварде. Из 314 респондентов

¹¹ Bloomberg: «Обычно мы делим электоральную карту на красный и синий состояния, и класс – это особенность, если не ключевая особенность этого разделения. То, что мы наблюдаем, является не чем иным, как большим переворотом политической географии Америки. Еще со времен Рузвельта и Нового курса рабочий класс "синих воротничков" когда-то составлял костяк демократического электората, но сегодня штаты с большим количеством рабочего класса прочно перешли в лагерь республиканцев. И синие штаты стали теми, где преобладают знания, профессионалы и деятели культуры, составляющие творческий класс» (Why Is Your State Red or Blue? Look to the Dominant Occupational Class // Bloomberg CityLab. 2018. November 29. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-11-28/how-occupational-class-influences-u-s-voting-patterns> (дата обращения: 05.04.2022)).

¹² 'An Endangered Species': The Scarcity of Harvard's Conservative Faculty // The Harvard Crimson. 2021. April 9, 2021. URL: <https://www.thecrimson.com/article/2021/4/9/disappearance-conservative-faculty/> (дата обращения: 05.04.2022).

7% преподавателей назвали себя консерваторами (читай – сторонниками Республиканской партии)¹³. Директор по исследованиям Heterodox Academy Ш. Стивенс и профессор Бруклинского колледжа М. Лангберт провели исследование, опубликованное Национальной ассоциацией ученых. Они изучили политические пожертвования 12 372 профессоров колледжей в университетах 31 штата и округа Колумбия в течение двух избирательных циклов 2015–2016 и 2017–2018 гг. 2112 сделали политические пожертвования, 2081 из которых направлены демократам. 22 из 2112 профессоров жертвовали республиканцам. Девять профессоров «донатили» республиканцам и демократам. Соотношение «профессоров-демократов» к «профессорам-республиканцам» 95:1¹⁴.

Рождающиеся и получающие развитие в университетских городках идеи распространяются выпускниками (прежде всего элитных) колледжей: проникают в мир бизнеса и искусства, в медиа. Многие комментаторы (напр.: [Soukup, 2021; Ramaswamy, 2021]) утверждают, что корпорации в США перестают выполнять главную «капиталистическую» функцию максимизации прибыли (так называемый капитализм заинтересованных сторон). Место привычных инвесторов занимают «моральные» инвесторы, выражающие озабоченность, которая варьируется от окружающей среды, женских проблем, абортов, обращения с лабораторными животными и порнографии до соблюдения арабского бойкота Израиля. Борцами за «социальную справедливость» становятся руководители крупнейших компаний по управлению активами вроде BlackRock. Государственные пенсионные фонды (типа CalPERS) активнее инвестируют в зачастую сомнительные рискованные «зеленые» проекты. Наиболее эффективный способ воздействия на бизнес сегодня – шумиха в СМИ и влияние на репутацию, с чем хорошо справляются те, кто имеет свои «участки внимания». Так, крупная правозащитная организация Human Rights Campaign (HRC) влияет на корпоративный мир путем построения «Индекса корпоративного равенства», оценивающего компании по их принятию и продвижению лесбиянок, геев, бисексуалов, транссексуалов и квир (ЛГБТК+) мужчин и женщин. Индекс корпоративного равенства стал проблемой компаний, которые хотят избежать ярлыка «гомофобных» и делают все, чтобы заключить союз с HRC [Soukup, 2021: 86].

Дискурсивное господство придерживающегося Демократической партии персонала наблюдается среди журналистов. Согласно исследованию, проведенному профессорами Университета Индианы Л. Уиллнатом и Д.Х. Уивером, доля штатных американских журналистов, называющих себя республиканцами, снизилась с 18% в 2002 до 7,1% в 2013 г. В 1971 г., когда опрос проводился впервые, около 25,7% опрошенных журналистов назвали себя республиканцами¹⁵. В 2016 г. The Center for Public Integrity выявил около 430 репортеров и редакторов, занимающих различные должности в журналистике, которые внесли свой вклад в избирательные кампании с января 2015 по август 2016 г. Из 396 000 долларов, которые они пожертвовали, 96% (382 000) достались Х. Клинтон¹⁶. Подобных исследований проведено большое количество с акцентом на пожертвования или на прямую партийную идентификацию, и результаты были схожими¹⁷.

Постматериалистическая и «прогрессивная» «дискурсивная империя» персонала охватила все медиaprостранства, включая искусство и блогосферу (в искусстве этос личностного индивидуализма и свободы самовыражения/самореализации преобладает). Например, в 2016 г. (источник – Федеральная избирательная комиссия США) в визуальном

¹³ Ibid.

¹⁴ STUDY: Profs donate to Dems over Republicans by 95:1 ratio // Campus Reform. 2020. January 22. URL: <https://www.campusreform.org/?ID=14255> (дата обращения: 05.04.2022).

¹⁵ Survey: 7 percent of reporters identify as Republican // Politico. 2014. June 5. URL: <https://www.politico.com/blogs/media/2014/05/survey-7-percent-of-reporters-identify-as-republican-188053> (дата обращения: 05.04.2022).

¹⁶ Fact check: Do 97 percent of journalist donations go to Democrats? // Fact check. 2017. August 16. URL: https://ballotpedia.org/Fact_check/Do_97_percent_of_journalist_donations_go_to_Democrats (дата обращения: 05.04.2022).

¹⁷ Ibid.

искусстве (фотографы, дизайнеры, скульпторы, иллюстраторы и пр.) соотношение демократов к республиканцам было 84:16, в киноиндустрии и сценическом производстве 93:7; среди редакторов (в книжной и журнальной индустрии) 92:8¹⁸. Все это контрастирует с «приземленными» группами. Среди шахтеров данное соотношение 10:90, среди работников нефтяной промышленности 89:11, в сельском и лесном хозяйстве 28:72, в сфере строительства 35:65¹⁹. Иными словами, с правыми республиканцами у современных американских рабочих больше общего, чем с «левыми» демократами. **Персоналиат отчужден от рабочего класса в еще большей степени, чем буржуазия.** Похожая ситуация в Великобритании. По данным Британского опроса социальных установок с 2010 по 2015 год, наиболее «левыми» (под левыми стоит понимать тех, кто придерживается «прогрессивных» и постматериалистических ценностей) являются работники культуры и творческих профессий, которые позиционируются как самые либеральные. К правым можно отнести занятых в сельском хозяйстве, финансах, горной промышленности²⁰.

В социальных медиа тоже наиболее активны демократы. Исследование Pew Research Center показывает, что 10% взрослых пользователей создали 92% публикаций в Twitter и 69% плодовитых пользователей называют себя демократами или независимыми сторонниками демократов. 10% самых активных демократов генерируют примерно в два раза больше твитов в месяц (157), чем 10% самых активных республиканцев (79). На среднего демократа подписано 32 человека, а за средним республиканцем следует 21 пользователь²¹.

* * *

По данным преимущественно из США (они экстраполируются и на большую часть современного Запада) мы наблюдаем феномен нового ценностного и классового раскола, который порождается не привычными экономическими факторами вроде извлечения прибавочной стоимости, а чем-то другим. Можно под этим «другим» подразумевать культуру. Но это будет неточной характеристикой. Экономика не исчезает, она трансформируется, увлекая за собой социально-классовую структуру. Все логично. Если будущее преимущественно за творчеством и производством «нематериальных» ценностей (идеи, концепции, произведения искусства и т.п.), оно также за яркими личностями, которые благодаря нетривиальной деятельности (ее можно по-разному оценивать) способны «производить» сами себя, притягивая больше внимания и распоряжаясь им как ресурсом. Разумеется, яркие творческие личности, скажем, из богемных районов Нью-Йорка, которые в центре внимания или стремятся к этому, вряд ли будут разделять ценности и представления о мире, что простые трудящиеся или жители глубинки. Они подхватывают и продвигают постматериалистические и «прогрессивные» дискурсы. Их медийное доминирование свидетельствует об установлении господства новой классовой идеологии, которую, как мы убедились, готовы приветствовать далеко не все.

Это один из аспектов нового классового господства. По сути, пока мы лишь подчеркнули, что новая классовая идеология враждебна к уходящему в прошлое буржуазному миру, в котором занятым образом рабочий и капиталист стали ближе друг к другу. Этим классовое господство персоналиата не исчерпывается. Если мы движемся к новой антагонистической общественной формации, то должны быть и внутренние противоречия (антагонизмы) в рамках устанавливающихся общественных отношений. Об этом вторая часть нашей статьи.

¹⁸ Democratic vs. Republican occupations // Verdant Labs. 2016. URL: http://verdantlabs.com/politics_of_professions/index.html (дата обращения: 05.04.2022).

¹⁹ Ibid.

²⁰ Panic! Social Class, Taste and Inequalities in the Creative Industries. 2019. URL: <https://www.culturehive.co.uk/wp-content/uploads/2019/05/Panic-Social-Class-Taste-and-Inequalities-in-the-Creative-Industries1-6.pdf> (дата обращения: 05.04.2022).

²¹ Differences in How Democrats and Republicans Behave on Twitter // Pew Research Center. 2020. October 15. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2020/10/15/differences-in-how-democrats-and-republicans-behave-on-twitter/> (дата обращения: 05.04.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 18–28. [Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2019) Transformations of the social structure of late capitalism: from the proletariat and the bourgeoisie to the precariat and the creative class? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 18–28. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S013216250003744-1.
- Давыдов Д.А. Посткапитализм и классовая трансформация в современном обществе: от класса-освободителя к новому антагонизму? // Социологические исследования. 2021а. № 6. С. 3–13. [Davydov D.A. (2021a) Post-capitalism and class transformation in modern society: from a liberating class to a new antagonism? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 3–13. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S013216250014309-2.
- Давыдов Д.А. Ценностные основания посткапитализма: от «модуса обладания» к индивидуализму самореализующихся личностей // Социологические исследования. 2021б. № 12. С. 78–90. [Davydov D.A. (2021b) Value foundations of post-capitalism: from the “mode of possession” to the individualism of self-fulfilling personalities. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 78–90. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S013216250016429-4.
- Кагарлицкий Б.Ю. Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма. М.: ВШЭ, 2017. [Kagarlitsky B.Yu. (2017) *Between Class and Discourse: Left Intellectuals in Defence of Capitalism*. Moscow: VSHE. (In Russ.)]
- Коллиер П. Будущее капитализма. М.: Ин-т Гайдара, 2021. [Collier P. (2021) *The Future of Capitalism*. Moscow: In-t Gaidara. (In Russ.)]
- Bastani A. (2019) *Fully Automated Luxury Communism*. New York: Verso.
- Case A., Deaton A. (2020) *Deaths of Despair and the Future of Capitalism*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Dershowitz A. (2020) *Cancel Culture: The Latest Attack on Free Speech and Due Process*. New York: Hot Books.
- D’Souza D. (2020) *United States of Socialism: Who’s Behind It. Why It’s Evil. How to Stop It*. New York: All Points Books.
- Goodhart D. (2017) *The Road to Somewhere: The Populist Revolt and the Future of Politics*. London: C. Hurst & Co.
- Gorz A. (2010) *The Immaterial: Knowledge, Value and Capital*. New York, London: Seagull Books.
- Hanson V.D. (2021) *The Dying Citizen: How Progressive Elites, Tribalism, and Globalization Are Destroying the Idea of America*. New York: Basic Books.
- Hawley J. (2021) *The Tyranny of Big Tech*. Washington, D.C.: Regnery Publishing.
- Hicks S.R.C. (2011) *Explaining Postmodernism. Skepticism and Socialism from Rousseau to Foucault*. Ockham’s. Roscoe, IL: Ockham’s Razor.
- Inglehart R. (1997) *Modernization and Postmodernization*. Princeton: Princeton University Press.
- Knowles M. (2021) *Speechless: Controlling Words, Controlling Minds*. Washington, D.C.: Regnery.
- Langbert M., Quain A.J., Klein D.B. (2016) Faculty Voter Registration in Economics, History, Journalism, Law, and Psychology. *Econ Journal Watch*. No. 13(3): 422–451.
- Mason P. (2017) *Postcapitalism: A Guide to Our Future*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
- McWhorter J. (2021) *Woke Racism: How a New Religion Has Betrayed Black America*. New York: Portfolio.
- Morano M. (2021) *Green Fraud: Why the Green New Deal Is Even Worse than You Think*. Washington, D.C.: Regnery Publishing.
- Murray D. (2019) *The Madness of Crowds: Gender, Race and Identity*. London: Bloomsbury Continuum.
- Pinker S. (2018) *Enlightenment Now: The Case for Reason, Science, Humanism, and Progress*. New York: Viking.
- Pluckrose H., Lindsay J. (2020) *Cynical Theories: How Activist Scholarship Made Everything about Race, Gender, and Identity – and Why This Harms Everybody*. Durham, DC: Pitchstone.
- Ramaswamy V. (2021) *Woke, Inc.: Inside Corporate America’s Social Justice Scam*. New York: Center Street.
- Rifkin J. (2015) *The Zero Marginal Cost Society: The Internet of Things, the Collaborative Commons and the Eclipse of Capitalism*. New York: Palgrave.
- Scarry E. (2020) *Privileged Victims: How America’s Culture Fascists Hijacked the Country and Elevated Its Worst People*. New York: Bombardier Books.
- Scruton R. (2017) *Fools, Frauds and Firebrands: Thinkers of the New Left*. London: Bloomsbury.
- Shapiro B. (2021) *The Authoritarian Moment: How the Left Weaponized America’s Institutions Against Dissent*. New York: Broadside Books.
- Shellenberger M. (2020) *Apocalypse Never: Why Environmental Alarmism Hurts Us All*. New York: Harper.
- Soh D. (2020) *The End of Gender: Debunking the Myths about Sex and Identity in Our Society*. New York: Threshold Editions.

- Soukup S.R. (2021) *The Dictatorship of Woke Capital: How Political Correctness Captured Big Business*. New York: Encounter Books.
- Srnicek N., Williams A. (2016) *Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work*. New York: Verso.
- Williams J.C. (2017) *White Working Class: Overcoming Class Cluelessness in America*. Boston: Harvard Business Review Press.

Статья поступила: 18.04.22. Финальная версия: 18.05.22. Принята к публикации: 30.05.22.

CLASS DOMINATION IN THE ERA OF POST-CAPITALISM: Part 1. The Ethos of the Personalist

DAVYDOV D.A.

Institute of Philosophy and Law of UB RAS, Russia

Dmitry A. DAVYDOV, *Cand. Sci. (Polit.)*, Senior Research Fellow, Institute of Philosophy and Law of UB RAS, Yekaterinburg, Russia (davydovdmitriy90@gmail.com).

Abstract. The article examines the prospects for the transformation of the class structure in the era of post-capitalism. The class structure of modern Western society, so the author, ceases to correspond to Marx' ideas about the unquestioning domination of the bourgeoisie and the presence of the main antagonism between the capitalists and the working class. On the upper floors of the social hierarchy there is already the personalist – a class consisting of people whose main resource is popularity and attention. The first part of the article explores the discursive aspect of the hegemony of the personalist. Like any leading class, the personalist has its own class ideology, consisting of a cult of self-expression, as well as “progressive” post-materialist values that form the core of identity politics and the basis of ecological discourses. This ideology comes into direct conflict with the realities of the “leaving” classes. In these conditions, a growing proportion of representatives of the working class and the bourgeoisie are united by conservative values and a “materialistic” worldview.

Keywords: post-capitalism, the personalist, social revolution, post-materialism, Marxism, class analysis, social stratification, class ideology.

Received: 18.04.22. Final version: 18.05.22. Accepted: 30.05.22.

© 2022 г.

ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Стремительно меняющаяся реальность требует своевременного реагирования на происходящие в стране и мире трансформации, диктуя научному сообществу поиск новых подходов к анализу ситуаций и контекстов. Прошедшая впервые без участия Леокадии Михайловны Дробижевой пятая Всероссийская научно-практическая конференция «Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации» (28–29 апреля 2022 г., Казань) была приурочена к годовщине ее смерти. Обсуждение строилось вокруг таких тем, как сущность общероссийской, региональной, локальной и этнической идентичностей; язык и языковая политика; религиозные процессы; межэтнические отношения и роль научного, экспертного сообществ в их регулировании. Ответом на актуальные вызовы российскому обществу стала рефлексия о социальных ресурсах его развития, будущем России и путях научного осмысления новой социальности.

Проблемный характер обсуждения общероссийской идентичности задал **Э.А. Паин** (ИС ФНИСЦ РАН), подчеркнувший ее нетождественность гражданской идентичности, связанной с ответственностью и реальными действиями. Он усомнился в наличии прямой зависимости гражданской идентичности от высоких значений консолидации общества, отметив ее большую корреляцию с гражданской культурой и степенью интерактивности взаимодействия граждан. Вопрос о содержательном наполнении концепта подняла **М.М. Мchedлова** (ИС ФНИСЦ РАН), связав сложности в трактовке общероссийской идентичности с «дихотомией двух методологических и идейно-дискурсивных подходов» – цивилизационного (связанного с культурой, традицией) и конструктивистского.

Анализируя проявления этнической идентичности на примере различных регионов, участники конференции отметили справедливость положения Л.М. Дробижевой о возможности ее непротиворечивого совмещения с общероссийской, о влиянии на это соотношение совокупности многих, в т.ч. исторических и экономических факторов (**З.В. Анайбан, Г.С. Зеленева, Д.А. Камалетдинов, Е.А. Коджа, К.О. Сиразетдинов, Р.Р. Фаттахова**).

Исследователи рассуждали о реальности позитивного воздействия этнической идентичности на психологическое благополучие социальных субъектов, обращались к рассмотрению роли интернет-сообществ в их воспроизведении. Вместе с тем определилась дискуссия о значимости сохранения строгости терминологического аппарата в связи с тенденцией обозначения данным термином явлений, относящихся к идентификации с территорией (**В.Н. Галяпина, М.А. Жигунова, Э.А. Паин, В.Н. Муха, Н.В. Ткачук**).

Рефренной выступила тема языков народов России и государственной языковой политики. Докладчики проблематизировали вопросы языковой ассимиляции в регионах и связанной с этим смены родного языка на русский, в том числе среди представителей народов, давших название национальным субъектам РФ, несоответствия официально-го статуса и реального функционирования языков республик, влияния (рассмотренного на примере Саха (Якутии) обозначенных процессов на этническую идентификацию и межэтническое взаимодействие. Проблематика русского языка раскрывалась в аспекте российской идентичности, экспертных трактовок его роли в социокультурном пространстве страны, обучения ему детей мигрантов в школах РФ (в частности, в сравнении

с преподаванием итальянского языка иноэтничным учащимся в школах Италии) (**Е.М. Арутюнова, Л. Бомбиери, Р.Р. Галлямов, Н.И. Иванова, Э.Ф. Идрисова, Л.В. Намруева, Л.Р. Низамова, Н.А. Рябиченко, Ф.Г. Сафин, А.И. Халиуллина**).

Особое внимание уделялось вопросам обеспечения межэтнического мира и согласия в российском обществе. На материалах исследований в Хабаровском крае, Тюменской и Саратовской областях, а также в республиках Марий Эл и Саха (Якутия), докладчики подчеркнули стабильность межэтнической ситуации в регионах, указав на наличие отдельных точек напряжения, связанных с иноэтничными мигрантами, бытовыми проявлениями этнической неприязни, нерешенностью социально-экономических проблем. Обсуждались концепты определения конфликтогенности межэтнического взаимодействия, роль научного сообщества в обеспечении благоприятной коммуникации представителей разных этнических групп, вопросы эффективности управленческих решений и реального влияния социологических данных на межэтнические процессы, сложности измерения этого влияния (**Е.П. Антонов, О.А. Богатова, Е.А. Ерохина, Н.П. Лысыкова, С.А. Мадюкова, З.А. Махмутов, С.Г. Максимова, Д.А. Омельченко, О.В. Орлова, Ю.В. Попков, С.Ю. Рычков, Н.В. Рычкова, Н.Г. Хайруллина, Ю. Шишватова, Е.Ю. Щеголькова, А.А. Эндрюшко**).

Отдельным направлением обсуждения проблематики межэтнических отношений стала специфика их изучения этнопсихологическими методами. Оно было открыто пленарным докладом **Н.М. Лебедевой** (НИУ ВШЭ), в котором был представлен 30-летний опыт изучения межкультурных отношений в постсоветских государствах и выявлено значение контекстуальных (цивилизационных, политических, социальных, личностных) характеристик формирования и трансформации идентичностей населения бывших союзных республик в этническом и поколенческом (среди родившихся в советское и постсоветское время) разрезе.

Обсуждение религиозных процессов выстроилось вокруг переосмысления теории и практик постсекулярного общества. Исследователи подчеркнули неоднозначность, многовекторность современной религиозности россиян (**Д.М. Гараев, О.В. Доржигушаева, И.А. Мухаметзарипов**).

Таким образом, на юбилейной конференции намечилось расширение ракурсов рассмотрения традиционной для отечественной этносоциологии проблематики. Главной же особенностью мероприятия стало обращение к более широкому кругу тем с учетом стоящих перед российским обществом задач, в числе которых последствия COVID-19 (**А.Н. Татарко**).

Вторая тема – поиск подходов к изучению нематериальных ресурсов развития России и регионов в условиях формирования нового миропорядка (**Е.В. Морозова, М.В. Назукина**). Возможности картографирования этнополитических конфликтов – в контексте задачи укрепления мира в российском государстве и на его границах – раскрыла в пленарном докладе **И.С. Семененко** (ИМЭМО РАН). Ее напоминание о постоянном стремлении Л.М. Дробижевой к осмыслению позитивных практик их урегулирования, как и построения взвешенной этносоциальной политики в целом, прошло красной нитью в докладах других участников конференции, рассуждавших о потенциале разных сегментов социальности в Российской Федерации.

Важной оказалась озвученная в ходе конференции критическая рефлексия по поводу исследовательского поля. В докладе **А.Р. Гарифзяновой** (КФУ), посвященном трудностям рекрутинга женщин-мусульманок и этическим дилеммам коммуникации с ними, проблематизировалось влияние на ход исследования существующих стереотипов, религиозной и этнической «принадлежности» ученого, его одежды во время интервью, использования родного языка информанта и т.д. Активную дискуссию вызвал вопрос **А.Г. Селезнева** (Сибирский филиал ИКиПН) о конструировании социальных проблем научным дискурсом и навязывании им ярлыков (к примеру, касающихся индексов человеческого развития российских регионов).

Мероприятие раскрыло спектр проблем этносоциального развития российских регионов, требующих адекватных инновационных подходов и инструментов их изучения в широком контексте, наметило пути более оперативного реагирования исследовательского

сообщества на новую социальную реальность. Пример искреннего служения своему делу и Отечеству продолжает подавать исследователям личный и творческий путь Леокадии Михайловны Дробизевой.

Г.Ф. ГАБДРАХМАНОВА, Г.И. МАКАРОВА

ГАБДРАХМАНОВА Гульнара Фаатовна, д. социол. н., доц., зав. отд. этнологических исследований (medi54375@mail.ru); МАКАРОВА Гузель Ильясовна, д. социол. н., доц., гл. науч. сотр. (makarova_guzel@mail.ru). Обе – Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Россия.

DOI: 10.31857/S013216250020367-6

STUDIES OF ETHNOSOCIAL PROCESSES IN RUSSIAN REGIONS

Gulnara F. GABDRAKHMANOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Head of Department of Ethnology (medi54375@mail.ru); Guzel I. MAKAROVA, Dr. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Chief Researcher (makarova_guzel@mail.ru). Both – Institute of History named after Sh. Mardjani, Kazan, Russia.

© 2022 г.

О XIII УРАЛЬСКОМ ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ ФОРУМЕ

В Екатеринбурге на базе Института экономики УрО РАН (ИЭ УрО РАН) 2–3 июня 2022 г. состоялся Уральский демографический форум «Глобальные вызовы демографическому развитию». В его работе приняли участие более 170 человек из России, Сербии, Казахстана, Таджикистана, Кыргызстана, Узбекистана, Беларуси.

С приветственными словами Форум открыли: председатель Оргкомитета, заслуженный экономист **О.А. Козлова** (ИЭ УрО РАН), директор ИЭ УрО РАН **Ю.Г. Лаврикова**, чл.-корр. РАН **М.Ф. Черныш** (ФНИСЦ РАН), чл.-корр. РАН **С.В. Рязанцев** (ИДИ ФНИСЦ РАН), **А.В. Гусев** (Национальная родительская ассоциация, Москва); **Ю.Р. Вишневский** (почетный профессор УрФУ), министр образования и молодежной политики Свердловской области **Ю.И. Биктуганов**, директор департамента по труду и занятости населения Свердловской области **Д.А. Антонов**.

В.Н. Архангельский (МГУ им. М.В. Ломоносова, ИДИ ФНИСЦ РАН) рассказал о возможностях использования показателей рождаемости для реальных поколений при оценке ее динамики. В качестве примера докладчик привел результаты своего исследования показателей рождаемости в реальных когортах по году рождения женщин и по году регистрации брака. Результаты показали, что значительное снижение суммарного коэффициента рождаемости по первым рождениям в России в последние годы сопряжено с сокращением среднего числа первых рождений к 25 годам.

Доклад чл.-корр. РАН **С.В. Рязанцева** (ИДИ ФНИСЦ РАН) был посвящен влиянию миграции на демографический и интеллектуальный потенциалы населения регионов Российской Федерации. Представлена типология российских регионов по вкладу миграции в формирование демографического потенциала. Эту тему продолжил **В.В. Константинов** (Пензенский госун-т), отметив, что пандемия COVID-19 существенно повлияла на жизнь большинства трудовых мигрантов, однако последствия пандемии не являются столь негативными и деструктивными, как это предполагалось.

В.В. Фаузер (ФИЦ Коми НЦ УрО РАН) посвятил свой доклад факторам и последствиям изменений этнической структуры населения Республики Коми. Отмечены причины

и характер изменения численности коренного населения, а также прогноз перспектив трансформации этнической структуры населения региона в ближайшем будущем.

О.М. Шубат (УрФУ) в своем выступлении подчеркнула значимость корпоративной политики, ориентированной на семьи работников в развитии социальной ответственности бизнеса. Она отметила, что в стране существуют группы регионов, в которых сочетание экономических и демографических условий обеспечивает наиболее высокий потенциал реализации корпоративной политики, ориентированной на семьи работников, и такая неоднородность должна учитываться при разработке мер государственной политики.

М. Яковлевич (Крагуевацкий ун-т, Сербия) остановился в своем докладе на проблеме старения населения в странах БРИКС, связанных с этим расходов на здравоохранение. Докладчик отметил значительный рост процентной доли Китая в глобальных расходах на здравоохранение, а также подчеркнул, что показателем серьезности проблемы старения являются постоянно растущие расходы на здравоохранение из собственных средств, что становится частой причиной финансовой катастрофы для домохозяйств.

Оживленную дискуссию вызвало выступление **Г.Е. Корнилова** (ИИА УрО РАН) о демографических потерях союзных республик СССР в Великой Отечественной войне.

Дальнейшая работа Форума продолжилась на дискуссионных площадках: 1) демографические структуры в исторической ретроспективе; 2) социально-экономические и демографические проблемы развития стран и регионов; 3) безопасность и здоровье детей как национальный приоритет в современном мире; 4) социальное самочувствие и психологическое благополучие различных групп населения.

Во второй день работы Форума состоялось заседание Научного совета «Демографические и миграционные проблемы России» ОН РАН. Обсуждались вопросы роли демографической науки в решении демографических проблем страны, подготовки образовательных программ в области демографии, тема значимости миграции в обеспечении демографической безопасности и формировании демографических резервов в регионах России (выступили: **С.В. Рязанцев, Т.К. Ростовская, Е.Б. Бедрина, М.Н. Храмова**).

Н.П. НЕКЛЮДОВА, О.А. ПЫШМИНЦЕВА

НЕКЛЮДОВА Наталья Павловна, к. экон. н., ст. науч. сотр. (neklyudova.np@uiec); ПЫШМИНЦЕВА Ольга Александровна, мл. науч. сотр. (pyshmintseva.oa@uiec.ru). Обе – Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия.

DOI: 10.31857/S013216250020651-9

ABOUT THE XIII URAL DEMOGRAPHIC FORUM

Natalia P. NEKLYUDOVA, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher (neklyudova.np@uiec); Olga A. PYSHMINTSEVA, Junior Researcher (pyshmintseva.oa@uiec.ru). Both – the Institute of Economics of UB RAS, Yekaterinburg, Russia.

Размышления над новой книгой

© 2022 г.

А.А. ВАСИЛЬЕВ, Е.С. АНИЧКИН, Ю.В. ПЕЧАТНОВА

ЛОББИЗМ КАК ФОРМА ПУБЛИЧНОГО ДИАЛОГА

ВАСИЛЬЕВ Антон Александрович – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права (anton_vasiliev@mail.ru); АНИЧКИН Евгений Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права (rrd231@rambler.ru); ПЕЧАТНОВА Юлия Вадимовна – ассистент кафедры теории и истории государства и права (jp_0707@mail.ru). Все – Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия.

Аннотация. Монография С.Л. Диманса и В.Ф. Левичевой «Лоббизм: поиск институциональности» посвящена всестороннему анализу одного из самых противоречивых феноменов социальной жизни – лоббизму. Авторы обозначают проблемное поле исследования, дифференцируют группы интересов по уровню влияния на власть, исследуют институциональные практики лоббизма, проблемы и способы правового регулирования лоббирования частных, корпоративных и общественных интересов. В книге особое внимание уделяется анализу международного опыта правового регулирования лоббизма, исследованию особенностей российского лоббизма и перспективам его правового регулирования. В целом, рецензируемая монография раскрывает новые грани политико-правовой жизни и настраивает социологов, экономистов, юристов и законодателей на размышления о том, как устроено современное государство.

Ключевые слова: лоббизм • лоббистские практики • группы интересов • антикоррупционное законодательство • правовое регулирование

DOI: 10.31857/S013216250021239-5

В рецензируемой монографии [Диманс, Левичева, 2022] сосредоточены результаты детального анализа одного из самых неоднозначных явлений современности – лоббирования частных, корпоративных и общественных интересов. Подчеркивается междисциплинарный характер исследования лоббизма – как политической модели, социального феномена, юридического института, социально-экономической поведенческой траектории и т.д. В своей работе ученые отмечают неизбежность лоббизма как социально-политического феномена, несмотря на «отрицательную репутацию» лоббизма в общественном мнении. Авторами выдвигается смелое предположение о том, что лоббизм является неотъемлемой и основополагающей частью принятия любых государственных решений.

Как отмечали Ф. Уэйлер и М. Брандли, политикам не хватает времени, ресурсов и адекватной информации, чтобы быстро реагировать на происходящие изменения и принимать решения [Weiler, Brändli, 2015]. Поэтому лоббизм действительно выступает неким обязательным звеном между властью и обществом, позволяющим эффективно выстраивать публичный диалог и оперативно реагировать на общественные запросы. В этой связи институционализация лоббизма посредством принятия нормативного правового акта, регулирующего основные положения о лоббировании частных и общественных интересов, видится необходимым шагом для легализации лоббизма как структурного звена принятия любого властного решения. В противном случае неинституционализированный лоббизм воспринимается и будет продолжать восприниматься обществом как

завуалированная коррупция. Авторы подчеркивают, что даже в случае институционализации лоббизма неизбежно остается пространство для неформальных коммуникаций. Вместе с тем нормативное регулирование придает правилам лоббистской игры системный и упорядоченный характер.

Структура монографии последовательно разворачивает теоретическую модель лоббизма в социально-политической практике через осмысление таких проблем, как сущность и модели лоббизма, субъекты лоббистской деятельности, роль правового регулирования и его перспективы в России, неформальное поле лоббистской практики. Особое внимание уделяется международной практике, этическим кодексам, различным формам лоббизма и средствам преодоления негативных аспектов этой деятельности. Наряду с богатым эмпирическим материалом по каждой главе книги, представлены наглядные кейсы лоббизма в сфере отмыwania финансовых средств, фарминдустрии и лоббистских практик в условиях пандемии COVID-19.

Лоббизм (от англ. lobby – «кулуары») – давление на парламентария путем личного или письменного обращения либо другим способом (организации массовых петиций, потока писем, публикаций) со стороны каких-либо частных лиц с целью принятия или отклонения того или иного решения¹. Однако это энциклопедическое определение уже не в полной мере отвечает современным реалиям. В этой связи авторы приходят к обоснованному мнению, согласно которому «в отличие от западных стран, в которых ключевым объектом давления для групп интересов является законодательная власть, у нас в стране давлению подвергается в основном исполнительная власть» (с. 143).

Более широкого подхода к пониманию лоббизма придерживаются и за рубежом. Исходя из зарубежного опыта правового регулирования [Ситникова, 2010], лоббизм представляет собой процесс продвижения интересов коммерческих и некоммерческих организаций в деятельности публичных органов власти. Нормативные правовые акты о лоббизме предусматривают правовой статус профессиональных посредников (лоббистов), процедуру регистрации лоббистов, порядок предоставления отчетов о контактах с органами государственной власти, а также ответственность за нарушения законодательства. В этой связи зарубежные лоббистские практики и технологии сближают процесс продвижения лоббистского интереса с культурой продвижения товара в маркетинге.

Многогранность и противоречивость изучаемого явления обусловила трудности формирования исчерпывающего определения понятия «лоббизм». В результате проведенного терминологического анализа авторы монографии предлагают рассматривать лоббизм как совокупность институциональных (формальных) и внеинституциональных (неформальных) норм и практик, регулирующих отношения между обществом и властью с целью более полного учета всех интересов, существующих в обществе, и обмена информацией. Столь масштабное понимание лоббизма представляется адекватным действительности, справедливо диссонируя с более узкими подходами (например, как воздействия на власть в целях выработки и принятия только политических решений) [Жирнов, 2010].

Исходя из указанного определения, процессу лоббирования присущи следующие признаки: 1) интеграция и согласование интересов тех или иных социальных групп; 2) наличие некоей силовой составляющей, позволяющей осуществить передвижение «интереса» от периферии к центру с применением обмена и (или) торговли влиянием.

Важным для исследования проблематики лоббизма является изучение природы понятий «интерес», «группы интересов». Авторами рецензируемой монографии предложена классификация групп интересов по степени институционализации, а также по степени давления на властные решения. Так, выделены слабоинтегрированные (например, российская интеллигенция), интегрированные (например, отдельные коллективы, сообщества) и институционализированные группы интересов (например, партии, профсоюзы,

¹ Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. М.: Инфра-М, 2002.

общественные организации). При этом слабая черта любой из обозначенных групп в их узкогрупповом интересе, зачастую не совпадающим с интересами общества в целом.

Также авторы монографии исследуют различные теоретические модели лоббизма, но приходят к обоснованному выводу о том, что информационная, коммуникационная и ролевая асимметрии сторон в лоббистских сделках приводят к такому поведению участников лоббистского рынка, которое не укладывается ни в одну из теоретических моделей, чрезмерно упрощающих сложные политико-правовые процессы.

Исторически первые практики правового регулирования лоббизма появились в США с принятием закона о регистрации иностранных агентов в 1938 г. В дальнейшем американское законодательное регулирование лоббизма видоизменялось и совершенствовалось путём принятия законов о федеральном регулировании лоббизма в 1946 г., о раскрытии лоббистской деятельности в 1995 г., о честном лидерстве и открытом правительстве в 2007 г. [Holman, 2006]. В этой связи США являются лидерами по правовому регулированию лоббистской деятельности, а правовые акты США, регулирующие лоббизм, рассматриваются в качестве модельных законов для других государств.

Авторами монографии предлагается правовая и социологическая оценка законодательных актов, посвященных лоббизму в Великобритании, Канаде, Германии, Нидерландах, Франции и других зарубежных странах, а также подчеркивается наличие правового вакуума в этой сфере в отечественном законодательстве. Действительно, в настоящее время в России лоббистская деятельность регулируется косвенно через антикоррупционное законодательство и законы о государственной службе, хотя, как справедливо замечено авторами, такой подход к правовому регулированию лоббизма характерен для подавляющего большинства стран мира (с. 142).

Кроме того, в российском законодательстве предусмотрены следующие формы косвенного продвижения частных и публичных интересов: обращения граждан, интернет-обсуждения проектов нормативных правовых актов, публичные слушания и общественные обсуждения, оценка регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, проведение антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов, обеспечение доступа к информации о деятельности государственных органов, деятельность экспертных, консультативных и общественных советов, созданных в большинстве органов публичной власти, механизмы социального партнерства, институты общественного контроля и независимой экспертизы и т.д. [Васильева, 2013].

Вопрос о легализации лоббизма в современной России неоднократно выносился на обсуждение на законодательном уровне. Так, с 1991 г. в Государственную думу РФ было внесено около шести законопроектов о лоббизме. Первый законопроект о регулировании лоббистской деятельности был внесен в Государственную думу РФ в 1995 г., но не был принят по причине отсутствия кворума. Следующий – в 1997 г. депутатами В.И. Зоркальцевым, Г.Н. Махачевым, А.В. Чуевым. Основным посылом законопроекта являлось противодействие коррупции и чрезмерному неконтролируемому иностранному лоббизму. Соответственно, инициаторы намеревались установить контроль над теневыми коррупционными схемами и деятельностью иностранных агентов, добивающихся выгодных для себя геополитических решений. Депутатами-инициаторами отмечалось, что действующий механизм взаимодействия общества и власти кулуарен, коррумпирован и хаотичен, в связи с чем преимуществами во взаимодействии с органами власти обладают супермонополии, в то время как граждане не имеют доступа к принятию государственных решений. Указанный законопроект был снят с рассмотрения Советом Государственной Думы Федерального Собрания РФ².

² Проект Федерального закона № 97801795–2 «О правовых основах лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 02.06.1997). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=34479#nNnTz7TEdUaEg8YI2> (дата обращения: 13.06.2022).

Следующий законопроект был внесен депутатами Б.Б. Надеждиным, Б.Е. Немцовым, И.М. Хакамадой в 2003 г. Депутаты-инициаторы указывали, что процессы принятия решений и степень участия заинтересованных групп в их подготовке по-прежнему остаются непрозрачными, что порождает справедливые упреки в необъективности и коррумпированности. Принятие законопроекта подразумевало возникновение состязательности и добросовестной конкуренции среди заинтересованных групп. Вместе с тем указанный законопроект также был снят с рассмотрения Советом Государственной Думы Федерального Собрания РФ³.

В 2013–2015 гг. представителем «Справедливой России» Николаем Левичевым снова было инициировано внесение законопроекта «О порядке продвижения интересов коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей в органах государственной власти и местного самоуправления». По указанному законопроекту законным лоббизмом признано взаимодействие представителя интересов с властным органом с целью оказания влияния на разработку и принятие нормативных актов, политических, экономических и иных государственных решений. Согласно выдвигаемой инициативе законный лоббизм подразумевает установление цивилизованных правил продвижения интересов в органах власти с целью повышения открытости и прозрачности взаимодействия бизнеса и государства⁴. Вместе с тем эта законотворческая инициатива, как и все предыдущие попытки легализовать лоббизм в Российской Федерации, не была осуществлена, в том числе по причине зауженного перечня субъектов лоббистской деятельности (только коммерческие организации и индивидуальные предприниматели).

Авторы рецензируемой монографии предполагают, что по состоянию на сегодняшний день причины институционального диссидентства лоббизма кроются в дисбалансе интересов различных политических и социальных групп. Подобной точки зрения придерживаются и ряд других исследователей [Иванов, 2014; Спектор, 2016], обосновывающих маловероятность принятия специального федерального закона о лоббизме.

Во-первых, законы, регулирующие лоббистскую деятельность, распространяются только на внешних лоббистов, хотя большую часть влияния производят сами должностные лица, действия которых нередко попадают под «внутренний лоббизм». Кроме того, нередко активизируется так называемый механизм «вращающихся дверей», когда бывшие государственные служащие переходят в коммерческие структуры, продолжая оказывать влияние на принятие государственных решений, или, наоборот, руководители крупных коммерческих структур становятся государственными служащими, продолжая лоббировать интересы «своей» хозяйственной отрасли. Такое не прямое лоббирование с чрезвычайным трудом поддается какому-либо правовому нормированию, имеет неформальный характер.

Во-вторых, подробное нормирование лоббистской деятельности само по себе провоцирует скрытые, а равно упрощенные механизмы социальных взаимодействий с властными органами. Согласно идеям Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста, существуют формальные и неформальные практики лоббизма, соответственно, выделяются государства закрытого и открытого доступа [Норт и др., 2011]. В первом случае государство жестко контролирует каналы возможного политического влияния, поэтому в лоббировании преобладают индивидуальные связи, во втором – государство считается плюралистичным, и лоббизм опирается на деперсонифицированный обмен. Исходя из указанного, за формализацией лоббизма неизбежно последует формирование теневых каналов неформального лоббирования.

В-третьих, на сегодняшний день российское бизнес-сообщество и иные заинтересованные акторы не видят необходимости в правовой регламентации своих взаимоотношений с органами публичной власти, поскольку достаточно активно используют уже

³ Проект Федерального закона № 396138–3 «О лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 24.11.2003). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=29107#HloTz7TuYPgRnq832> (дата обращения: 13.06.2022).

⁴ Лоббизму ищут законодательное подкрепление. URL.: <https://www.kommersant.ru/doc/2370990> (дата обращения: 13.06.2022).

апробированные рычаги влияния, как то: антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов, публичные слушания, общественные обсуждения, в том числе посредством различных интернет-платформ, оценка регулирующего воздействия и т.п.

Таким образом, авторы монографии фиксируют важный вывод о том, что пределы лоббистской деятельности фактически необозримы. Регламентировать то, что не имеет предела, невозможно, но можно предусмотреть правила ведения диалога между бизнесом и иными заинтересованными субъектами и властью, чтобы посредники не были вынуждены балансировать на грани коррупции. Иногда одно от другого отделить непросто, но следует согласиться с устоявшейся позицией, в соответствии с которой критериями их разграничения выступают законность отстаиваемого интереса и средства продвижения интереса [Субочев, 2007]. В этой связи авторы рассматривают идеальную форму лоббизма сквозь призму публичного диалога между обществом и властью, правовой основой которого выступают гарантированные любой демократической конституцией политические права.

Значимость исследования, проведенного авторами рецензируемой монографии, в преодолении существующей в общественном сознании дихотомии лоббизм/коррупция. Несмотря на то что зачастую в силу отсутствия законодательных разграничительных маркеров не удается отделить лоббирование интересов от коррупционных схем, указанные социально-политические процессы нельзя смешивать.

Коррупция представляет собой отрицание лоббизма как законного способа влияния на властные решения и опирается на ускоренное, упрощенное и противозаконное продвижение частного интереса. В то же время лоббизм нацелен на выполнение ряда социально значимых функций, способствующих налаживанию конструктивного диалога между обществом и государством. Лоббизм в определенной степени – соперник бюрократии, выступающий в качестве специфической формы проявления политического плюрализма [Пименов, 2011].

Исследование, проведенное авторами рецензируемой монографии, служит наглядным подтверждением того, что процесс продвижения интересов существует во всех странах мира, во всех типах общественно-политического устройства и при этом с трудом поддается правовому регулированию ввиду того, что масштабы теневых коммуникаций не поддаются даже приблизительным оценкам.

Однако на основе богатого эмпирического материала, включающего примеры использования лоббистских практик различных государств мира, авторами доказано, что как отсутствие правовой институционализации лоббизма, так и попытки его чрезмерного нормирования выступают отрицательными факторами, препятствующими сбалансированному публичному диалогу между властью и обществом. В связи с чем важно вывести лоббизм из тени, зафиксировав легальность коммуникаций между государственными и частными структурами в процессе принятия властных решений.

Таким образом, основной посыл рецензируемой монографии, по нашему мнению, в том, что открытый лоббизм выступает идеальной формой публичного диалога между обществом и властью с равными возможностями сторон, правила ведения которого нуждаются в легализации. Но эта легализация должна быть умеренной, рамочной, чтобы не «создавать чрезмерные барьеры лоббистской деятельности вплоть до ее полного легального удушения» [Суровцев, 2016]. При этом видится, что авторами монографии проанализирован объемный массив эмпирического материала, который позволяет сделать еще ряд ценных выводов для политических, юридических, социологических и иных отраслей общественных наук. Рецензируемый труд несомненно займет достойное место среди мультидисциплинарных научных исследований, посвященных вопросам лоббизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильева С.В. Правовой институт лоббизма в России: оценка законодательства и перспектив формирования // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 1. С. 136–148.
- Диманс С.Л., Левичева В.Ф. Лоббизм: поиск институциональности. М.: Ключ-С, 2022.
- Жирнов А.В. Институт лоббизма и перспективы его правового регулирования в России // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 7. С. 14–17.
- Иванов П.А. Проблемы конституционно-правового регулирования лоббизма в России // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 6. С. 12–14.
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Ин-т Гайдара, 2011.
- Пименов Н.А. Лоббизм: проблемы и пути решения // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 10. С. 6–10.
- Ситникова А.В. Конституционность законодательства, регулирующего лоббистскую деятельность в США // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 8. С. 71–73.
- Спектор Е.И. Особенности и перспективы правового регулирования лоббизма в России // Журнал российского права. 2016. № 11. С. 12–20.
- Субочев В.В. Лоббизм как инструмент отстаивания законных интересов // Право и политика. 2007. № 3. С. 68–75.
- Суровцев С.И. Российский закон о лоббизме: первые шаги на пути правовой регламентации лоббистской деятельности в России // Право и управление. XXI век. 2016. № 3(40). С. 55–62.
- Holman C. Origins, Evolution and Structure of the Lobbying Disclosure Act // Public Citizen. 2006.
- Weiler F., Brändli M. Inside versus outside lobbying: How the Institutional Framework Shapes the Lobbying Behavior of Interest Groups // European Journal of Political Research. 2015. Vol. 54. Iss. 4. P. 745–766.

LOBBYING AS A FORM OF PUBLIC DIALOGUE

VASILIEV A.A.*, ANICHKIN E.S.*, PECHATNOVA Yu.V.*

*Altai State University, Russia

Anton A. VASILIEV, Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Head of the Department of Theory and History of State and Law (anton_vasilev@mail.ru); Evgeny S. ANICHKIN, Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Head of the Department of Constitutional and International Law (rrd231@rambler.ru); Yulia V. PECHATNOVA, Assistant of the Department of Theory and History of State and Law (jp_0707@mail.ru). All – Altai State University, Barnaul, Russia.

Abstract. The peer-reviewed monograph “Lobbying: a search for institutionality” by S.L. Dimans and V.F. Levicheva is a comprehensive analysis of one of the most controversial phenomena of social life – lobbying. S.L. Dimans and V.F. Levicheva indicate problematic field of research, differentiating interest groups according to the level of influence on the authorities, explore institutional practices of lobbying, problems and methods of legal regulation of lobbying for private, corporate and public interests. The book pays special attention to international experience in the legal regulation of lobbying, to Russian lobbying market and prospects for its regulation. In general, the monograph under review reveals new facets of recent political and legal life setting up sociologists, economists, lawyers and legislators to ponder about how the modern state works.

Keywords: lobbying, lobbying practices, interest groups, anti-corruption legislation, legal regulation.

REFERENCES

- Dimans S.L., Levicheva V.F. (2022) *Lobbying: the search for institutionality*. Moscow: Klyuch-S. (In Russ.)
- Holman C. (2006) Origins, Evolution and Structure of the Lobbying Disclosure Act. *Public Citizen*.
- Ivanov P.A. (2014) Problems of constitutional and legal regulation of lobbying in Russia. *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo* [Constitutional and municipal law]. No. 6: 12–14. (In Russ.)
- North D., Wallis J., Weingast B. (2011) *Violence and social orders. Conceptual framework for the interpretation of the written history of mankind*. Moscow: In-t Gaidara. (In Russ.)

- Pimenov N.A. (2011) Lobbying: problems and solutions. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye* [State power and local self-government]. No. 10: 6–10. (In Russ.)
- Sitnikova A.V. (2010) Constitutionality of the legislation regulating lobbying activity in the USA. *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo* [Constitutional and municipal law]. No. 8: 71–73. (In Russ.)
- Spector E.I. (2016) Peculiarities and prospects of legal regulation of lobbying in Russia. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law]. No. 11: 12–20. (In Russ.)
- Subochev V.V. (2007) Lobbying as a tool for upholding legitimate interests. *Pravo i politika* [Law and Politics]. No. 3: 68–75. (In Russ.)
- Surovtsev S.I. (2016) Russian law on lobbying: first steps towards the legal regulation of lobbying activities in Russia. *Pravo i upravleniye. XXI vek* [Law and Management. XXI Century]. No. 3 (40): 55–62. (In Russ.)
- Vasilyeva S.V. (2013) Legal Institute of Lobbying in Russia: Assessment of Legislation and Formation Prospects. *Sravnitel'noye konstitutsionnoye obozreniye* [Comparative Constitutional Review]. No. 1: 136–148. (In Russ.)
- Weiler F., Brändli M. (2015) Inside versus outside lobbying: How the Institutional Framework Shapes the Lobbying Behavior of Interest Groups. *European Journal of Political Research*. Vol. 54. Iss. 4: 745–766.
- Zhirnov A.V. (2010) The Institute of Lobbying and Prospects for its Legal Regulation in Russia. *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo* [Constitutional and municipal Law]. No. 7: 14–17. (In Russ.)

ОБЩЕСТВО НЕРАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ: СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ / Под ред. Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2022. 424 с.

Книга посвящена исследованию социальной структуры российского общества, основанному на эмпирических данных РМЭЗ НИУ ВШЭ и Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН. Авторы анализируют стратификацию с точки зрения соотношения жизненных шансов и рисков и предлагают методологию построения вертикальной модели стратификации российского общества на основании учета места человека в четырех ключевых сферах жизни – экономического положения, ситуации на работе, возможностей сохранения и наращивания своего человеческого потенциала, а также особенностей потребления и досуга. В центре внимания авторов – специфика и динамика этой модели, особенности повседневного бытия отдельных групп в ее составе, факторы, определяющие дифференциацию их жизненных шансов и рисков, а также межгрупповая мобильность.

Для специалистов в области социологии, экономики и социальной политики, работников государственных органов, преподавателей, аспирантов и студентов, а также всех интересующихся социальной структурой современной России.

Локосов В.В. СОЦИОЛОГИЯ РАДИКАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В 1987–2020 ГОДАХ. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 552 с.

В монографии анализируется процесс трансформации российского общества в 1987–2020 годах. Автор, обобщив результаты многочисленных эмпирических исследований, статистических обследований, дает научную оценку прошедшим радикальным изменениям российского общества и их социальным последствиям. Он приходит к выводу, что инерционное продолжение изменений ведет к пролонгации критических противоречий общественного развития. Для преодоления этих противоречий необходим новый этап трансформации российского общества, цели, интересы и ценности которого понимают и разделяют большинство граждан.

Издание ориентировано на социологов, экономистов, политологов, специалистов в области других социальных наук, а также широкий круг читателей, интересующихся развитием общественных отношений.

Фишман Л. ЭПОХА ДОБРОДЕТЕЛЕЙ. ПОСЛЕ СОВЕТСКОЙ МОРАЛИ. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 232 с.

Устройство российского общества долгое время описывалось отечественными социальными науками с помощью адаптированных западных теорий и классификаций. В результате его современное состояние предстало как набор архаических феноменов, сплошное «отклонение» от социальной и политической «нормы». Такие описания отвечали исключительно на вопрос: чего в этом обществе нет? В основе книги – исследование, которое представляет собой попытку отказаться от такой парадигмы и описать тектонические сдвиги в коллективной морали, произошедшие в России в конце XX – начале XXI века, с более гибких позиций. Автор выдвигает тезис о том, что «злые» институты и практики иногда вырастают из вполне благородных норм и ценностей, а людям может не хватить опыта и предвидения, чтобы вмешаться в этот процесс. Читатель узнает, почему сама внутренняя логика советского общества обрекла его на движение к той точке, в которой оно в итоге оказалось – значительную роль в этом сыграла специфическая социалистическая этика добродетели и связанные с ней коллективные практики.

Травин Д.Я. КАК ГОСУДАРСТВО БОГАТЕЕТ: ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022. 400 с.

Автор книги рассказывает о важнейших научных теориях, объясняющих причины формирования современного общества. На страницах путеводителя по исторической социологии речь идет о том, почему одни страны богатые, а другие – бедные, почему в одних случаях развитие оборачивается разрушительной революцией, а в других – нет, почему демократия приходит на смену авторитарным политическим режимам, и о многих других вопросах, интересующих сегодня широкие круги российских интеллектуалов.

Книга будет полезна широкому кругу читателей, желающих в простой и доступной форме получить представление о сложных научных теориях, объясняющих развитие обществ.

Шпилов А.В. ДО И ПОСЛЕ СОВРЕМЕННОСТИ. М.: Прогресс-Традиция, 2022. 240 с.

Современный мир в условиях растущей автоматизации и роботизации превращается в «мир без работы». Пролетариат уступает место прекариату, а для обеспечения потребления реализуется концепция безусловного базового дохода. Формирующееся «рентное общество» по соотношению трудовой и досуговой деятельности напоминает доаграрный социум охотников и собирателей, чьим главным занятием был не труд, а разнообразные формы общения. Разворачивающийся процесс объединения труда делает цифровую экономику аналогом архаической: в обеих практики хранения, накопления и наследования минимизированы в силу высокой мобильности населения. Но речь не только об экономике: общество, личность, мышление сегодня претерпевают изменения, приводящие их в состояние, аналогичное существовавшему до неолитической революции. Наметившиеся тренды ретрайбализации, реномадизации и ремифолягизации заставляют задуматься о нынешнем направлении социального развития: не станет ли то, что придет после «конца истории», подобием того, что было до ее начала?

Для социологов, культурологов, историков, философов.

Инглхарт Р. НЕОЖИДАННЫЙ УПАДОК РЕЛИГИОЗНОСТИ В РАЗВИТЫХ СТРАНАХ / Пер. с англ. Н.Ю. Фирсовой; науч. ред. Э.Д. Понарин. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2022. 238 с.

В период с 1981 по 2007 год в большинстве стран возрастал уровень религиозности, отчасти вследствие более высокой рождаемости в религиозных семьях. Но с 2007 по 2020 год почти все страны стали менее религиозны. В условиях недавней по историческим меркам реальности, характеризовавшейся высокой младенческой смертностью и низкой продолжительностью жизни, нормы высокой рождаемости и строгой регламентации сексуального поведения были необходимы для воспроизводства общества. Тем не менее религия угасает и возникает вопрос: что же будет дальше? В своей книге автор, основываясь на данных Всемирного исследования ценностей (1981–2020), рассматривает причины упадка религии в мире – одного из самых серьезных явлений за всю историю человечества – и его возможные последствия.

Лок Э., Стронг Т. КАК УСТРОЕНА МАТРИЦА? СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА / Пер. с англ. Д.В. Онегов, А.В. Зиндер, К.М. Зиндер, А. Мирзоянц; под ред. С.А. Ромашко. М.: ВЦИОМ, 2021. 504 с.

Книга знакомит читателей с вкладом теоретиков – философов, психологов, социологов, историков, языковедов, биологов – и школ, на разных этапах формировавших идейный фундамент социального конструкционизма как парадигмы в социальных и гуманитарных науках. Авторы, будучи убежденными в эвристическом потенциале конструкционизма для анализа человеческих обществ в условиях культурных столкновений и недопонимания, вызванных глобализационными процессами, представляют проблемно и тематически полихромное введение в это направление научной мысли.

Издание адресовано как опытным исследователям, так и студентам.

И ВМЕСТЕ, И ВРОЗЬ: СОЦИОЛОГИЯ ВЗАИМНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СУПРУГОВ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ) / Отв. ред. А.И. Антонов. М.: У Никитских ворот, 2022. 272 с.

В монографии представлены результаты социолого-демографических исследований, проведенных сотрудниками кафедры социологии семьи и демографии МГУ с 1970-х годов и сосредоточенных на ценностно-ориентационной совместимости супругов. В основу исследования легла методология парного опроса, которая позволяет не только учесть индивидуальные ответы, но и сравнить их с особенностями общеимейного МЫ.

Для социальных ученых, преподавателей, аспирантов и всех, кто интересуется методологическими вопросами измерения ценностных ориентаций и установок населения, а также направлениями и целями демографической политики.

Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ И ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ. Новосибирск: НГТУ, 2020. 256 с.

В данной книге актуализация этнокультурного неотрадиционализма и проблемы идентичности интерпретируются как глобальное проявление неоднозначных последствий современных социокультурных трансформаций. Феномен этнокультурного неотрадиционализма обосновывается в качестве ресурса формирования этнической и общенациональной идентичностей, анализируются возникающие при этом проблемы и противоречия. Раскрываются возможности социокультурного подхода и социокультурной феноменологии в исследовании этих процессов. Выявляется важная роль политики этнокультурного

неотрадиционализма и политики идентичности в реализации стратегических ориентиров государственной национальной политики.

Для исследователей в областях социальной философии, философии культуры и культурологии, этносоциологии и этнополитологии, этнологии и этнографии, работников сферы управления, а также студентов и аспирантов соответствующих специальностей.

Мадьяр Б., Мадлович Б. ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ / Пер. с англ. Ю. Игнатьевой. В 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2022.

После распада Советского Союза страны бывшего социалистического лагеря вступили в новую историческую эпоху. Эйфория от краха тоталитарных режимов побудила исследователей 1990-х годов описывать будущую траекторию развития этих стран в терминах либеральной демократии, но вскоре выяснилось, что политическая реальность не оправдала всеобщих надежд на ускоренную демократизацию региона. Ситуация транзита породила режимы, которые невозможно однозначно категоризировать с помощью традиционного либерального дискурса. В данной книге авторы – венгерские социальные ученые – предпринимают попытку найти работающую аналитическую модель и актуальный язык описания посткоммунистических режимов и предлагают обновленный теоретический инструментарий для анализа акторов, институтов и динамики современных политических систем стран Центральной Европы, постсоветского региона и Китая.

Арефьев А.Л., Баженов А.М. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В ПРЕПОДАВАНИИ СОЦИОЛОГИИ: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2021. 207 с.

В учебном пособии обобщается опыт использования художественной и публицистической литературы при чтении лекций и проведении семинарских занятий в рамках университетских курсов по общей социологии, социологии международных отношений и политологии. В работе рассматриваются не только общие теоретические и методические вопросы использования художественной литературы в процессе преподавания в вузе, но и предлагаются конкретные методические рекомендации по ее применению в контексте отдельных тем социологии и политологии.

Пособие рассчитано на преподавателей социологии, а также аспирантов и студентов, обучающихся по программам бакалавриата и магистратуры.

Кордонский С.Г. КАК УСТРОЕНА РОССИЯ. М.: Common Place; Фонд социальных исследований «Хамовники», 2021. 312 с.

Издание представляет собой своеобразное введение в работы специалиста по государственному и муниципальному управлению Симона Кордонского. В книгу вошли его статьи и интервью разных лет, посвященные государственному устройству РФ, структуре научного знания, методологии социального познания и т.д.

Рекомендуется широкому кругу читателей.

Подготовила А. ГОВОРОВА

ПАМЯТИ БОРИСА ГРИГОРЬЕВИЧА НАГОРНОГО (08.06.1939–22.06.2022)

22 июня 2022 г. ушел из жизни Борис Григорьевич Нагорный – социолог, стоявший у истоков зарождения социологической науки на Донбассе, талантливый педагог, любящий муж, заботливый отец и дедушка, верный товарищ и просто прекрасный человек. Более 50 лет он отдал любимой социологии, подготовил сотни социологов, которые сегодня по праву гордятся называть его своим учителем.

Родился Борис Григорьевич 8 июня 1939 г. на Алтае, где на погранзаставе служил его отец. После войны семья переехала в Измаил. В этом городе после окончания школы Борис Григорьевич начал свою трудовую биографию на местной электростанции, пройдя путь от ученика до машиниста паровых турбин. О своих производственных буднях он всегда отзывался очень тепло, до конца жизни сохранив уважение к людям рабочих профессий. В 1960 г. поступил на экономический факультет Кишиневского университета, после – обучался на факультете экономики промышленности Киевского института народного хозяйства. Окончив его с отличием,

Борис Григорьевич с 1965 по 1994 г. проработал в Институте «Укрнииуглеобогащение», начав с должности младшего научного сотрудника и поднявшись до заведующего лабораторией экономики и социологических исследований. Именно здесь началось становление Б.Г. Нагорного как социолога-практика, были проведены его первые исследования. Он без преувеличения исколесил весь Донбасс, а результатом его исследований угольных предприятий региона стал значительный вклад в социологию труда. Его доклады попадали в Министерство угольной промышленности СССР, а «угольные генералы» опасались результатов работы молодого талантливого социолога. В 1970 г. он становится аспирантом Института социологических исследований АН СССР. В 1977 г. защищает кандидатскую диссертацию по специальности «Прикладная социология», а в 1994 г. – докторскую по социологии управления в Харьковском национальном университете и поступает на работу в Восточноукраинский государственный университет им. В. Даля (ныне – Луганский государственный университет (ЛГУ) им. В. Даля). Благодаря Борису Григорьевичу в 1999 г. в вузе была организована кафедра социологии, которую он бесценно возглавлял до 2015 г., с 2015 г. оставался ее профессором. За вклад в развитие университетской науки Ученый совет ЛГУ им. В. Даля присвоил ему звание Почетного профессора.

На протяжении многих лет Борис Григорьевич избирался членом правления Социологической ассоциации Украины и возглавлял Луганское отделение САУ, являлся членом редколлегий многих специализированных социологических журналов, был главным редактором университетского научного сборника «Социологические исследования», а также членом диссертационных советов ВНУ им. В. Даля и ХНУ им. В.Н. Каразина. Под его руководством было защищено пять кандидатских и одна докторская диссертации, возвращено несколько поколений социологов.

Среди наиболее значимых научных трудов советского периода Б.Г. Нагорного можно выделить: «Социологический анализ стимулирования труда рабочих на обогащательных фабриках» (М., 1976), «Анализ состава ИТР на углеобогащательных фабриках» (М., 1978), «Совершенствование организации труда и производства на обогащательных фабриках» (М., 1979), «Совершенствование стабилизации коллективов шахт, разрезов и обогащательных фабрик» (М., 1983), «Социальные резервы на углеобогащательных фабриках» (М., 1987), «Социальные резервы коллектива и трудовая активность» (М., 1988).

В постсоветский период он возглавлял крупные научные проекты: «Социологический мониторинг адаптации коллектива современного университета к инновационным технологиям обучения» (2005–2007), «Влияние университетского образования на формирования

элиты страны (социологический аспект)» (2008–2010), «Влияние глобализационных процессов и кризисных явлений на смену жизненных и ценностных ориентаций студентов» (2010–2011) и др.

Борис Григорьевич – один из первых ученых-социологов, стоявший у истоков создания системы конструктивного управления конфликтами на Донбассе. Следствием социально-политических трансформаций советского общества в конце 1990-х гг. стали острые социально-трудовые шахтерские конфликты. Изучение забастовочных процессов велось как методами классических социологических исследований, так и с помощью фокус-групповых зондирований и комплексной конфликтологической экспертизы. Внедрение фасилитативных методик и технологии медиации на Луганщине при непосредственном участии Бориса Григорьевича позволили выйти на институциональный уровень создания Национальной службы посредничества и примирения (1998), и ее деятельность в дальнейшем помогла снизить остроту социально-трудовых конфликтов на Донбассе. За свой вклад в развитие социологии на Донбассе Борис Григорьевич был награжден орденами Шахтерской славы 2 и 3 степеней, медалью «Ветеран труда», почетным знаком «За заслуги перед Луганщиной».

Человек высокой культуры, чутко чувствовавший музыку и художественное слово, интеллигентный (но не чуравшийся физического труда и людей, связанных с ним), он очаровывал всех на своем жизненном пути. Постоянно интересовался перспективными веяниями современной литературы, был готов учиться у своих студентов. Похоже, по мнению Бориса Григорьевича, социология и литература были неотделимы: «Отдельная и вечная проблема – поиск современных форм профессионального общения со студентами. ...Мне кажется, решение этой проблемы во многом зависит от эффективного союза с литературой, с поэзией... Когда-нибудь появится долгожданная работа "Социология и литература", в которой будущий исследователь, одинаково владеющий знанием истории литературы и истории социологии, опишет многовековую увлекательную историю взаимодействия и конкуренции литературы и социологии».

Главные вопросы социологии, как и других гуманитарных наук, Борис Григорьевич сводил к проблеме ценностей, смысла жизни и мотивов деятельности. Приобщение студентов к идеалам нравственности и их знакомство с высокой культурой, усвоение ими таких понятий, как «любовь», «дружба», «верность», ставились Борисом Григорьевичем во главу университетского образования. Далеко не все его выпускники связали свою жизнь с социологией. Однако все они будут помнить светлый образ своего Учителя и те идеалы, которые он пытался привить им во время своих незабываемых лекций и встреч, прогулок по улицам цветущего весеннего Луганска и совместных посиделок с мороженым.

Борис Григорьевич Нагорный ушел из жизни тихо – утром, в собственном кресле, планируя идти на работу... До последнего мгновения сохранял ясность и остроту ума, живость, легкий характер. После себя он оставил любящих жену, дочь и внучку, верных друзей, благодарных коллег, многие из которых с гордостью называют Бориса Григорьевича своим другом, целую научную школу. Мы всегда будем помнить его вклад и скорбеть об утрате...

«Говорят, что возраст счастья – это возраст желаний. Пока они есть – ты счастливый человек... Я счастливый, потому что у меня любимая работа, любимая профессия, у меня надежный тыл: семья, жена, которая терпит мои недостатки уже более сорока лет, дочь и, конечно, друзья, настоящие друзья».

Коллеги, друзья, ученики

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала «Социологические исследования» принимает к рассмотрению статьи, включая переводы и оригинальные материалы из социологического наследия, обзоры научных конференций, рецензии и другие материалы. Редакция рассматривает *только рукописи, ранее не опубликованные ни в печатном, ни в электронном виде*. Все рукописи проходят проверку на плагиат, рецензирование и редактуру. На всех этапах подготовки рукописи к печати научный редактор взаимодействует с автором.

Редакция оставляет за собой право отклонять, сокращать и редактировать статьи. Редакционная правка подлежит согласованию по заранее оговоренному желанию автора.

Все **статьи публикуются на бесплатной основе** независимо от научного статуса авторов. Для аспирантских и студенческих работ требуется рецензия на них от научного руководителя. Гонорары не выплачиваются.

Публикуемые материалы **могут не отражать** точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Все права на материалы, опубликованные в журнале, принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть воспроизведены в любой форме в других изданиях без письменного разрешения редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в **свободном доступе** на сайте журнала (<http://socis.isras.ru/>) через три месяца после выхода печатной версии.

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39, или по электронной почте: socis@isras.ru.

Требования к рукописи

Каждая рукопись подается в двух форматах: 1) текст, доступный для редактирования, присылается по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc (Word for Windows, с форматированием текста по ширине, 14 кеглем через 1,5 интервала), 2) после подтверждения редакции о принятии рукописи к регистрации загружается на портал <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html> согласно посылаемой авторам инструкции.

Также рукописи в печатном экземпляре можно приносить в редакцию: Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, каб. 309.

Объем рукописи, представленной в редакцию, ограничен по рубрикам:

статьи – не более 1 а.л. (40 тыс. знаков с пробелами);

«Факты. Комментарии. Заметки», «Первые шаги», «Размышления над новой книгой» – не более 0,5 а.л. (20 тыс. знаков);

«Книжное обозрение» – не более 0,4 а.л. (10–15 тыс. знаков);

«Научная жизнь» – до 0,3 а.л. (10–12 тыс. знаков).

Превышение объема может служить основанием для отклонения статьи. Обязательным требованием является нумерация страниц рукописи.

Обзоры конференций и иных научных мероприятий можно присылать не позднее трех месяцев с момента их проведения. В тексте должны быть приведены данные об организаторах конференции, месте и дате ее проведения. Для всех упоминаемых участников указываются их имена и фамилии, а в скобках – место работы и город, для участников международных конференций – также страна. Основное внимание уделять содержанию докладов, выступлений, которые развивают и обогащают социологию. Журнальный обзор не может сводиться к простому перечислению прозвучавших докладов.

В **рецензии** необходимо указать полные данные обсуждаемой книги, включая издательство и объем страниц. Желательно предоставлять саму рецензируемую книгу (или ее электронный вариант). Рецензия не должна содержать реферат книги; необходимо дать

анализ тех идей (положений, рассуждений), которые претендуют на новое (или уточнение нового) знание, а также полемику с аргументированным изложением дискуссионных моментов. Основные причины отказов в публикации рецензий – пересказ содержания без анализа, несоответствие темы рецензируемой книги тематике журнала, а также выбор для рецензии давно вышедшей книги. В 2022 г. могут быть опубликованы рецензии на издания 2020–2021 гг.

По традиции журнал принимает *эссе* или *полемические заметки*, написанные в свободном стиле, которые могут быть опубликованы в рубриках «Социологическая публицистика», «Дискуссия. Poleмика», «Письмо в редакцию».

Журнал публикует *переводы* и *материалы для рубрики «Социологическое наследие»*. Мы рекомендуем выбирать для публикации статьи и источники объемом до 40 000 знаков. Из источника большего объема следует сделать выборку для журнальной публикации. Права на публикацию переводчик должен согласовать с издателем оригинала. Желательно сопровождать перевод или архивный материал предисловием. Комментарий публикатора или переводчика дается в формате концевых или постраничных сносок.

Текст рукописи должен быть приведен автором в соответствие со стилистическими, орфографическими, синтаксическими нормами.

Договор

При принятии статьи к публикации (об этом уведомляет Редакция) автору(ам) необходимо прислать скан-копию подписанного Договора в формате PDF (см. сайт журнала). Если статья написана в соавторстве, то Договор должен быть подписан всеми авторами с указанием необходимых данных. Либо автор, указанный первым в статье, выступает от имени всех соавторов, при этом имея доверенности от них, заверенные по основному месту работы, в противном случае в Договоре указываются и подписывают все соавторы. Скан-копия подписанного Договора высылается по электронной почте в Редакцию.

Рецензирование и редактирование

Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших в Редакцию статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и Редакции журнала. На основе рецензирования Редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей. Имена рецензентов не разглашаются. Редакционные рецензии предназначены только для внутреннего пользования. В случае отказа в публикации Редакция **не вступает с авторами** в дискуссию. Решение о приеме к публикации принимается **в течение 2-х месяцев** со дня регистрации рукописи в Редакции. Отбор материалов для текущего номера определяется редакционными планами.

При рецензировании поступивших рукописей редколлегия, внешние рецензенты и редакция руководствуются следующими критериями.

1. Постановка научной проблемы, ее актуальность с точки зрения решения научных задач, которые относятся к проблематике и профилю журнала.

2. Оригинальность, самостоятельность, новизна, интересные и/или дискуссионные подходы.

3. Теоретическое обоснование избранной темы.

4. Соблюдение методологической и методической культуры (описание объекта и предмета, целей и задач исследования, гипотез, выборки, время проведения, инициаторов исследования и т.п.).

5. Достоверность и убедительность данных.

6. Использование материалов предшественников, наличие полемики с ранее опубликованными материалами, в том числе и в «СоцИсе», исходя из того, что журнал – это площадка для дискуссий.

7. Уровень литературной редакции текста, точность выражения, лаконичность, стройность и логичность аргументации, а также соответствие редакционным требованиям (см. требования к оформлению).

Основные причины отказа в публикации для статей

1. Несоответствие тематике журнала. «Социологические исследования» не являются обществоведческим журналом, поэтому материалы публикуются по социологии. Применение методов и инструментария еще не делают статью социологической, так как она может решать педагогические, правовые, психологические и другие проблемы, которые не входят в компетенцию социологии.

2. Отсутствие или слабость научного аппарата. Статья должна содержать отсылки не только к истории проблемы, но и к современным исследованиям по обсуждаемой теме.

3. Превышение объема в 40 000 знаков и несоблюдение требований к оформлению рукописи.

4. Обширные повторы текста из ранее опубликованных работ автора.

Обязанности авторов

Передавая в редакцию рукопись, **авторы обязуются не публиковать ее ни в каком ином издании без письменного согласия редакции.**

Авторы гарантируют, что результаты исследования, изложенные в предоставляемой рукописи, получены в ходе личной исследовательской работы, не заимствованы, не являются плагиатом, перефразированием, присвоением результатов чужих исследований.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

В качестве соавторов статьи следует указывать лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Указание в числе авторов лиц, не внесших интеллектуальный вклад в исследование, является нарушением авторских прав и норм этики.

Автор обязан указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Избыточное самоцитирование и дружественное (корпоративное) цитирование, нерелевантные ссылки интерпретируются как нарушение публикационной этики.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после ее опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Рекомендации по описанию методики исследования

В рукописи, содержащей описание результатов эмпирических социологических исследований, должна быть представлена методика исследований (в том числе при использовании данных других исследовательских центров и организаций).

Сведения о методике исследования следует изложить в одном из вариантов:

- специальном разделе (параграфе) статьи (но не в аннотации);
- непосредственно в тексте;
- в сноске;
- в примечании к статье.

Эти сведения должны включать следующую информацию.

1. Название организации, проводившей исследование.
2. Даты проведения исследования (полевых работ).
3. Используемые источники информации, эмпирическая база исследования.
4. Структура генеральной совокупности.

5. Описание методов сбора данных (анкетирование, интервьюирование, наблюдение, эксперимент, контент-анализ).
6. Тип (вид) выборки, ее объем (численность опрошенных, интервьюируемых, участвующих в фокус-группах и т.д.), сведения о респондентах выборки. Ошибка выборки.
7. Описание методов анализа данных. При использовании коэффициентов корреляции указывать их статистическую погрешность, при использовании факторного анализа – процент объясненной дисперсии.
8. Авторство методического инструментария (полностью или частично авторский, использование наработок коллег).
9. Указание точной формулировки анализируемых вопросов, а также их формы (открытый, закрытый, полужакрытый и проч.).
10. Краткое изложение позитивного и негативного методического опыта: апробация методического инструментария, сложности в реализации исходных замыслов, обнаруженные несовершенства инструментария, нестандартные ситуации организационного и методического характера.

При оформлении таблиц следует указывать, считаются ли проценты от числа ответивших на данный вопрос или от совокупности опрошенных; наряду с указанием процентов важно указывать общую численность единиц наблюдения.

Технические требования к рукописи

Редакция принимает рукописи до 40 тыс. знаков с пробелами (включая аннотацию, ключевые слова на русском языке, а также блок на английском языке).

В начале рукописи после названия статьи следует указать курсивом: **сведения об авторе** (авторах): Ф.И.О. (полностью), ученая степень и ученое звание, наименование места работы, должности, контактный телефон, адрес электронной почты, город; **аннотация и список ключевых слов** (не более 10) на русском языке. Для коротких рецензий и материалов в рубриках «Книжное обозрение», «Научная жизнь» аннотация и ключевые слова не требуются. После основного текста статьи даются список литературы, блок на английском языке (см. структуру статьи), рисунки.

Аннотация – резюме об основных идеях и результатах – должна отражать содержание статьи и результаты исследований; быть структурированной (следовать логике описания результатов в статье); объем – 100–200 слов. Не следует дословно повторять в статье то, что уже сказано в аннотации.

Примечания в статье даются в постраничных сносках. В отдельных случаях можно использовать затекстовые примечания (при их большом количестве и самом объеме текста, перед списком литературы). Информация об источниках финансирования указывается в сноске на первой странице без нумерации. Публикуется только сокращенное название фонда (или программы) и номер гранта. Название гранта не публикуем. Благодарности при необходимости выносим в сноску либо на первую стр. в ссылку о гранте, либо в заключительной части статьи.

Не допускаются «слепые» (неструктурированные) статьи, их нужно разделить на смысловые части. Текст должен содержать постановку задачи, описание методологии и методики (если это результаты эмпирического исследования), основные результаты и выводы. Структура выделяется следующим образом: главы – **п/ж строчные** – отдельной строкой (без точки в конце заголовка); параграфы – **п/ж строчные** (в начале абзаца с точкой, текст далее в подбор к заголовку), подпараграфы – **п/ж строчные курсив**.

Англоязычная часть статьи обязательна при сдаче рукописи, располагается в конце статьи и содержит в себе следующие структурные элементы:

- название статьи; ФИО автора/ов;
- аффилиация (организация, страна);

- авторская справка – Имя О. ФАМИЛИЯ (на латинице именно в таком порядке), звание, должность, место работы (если несколько мест, то указывать все), академия, город, страна, e-mail в скобках;
- информация об источниках финансирования (Acknowledgements);
- abstract – аннотация должна быть расширенной (недопустим дословный перевод русскоязычной аннотации), отражать основное содержание статьи и результаты исследований; написанной грамотным английским языком с использованием специальной научной терминологии; компактной, но не короткой (в пределах – 200–250 слов);
- keywords (через запятую не более 10 слов);
- references – список литературы на английском языке. Выстраивается в алфавитном порядке (будет отличаться от русскоязычного).

Авторы обязаны указывать **источники приведенных в статье цитат**, статистических данных и иной информации; аббревиатуры следует пояснять. При ссылке на источник необходимо в **квадратных скобках** указывать фамилию автора, год издания и страницу при цитировании.

Список использованной литературы дается в конце статьи в алфавитном порядке без нумерации. Первыми располагаются публикации на русском языке, далее – на иностранном.

Таблицы вставляются в текст статьи после ссылки на нее (при оформлении ориентироваться на используемый в журнале образец).

Графические материалы (рисунки). К рассмотрению принимаются статьи только с **монохромными** (черно- бело-серыми) рисунками. **Цветные рисунки не принимаются.** После принятия рукописи к публикации по запросу редактора рисунки высылаются отдельными файлами в формате:

Excel, если это графики, гистограммы и т.п. (файл должен содержать исходные данные, вбитые в электронную таблицу, и построенную по ним диаграмму; если диаграмм в статье несколько, то можно выслать их одним общим файлом, но при этом каждая диаграмма и данные для нее должны размещаться на отдельном листе);

*.tiff, *.png (предпочтительно) или *.jpg (нежелательно, но допустимо), если рисунки выполнены не в Excel. В этом случае **разрешение** изображения должно быть не менее 300 dpi; **размер** – не менее 12–15 см по ширине (длинной стороне).

Оформление библиографического раздела статьи

Список использованных источников оформляется в виде библиографического списка в алфавитном порядке (вначале русскоязычная литература). Обязательно указывается диапазон страниц статьи в журнале, в сборнике. При цитировании обязательно должна быть указана стр. из источника. При наличии у статьи DOI нужно указывать присвоенный номер. Когда в списке литературы присутствуют работы одного автора, выпущенные в одном и том же году, необходимо после года выпуска присваивать буквенное обозначение. Общее количество страниц в монографии и пр. не указываем.

В список литературы следует относить только научные публикации. Ссылки на нормативные документы, газетные статьи, интернет-страницы давать в постраничных сносках с указанием даты обращения. При использовании архивных данных описание давать либо в сносках, либо в приложении.

В тексте статьи при ссылке на источник **не использовать нумерацию**. Необходимо указывать в квадратных скобках фамилию автора (**без инициалов**) и год издания через запятую. Когда автор дает ссылку на конкретную(ые) страницу(ы) текста в статье или приводит цитату, необходимо указывать страницу(ы) через двоеточие. Если у источника два автора – фамилии указывать без инициалов через запятую, если авторов больше двух, то указать первого и ставить «др.». В случае ссылки на литературу на иностранном

языке фамилия или название пишется на языке источника. Если авторов (или редакторов) несколько – указывать первую фамилию и ставить «et al.».

Авторам необходимо знать, что **нет необходимости ссылаться на электронный документ в случае существования его печатного аналога**. В трудах академического характера более приемлемым является приведение ссылок на печатные издания. При оформлении электронной ссылки в списке литературы желательно указывать авторство (если оно есть), название документа (статьи и т.п.), перед самой ссылкой ставить значок «URL». Электронный адрес и дату обращения к документу приводят всегда.

Оформление библиографического раздела статьи в английском блоке (**References**) несколько отличается от русскоязычного.

1. Год издания выносится после фамилии в круглых скобках.
2. Знак «//» не используется, а название журнала или монографии дается курсивом. Авторы и редактор прямо, а не курсивом, как в русскоязычном списке.
3. Если статья в сборнике или в монографии, указывается «In:» вместо «//».
4. При переводе названия русскоязычной статьи используйте тот перевод, который дан в самом журнале, где она была напечатана. Транслитерация названий не нужна:

Gofman A.B. (2015) Conceptual Approaches to Analysis of Social Unity. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 29–36. (In Russ.)

5. Обязательно отмечайте в круглых скобках, на каком языке дается источник (In Russ.), если он на английском языке, то указывать не нужно.

6. Дата обращения к источнику в электронных публикациях пишется в круглых скобках по-англ. (accessed 12.12.2021).

(!) Если в статье количество русскоязычных источников не превышает пяти, то список литературы объединяется под названием: СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES].

Пример объединенного оформления:

- Дубин Б., Зоркая Н. Чтение и общество в России 2000-х годов // Социологические исследования. 2009. № 7. С. 61–77. [Dubin B., Zorkaya N. (2009) Reading and Society in Russia in 2000s. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 61–77. (In Russ.)]
- Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2016. [Girenok F.I. (2016) *Clip Consciousness*. Moscow: Prospekt. (In Russ.)]
- Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И. Потенциал и пути развития филантропии в России. М.: ВШЭ, 2010. [Mersyanova I.V., Yakobson L.I. (2010) *The Potential and the Development of Philanthropy in Russia*. Moscow: VShE. (In Russ.)]
- Enders J., Kaulisch M. (2006) The Binding and Unbinding of Academic Careers. In: Teichler U. (ed.) *The Formative Years of Scholars*. London: Portland Press.
- Smith J. (2010) Forging Identities: the Experiences of Probationary Lecturers in the UK. *Studies in Higher Education*. Vol. 35. No. 5: 577–591.

Подробнее о библиографическом описании см. на сайте журнала: http://socis.isras.ru/index.php?page_id=539.

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2022 No. 7

CONTENTS

THEORY. METHODOLOGY

- 3 KISLENKO I.Y. On Colonial Episteme and Decolonial Sociology (Discussing the Canonization of W.E.B. Du Bois)
15 TURNER S.P. De-Intellectualizing American Sociology. A History, of Sorts

METHODOLOGY AND METHODS OF SOCIOLOGICAL STUDIES

- 28 TATAROVA G.G., KUCHENKOVA A.V. The Demand for the "Typological Turn" in Empirical Sociology

ECONOMIC SOCIOLOGY. SOCIOLOGY OF WORK

- 41 BOCHAROV V.Yu. Changing Approaches to the Studying of Labor Relations in Russian Sociology
53 KRASOVA E.V. Labor Intellectualization as a Social Phenomenon of Modern Capitalism
63 SHEVCHENKO I.O., SHEVCHENKO P.V. From Employment Precarization to Life Precarization?

ETHNOSOCIOLOGY

- 76 AVKSENTEV V.A., AKSIUMOV B.V. "Identities Portfolio" of the Youth of the Southern Russia After 12 Years
88 NEUSTROEVA A.B., SAMSONOVA I.V. Problems of Indigenous Peoples of the North (Based on the Materials of the Republic of Sakha (Yakutia))

SOCIOLOGY OF RELIGION

- 97 BABICH N.S., BATYKOV I.V. Consumer Society: Case of Modeling Relationships Between Consumerism and Religiousness
109 OSTROVSKAYA E.A., BADMATSYRENOV T.B. Russian Digital Buddhism: Strategies of Buddhist Communities in New Media

SOCIOLOGY OF INTERNATIONAL RELATIONS

- 120 LEE MOON-YOUNG. The Korean Conflict and the Nuclear Problem in Public Opinion Research
129 NAM HYE HYUN, FEDOROVA K.S. The Language Ideology of Russia and South Korea (Attitudes to the Languages of Migrants in Public Discourse)

SOCIOLOGICAL JOURNALISM

- 142 DAVYDOV D.A. Class Domination in the Era of Post-Capitalism: Part 1. The Ethos of the Personalist

ACADEMIC EVENTS

- 153 GABDRAKHMANOVA G.F., MAKAROVA G.I. Studies of Ethnosocial Processes in Russian Regions
155 NEKLYUDOVA N.P., PYSHMINTSEVA O.A. About the XIII Ural Demographic Forum

REFLECTING ON A NEW BOOK

157 VASILIEV A.A., ANICHKIN E.S., PECHATNOVA Yu.V. Lobbying as a Form of Public Dialogue

164 BOOKS IN BRIEF

IN MEMORIAM

167 NAGORNYI B.G.

169 INFORMATION FOR AUTHORS

175 CONTENTS

NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCE (inside front cover)

IN THE NEXT ISSUES (back cover)